

Е. М. ПРИМАКОВ

ВОСТОК

ПОСЛЕ КРАХА
КОЛОНИАЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ

Е. М. ПРИМАКОВ

ВОСТОК

ПОСЛЕ КРАХА
КОЛОНИАЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Примаков Е. М.

**П 76 Восток после краха колониальной системы. М.:
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1982.**

208 с.

В книге рассматриваются особенности современного развития бывшего колониального и зависимого мира, показываются противоречивые черты нового лица постколониального Востока, неоднозначность и сложность происходящих в Азии и Африке процессов, освещается место стран этого района в международных отношениях, в мировой политике и экономике.

П 0803000000-114
П 013(02)-82 10-82

327.25

Евгений Максимович Примаков

**ВОСТОК ПОСЛЕ КРАХА
КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Редактор *А. Г. Лиознов*. Младший редактор *О. А. Осипова*. Художник *С. А. Киреев*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *Г. А. Никитина*. Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 14624

Сдано в набор 12.02.82. Подписано к печати 28.05.82. А-11149. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская №1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 10,92. Уч.-изд. л. 11,37. Тираж 8200 экз. Изд. № 5212. Зак. № 102. Цена 95 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

*Светлой памяти сына и друга,
с кем обдумывались многие идеи
этой книги*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В середине XX в. произошло событие величайшей исторической важности — перестала существовать колониальная система империализма. На обломках еще недавно могущественных колониальных империй возникли десятки молодых суверенных государств.

Процесс образования этих государств отнюдь не был следствием добровольной сдачи позиций теми, кто создал колониализм и превратил его в органическую часть механизма всемирной капиталистической эксплуатации. Термин «деколонизация» состоятелен лишь в том смысле, что он показывает направление исторического движения, но не мифическую «добровольную инициативу» колонизаторов, которую целый ряд буржуазных исследователей пытается изображать как реальный факт истории. Развал колониальной системы произошел в итоге многолетней национально-освободительной борьбы народов колоний и полуколоний. Ему способствовало революционное движение в метрополиях. Вместе с тем он стал возможен лишь в определенных международных условиях, которые возникли в результате величайшей победы Советского Союза во второй мировой войне, его решающего вклада в разгром наиболее агрессивных отрядов мирового империализма — нацистской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии. Эта победа открыла путь для торжества революций в целом ряде стран Европы и Азии. Состоялся повсеместный штурм позиций колонизаторов. Резкое изменение соотношения сил в мире в пользу социализма — таков был не только исторический фон, но и необходимое условие краха колониальной системы.

Не менее важен тот факт, что коренное изменение соотношения сил в мире обеспечило стабильность ве-

шающих итогов ликвидации колониальной системы, сделало их необратимыми. За политическим освобождением колоний и полуколоний последовали:

почти полная утрата империализмом способности добиваться своих целей посредством лобовых атак против молодых национальных государств;

расстройство старого механизма, с помощью которого империалистические государства многие десятилетия эксплуатировали колониальные, зависимые, а затем уже и освободившиеся страны, и, более того, вызревание кризиса неоколониалистских методов экономической эксплуатации;

утверждение в напряженной борьбе принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами с различным общественным строем, содействующее успеху борьбы за национальное и социальное освобождение;

«универсализация» международных отношений, при которой мировая политика из сферы деятельности небольшого числа государств превратилась в дело всего человеческого сообщества.

Изменение соотношения сил в мировом масштабе находит соответствующее отражение на всем процессе развития освободившихся, или развивающихся, стран, т. е. несоциалистических государств, образовавшихся на месте недавних колоний и полуколоний.

Разумеется, империализм не отказался от своих попыток сохранить в подчиненном положении бывший колониальный и зависимый мир. Обретение бесправными в прошлом колониями и полуколониями политического суверенитета не означало прекращения экономической эксплуатации «периферии» мирового капиталистического хозяйства (развивающихся государств) со стороны его «центра» (развитых капиталистических стран). С помощью новых методов, которые лежат преимущественно в области экономики, империализм пытался и пытается пресечь или ослабить возможность независимого развития освободившихся стран, защиты ими своих национальных интересов. При этом далеко еще не стали достоянием истории и типично колонизаторские методы военно-силового давления на те страны, которые проявляют самостоятельность в своей внутренней и внешней политике.

Вместе с тем крах колониальной системы уже стал качественным сдвигом в истории человечества. Он не мог не сказаться на всей сумме отношений в мировом капиталистическом хозяйстве, на функционировании мирохозяйственных связей, на развитии мировой политики, в конце концов на соотношении сил империализма и реакции, с одной стороны, социализма и прогресса — с другой.

Автор книги, как это видно уже из ее названия, не ставит перед собой цели исследовать все или даже большинство всемирных последствий великого исторического сдвига — крушения колониальной системы империализма. Он видит свою задачу более ограниченной: показать сложный профиль послеколониального Востока, уже сбросившего с себя цепи политической зависимости, уже обретшего суверенные права на свои природные богатства, уже превратившегося из объекта в субъект истории, но еще далеко не завоевавшего адекватного места ни в мировой экономике, ни в мировой политике, ни в международных отношениях.

Жизнь поставила перед бывшими колониями и полуколониями сложную проблему выбора направления дальнейшего социально-экономического и политического развития. Лишь несколько стран Востока в ходе или после освобождения начали социалистическую революцию. Среди остальных — основной массы молодых государств — отнюдь не все встали на путь социалистической ориентации и не все, вставшие на этот путь, удерживаются на нем, некоторые отступают, движутся вспять. Большинство освободившихся стран либо продолжает, либо начинает свое развитие по пути капитализма.

Однако весь этот многоплановый процесс развития освободившихся от колониальной зависимости стран в общем не стабилизирует мировой капитализм: послеколониальный Восток не является и не будет его резервом. Даже значительное развитие капитализма в целом ряде освободившихся стран не укрепляет мировую капиталистическую систему. Напротив, оно расширяет и углубляет существующие и порождает новые противоречия мирового капитализма.

Глубокая и отчетливая дифференциация, очевидно, стала одним из главных признаков бывшего коло-

ниального мира. Она особенно усилилась в 70-е годы. При этом неоднородность постколониального Востока проявляется в различии не только избранного пути развития или достигнутой степени развитости, но и политической линии освободившихся стран — либо независимой, либо проимпериалистической. Акцент на многоплановый характер неоднородности сделан в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. По поводу освободившихся стран в Отчетном докладе говорится, что они «очень разные. Одни из них после освобождения пошли по революционно-демократическому пути. В других утвердились капиталистические отношения. Некоторые из них проводят подлинно независимую политику, другие идут сегодня в фарватере политики империализма. Словом, картина довольно пестрая»¹.

Противоречивые черты нового лица Востока, диалектическое единство многих противоположностей, неоднородность происходящих в Азии и Африке процессов, часто не укладывающихся в рамки обычных представлений и нуждающихся в новых к себе подходах, — вот что в основном интересовало автора этой книги.

Конечно, не все черты лица постколониального Востока выписаны в книге одинаково: одни — более четко, другие — менее отчетливо, третьи — в лучшем случае обозначены пунктиром. Естественно, что многие из них нуждаются в дальнейшем прояснении.

В заключение своего предисловия автор хотел бы выразить признательность всем товарищам и коллегам, которые помогли ему в работе над книгой.

Глава I

ОСВОБОДИВШИЕСЯ СТРАНЫ: ОБЩНОСТЬ ИЛИ КОНГЛОМЕРАТ!

В Программе КПСС отмечается, что освободившиеся страны «не входят ни в систему империалистических государств, ни в систему социалистических государств»¹. Можно ли в таких условиях рассматривать их как общность, или следует считать, что они участвуют во всемирно-историческом развитии как конгломерат, сумма индивидуальных «включений»? Это не праздный и даже не чисто академический вопрос. От того или иного ответа на него зависит наше представление о наличии или отсутствии общих закономерностей развития бывших колоний и полуколоний. Без ответа на этот вопрос затруднен (если не невозможен) анализ нынешней ситуации и перспектив развития значительной части бывшего колониального мира.

В колониальный период присущая странам Востока общность не вызывала сомнений. Несмотря на то что эти страны различались по степени зависимости (колонии, протектораты, формально суверенные, но полностью подчиненные метрополиям страны, а также страны, представляющие «промежуточные звенья» между этими типами колоний и полуколоний) и уровню развития, все они входили в колониальную систему империализма. Их общими признаками были: отсутствие независимости, положение эксплуатируемого придатка (рынки сбыта и, что стало особенно важным при монополистическом капитализме, сферы приложения капитала), аграрно-сырьевая специализация в международном капиталистическом разделении труда.

Ликвидация колониальной системы привела к утрате некоторых из этих признаков. Бывшие колонии и полуколонии обрели политическую независимость, государственный суверенитет, и в этом смысле перестали в целом

отличаться от государств остального мира. В ряде стран начался и получил известное развитие процесс индустриализации: они не являются более лишь аграрно-сырьевыми придатками империализма в старом значении. В то же время нет возможности свести освободившиеся страны в одну группу, например, по признаку однородности установившихся в них режимов — в разных странах эти режимы представляют интересы различных классов и социальных групп или их коалиций. После освобождения еще больше увеличился разрыв в уровнях развития между отдельными странами Востока, и это обстоятельство тоже не способствует их объединению в единую группу.

В таких условиях очевидно, что одного лишь «ретроспективного» критерия (принадлежность в прошлом к колониальной системе империализма) недостаточно, для того чтобы рассматривать освободившиеся страны как некую общность. Гораздо важнее определить, обладают ли эти бывшие колонии и полуколонии общими характеристиками, связанными с их *нынешним* состоянием.

Жизнь отвечает на этот вопрос положительно. Освободившиеся страны и в нынешних условиях имеют много общего: низкий уровень экономического развития; особое место в мировом капиталистическом хозяйстве, обусловленное сохранением их положения как эксплуатируемой «периферии» мирового капитализма; многоукладную экономику.

Для выделения освободившихся стран в качестве единой группы весьма важно учитывать и субъективный фактор — особенности их политики, которые наиболее контрастно проявились в 60—70-е годы. К ним следует прежде всего отнести приверженность большинства освободившихся стран принципам неприсоединения и борьбу этих стран за демократизацию мирохозяйственных связей, за новый международный экономический порядок.

Однако вывод о наличии общих черт, делающих освободившиеся страны определенной исторической общностью, не идентичен утверждению о существовании некоего «третьего мира», якобы идущего по особому пути формационного развития. При определении общности развивающихся государств надо, очевидно, исходить из двух основополагающих моментов: факта разделения

современного мира на две противоположные общественно-политические системы и сути современной исторической эпохи как переходной от капитализма к социализму.

В группе освободившихся стран сегодня объединились государства, идущие по капиталистическому пути, и государства, избравшие социалистическую ориентацию. Причем действует тенденция постепенного «размывания» этой группы за счет перехода отдельных государств из нее в мировую социалистическую систему либо в категорию развитых капиталистических стран. Конечно, такое «размывание» — длительный по времени исторический процесс: общность освободившихся стран достаточно инертна. Но эта длительность отнюдь не является доказательством того, что группа освободившихся стран развивается или может развиваться по законам, отличным от тех, которые в целом определяют характер нашей эпохи, тенденции и направления социального прогресса. •

Относительная неустойчивость, подвижность состава группы развивающихся стран является следствием не только ее переходности. Известно, что каждая из двух противоположных систем — и социалистическая, и капиталистическая — состоит из государств, в основе однородных по базисным и надстроечным характеристикам: господствующим производственным отношениям и соответствующим им политическим, правовым и другим общественным идеям и учреждениям. Показатели этой однородности (что, естественно, не снимает вопроса об особенностях, специфике развития отдельных стран) в обоих случаях являются главным критерием целостности каждой из двух систем. Следует особо подчеркнуть, что такой главный критерий может находиться только в сфере базиса и надстройки. Между тем общность освободившихся стран не обладает таким главным критерием. Освободившиеся страны неоднородны и по базисному и по надстроечному признаку. Видимо, критерий их общности комплексный, причем в этом комплексе нет какой-либо одной главной, определяющей все остальные, черты. Однако это отнюдь не означает, что сам комплекс строится из случайных элементов. Его формируют особенности развивающихся стран, проявляющиеся в основном в сферах производительных сил, внутрихо-

зайственных и мирохозяйственных производственных отношений.

При отсутствии единых для всех освободившихся стран базисного и надстроечного признаков ряд исследователей пытается выделить эти страны в особую группу с помощью какого-либо альтернативного критерия. Некоторые видят этот критерий в многоукладности экономики², другие — в зависимом развитии освободившихся стран³.

Своеобразной попыткой изобрести главный критерий для группы развивающихся стран, но при полном игнорировании классового подхода является маоистская теория «трех миров», объединившая в один «третий мир» различные государства со слаборазвитой экономикой, в том числе и социалистические. Эта «теория» не столько определяет те общие моменты, которые характеризуют развивающиеся страны, сколько стирает грань между двумя противоположными общественно-политическими системами, нивелируя все избавившиеся от колониального гнета страны вне зависимости от того, произошли ли в них социалистические революции, или они продолжают оставаться в рамках мирового капиталистического хозяйства.

Аналогичная нивелировка различных бывших колониальных и полуколониальных стран при полном абстрагировании от характера их социально-экономического строя присуща и тем, кто рассматривает в качестве главного признака, определяющего общность развивающихся стран, «внеблоковость». Известно, что в мире существуют различные военные организации: с одной стороны, созданные империалистическими государствами и, с другой — Варшавский Договор, который явился ответом ряда социалистических государств на образование Североатлантического союза — НАТО. Однако ни НАТО и другие империалистические военные союзы, ни Варшавский Договор не являются первичными — они вторичны, производны от двух противоположных общественных систем. Известно также, что НАТО и другие империалистические военные союзы объединяют вовсе не все развитые капиталистические государства и что не все социалистические государства участвуют в Варшавском Договоре. Но можно ли только на основании этого считать, что у тех, кто не участвует в противостоящих

пактах, больше общего друг с другом, чем у одних капиталистических стран с другими капиталистическими странами и одних социалистических стран с другими социалистическими странами? Можно ли, наконец, вообще ставить знак равенства между всеми военными союзами вне зависимости от того, кем и с какой целью они созданы и какими мотивами руководствуются в своей деятельности?

Мысль о комплексном характере критерия, определяющего целостность и специфичность группы развивающихся стран, была высказана еще в середине 60-х годов С. И. Тюльпановым. По его мнению, этот критерий должен учитывать «особое место в системе всемирных экономических и политических связей; уровень экономического развития и специфические черты воспроизводства; особенности социально-экономической структуры»⁴.

В общем по аналогичной схеме строился комплексный критерий и авторами коллективной монографии «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы», подготовленной под руководством В. Л. Тягуненко, Р. М. Авакова, К. Л. Майданика.

Определенное уточнение и развитие понятия комплексного критерия делается в статье В. Л. Шейниса, опубликованной в 1978 г.⁵ Классификационные сферы, предложенные им с целью создания типологии развивающихся стран, могут служить и для формулирования комплексного критерия развивающегося мира как единой системы. Эти сферы — социальная ориентация; формационная (укладная) характеристика; уровень и тип развития производительных сил; положение в мировом капиталистическом хозяйстве; экономический потенциал.

Представляется вместе с тем, что к критериям, базирующимся на этих социально-экономических классификациях, следует добавить и другие характеристики, в том числе политического порядка.

В комплекс признаков, по которым определяется общность развивающихся стран, очевидно, могут быть включены:

односторонняя зависимость от «центров» мирового капитализма либо асимметричная взаимозависимость с ними, что предопределяет особое место освободившихся стран в мировой капиталистической экономике;

многоукладность экономики;

относительно низкий уровень развития производительных сил;

несовместимость национальных интересов с империалистическими интересами и политикой развитых капиталистических государств.

Рассмотрим каждый из этих критериев в отдельности.

Односторонняя зависимость или асимметричная взаимозависимость. При всей относительности этих понятий они, очевидно, более адекватно отражают то особое место, которое принадлежит развивающимся странам в мировом капиталистическом хозяйстве, чем понятие «зависимый тип развития», предложенное в качестве критерия авторами монографии «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы».

В свете происходящих в мировой капиталистической экономике процессов проблема зависимости нуждается в уточнении. Ее следует рассматривать дифференцированно, на различных уровнях. Прежде всего отметить, что понятие экономической зависимости распространяется, по сути дела, на отношения между всеми государствами, участвующими в мировом капиталистическом хозяйстве. Тенденция роста взаимозависимости — функция от интернационализации производства, сопутствующей развитию капитализма, от углубления капиталистического разделения труда, усиления позиций и расширения деятельности транснациональных корпораций (ТНК), развертывания интеграционных процессов, т. е. от всего того, что во многом характеризует состояние и перспективы мирового капиталистического хозяйства. Стало быть, чтобы обозначить место, которое принадлежит в этом хозяйстве развивающимся странам, нужно определить уровень и тем самым характер их зависимости.

От присущего развитым капиталистическим странам типа зависимости отличается тип зависимости, который свойствен отношениям между капиталистическим «центром» и «периферией». В первом случае речь идет о, так сказать, обычной взаимозависимости, возникающей в результате международного разделения труда в группе развитых капиталистических стран. Такая взаимозависимость охватывает однородные качественно, хотя и различающиеся по количественным характеристикам

компоненты. Во втором же случае налицо либо односторонняя зависимость, либо асимметричная взаимозависимость*.

Конечно, взаимозависимость в отношениях между развитыми капиталистическими странами тоже не сбалансирована. Можно лишь весьма приблизительно говорить о ее симметричности. Испания, Португалия и Греция, например, включаемые в группу развитых капиталистических стран, находятся в значительно большей экономической зависимости от США, ФРГ, Франции и Англии, чем последние от них. Это же относится и к малым странам Европы. Да и «лидеры» Европейского экономического сообщества находятся пока в большей научной, технической и технологической зависимости от США, чем Соединенные Штаты от них. Однако сохраняющийся в этом случае элемент асимметричности, как представляется, не определяет принципиального характера взаимозависимости в группе развитых капиталистических стран; в отношениях же между капиталистическим «центром» — развитыми капиталистическими государствами и «периферией» — освободившимися странами асимметричность является определяющей.

Вместе с тем надо отметить различие между асимметричной взаимозависимостью и односторонней зависимостью. Последняя в сложившихся в мире условиях уже не является характерной для всей группы освободившихся стран, хотя большинство продолжает находиться в односторонней зависимости от капиталистического «центра». Дело заключается в том, что имеются и та-

* Определяя термином «асимметричная взаимозависимость» положение небольшой группы развивающихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве (остальной их части по-прежнему свойственна односторонняя зависимость), автор категорически отвергает интерпретацию асимметричной взаимозависимости рядом буржуазных исследователей. Они, как правило, делают упор на взаимозависимость, скрывая тем самым продолжающуюся эксплуатацию освободившихся стран развитыми капиталистическими государствами. Естественно, что такое представление взаимозависимости не имеет ничего общего с реальной действительностью. Введя градацию зависимости, автор стремится лишь показать, что при сохраняющейся, а в ряде случаев и усиливающейся эксплуатации развивающихся стран со стороны мирового империализма у отдельных из этих стран появляется большая возможность сопротивляться этой эксплуатации, отстаивать свои права и интересы в результате изменившегося соотношения сил в мире в пользу социализма.

кие освободившиеся страны, которые, оставаясь эксплуатируемой частью мирового капиталистического хозяйства, одновременно поднялись на ступеньку выше -- можно считать, перешли на низший уровень несбалансированной двусторонней зависимости. Именно этот тип двусторонней зависимости, при котором сохраняются неравенство партнеров, эксплуатация развивающихся стран иностранным монополистическим капиталом, несбалансированность товарных потоков, сильная обусловленность внешними факторами, уязвимость воспроизводственного процесса в развивающихся странах, резкое ограничение их экономического маневра*, и можно определить как асимметричную взаимозависимость.

Примером асимметричной взаимозависимости являются отношения освободившихся нефтедобывающих стран с развитыми капиталистическими государствами в условиях гораздо большей, чем раньше, самостоятельности первых в установлении квот добычи, цен на нефть, а в ряде случаев и направления ее торговых потоков. Эти отношения уже выходят за рамки традиционных, типичных для предшествовавшего периода.

Асимметричной взаимозависимости способствует и экспорт капитала в виде вложений в развитых капиталистических странах части возросших доходов нефтедобывающих стран, не абсорбированных на месте. Достаточно сказать, например, что Саудовская Аравия превратилась к началу 80-х годов в крупного экспортера капитала в США и Западную Европу и, по имеющимся признакам, уже к концу нынешнего десятилетия прибыли на этот капитал будут сопоставимы с прибылями от добычи нефти. Все это не может не повлечь за собой изменения не только форм, но и уровня зависимости подобных стран от развитых капиталистических государств.

Есть ли у таких развивающихся стран и подобных им — например, у тех, которые в результате деятельности ТНК превратились в экспортеров уже не сырья, а главным образом полуфабрикатов и готовой продукции, — перспектива отхода от асимметричной взаимозависимости и постепенного приближения к тому типу взаимозависимости, который свойствен отношениям внут-

* Главным образом указанные моменты В. Л. Шейнис считает «ядром проблемы зависимости»⁶.

ри группы развитых капиталистических государств? (Конечно, постановка этого вопроса возможна только для незначительного числа государств, составивших в процессе все усиливающейся дифференциации высшую группу развивающихся стран.)

Ответ на поставленный вопрос в определенном плане связан с нашим пониманием перспективы борьбы за демократизацию мировых экономических отношений, за новый международный экономический порядок. При всей чрезвычайной сложности и трудности этой борьбы ее успех, по-видимому, нельзя однозначно ставить в зависимость от полной ликвидации империализма. При сложившемся соотношении сил в мире, особенно учитывая возрастающее воздействие мирового социализма на ход исторического развития, демократизация экономических отношений в рамках мирового капиталистического хозяйства — естественно, неполная и непоследовательная — вполне реальна. И этой неполной и непоследовательной демократизацией смогут в первую очередь воспользоваться освободившиеся страны, уже имеющие в своих руках некоторые рычаги экономического воздействия на развитые капиталистические государства. «Теперь уже ясно, что при нынешнем соотношении мировых классовых сил освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться справедливых, то есть равноправных экономических отношений»⁷, — подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии.

Думается, что существует некоторая пусть не прямая и в чем-то условная, но все-таки аналогия между подходом к перспективам борьбы за новый международный экономический порядок и борьбы против угрозы мировой войны. Таковую угрозу, как известно, создает само развитие государственно-монополистического капитализма. Однако в сложившихся условиях, с учетом кардинального изменения соотношения сил между социализмом и капитализмом, мировая война перестала быть неизбежной.

Авторы книги «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы» фактически сводят проблему ликвидации зависимости всех развивающихся стран к их переходу в мировую социалистическую систему⁸. Действительно, это кратчайший и наиболее ра-

дикальный путь, причем единственный способный обеспечить удовлетворение социально-экономических интересов трудящихся масс.

Представляется, однако, что в новых условиях преодоление отдельными развивающимися странами асимметричной взаимозависимости возможно и без выхода из мирового капиталистического хозяйства — через изменение в нем своего места.

Приближению некоторых развивающихся стран к уровню «обычной» взаимозависимости с развитыми капиталистическими странами способствует дальнейшее изменение соотношения сил в пользу мирового социализма, непосредственно и косвенно усиливающее позиции освободившихся стран в их борьбе за равноправие в международных экономических отношениях. В полную силу сказывается и развитие общего кризиса капитализма, особенно структурных кризисов — энергетического, сырьевого, экологического, валютного*. Большую роль играют также социально-экономические и политические сдвиги в самих освободившихся странах, укрепляющие тенденцию к достижению ими более полной независимости. Все это может особенно существенно отразиться на положении в мировом капиталистическом хозяйстве группы стран социалистической ориентации, которые, как правило, в значительно большей степени, чем другие освободившиеся страны, используют не только в косвенной и общей форме, но и непосредственно и конкретно несомненные преимущества, получаемые от экономических и политических связей со странами социалистического содружества.

Вывод о возможности уменьшения и даже ликвидации для отдельных бывших колоний и полуколоний асимметричного характера их экономических отношений с развитыми капиталистическими странами в условиях, когда эти бывшие колонии и полуколонии еще продолжают оставаться в мировом капиталистическом хозяйстве, противоречит несовершенной, а возможно, и уже устаревшей «замкнутой модели» зависимого развития. Согласно этой модели, происходит некое следование

* Резкое усиление структурных кризисов — качественно новое явление, возможные последствия которого нуждаются в самом тщательном исследовании, в том числе в связи с перспективами взаимоотношений развитых капиталистических и развивающихся стран.

«периферии» по спирали (на удалении «минимум один виток») за капиталистическим «центром» при обязательном сохранении односторонней зависимости первой от второго. Изъян такой модели — недооценка новых условий развития капитализма, его возросшей неравномерности в различных освободившихся странах.

Само появление концепции зависимого развития было вызвано закономерным стремлением преодолеть недооценку роли внешних факторов в развитии освободившихся стран. Эти факторы действительно имеют весьма важное значение. Но распространение концепции зависимого развития привело к преуменьшению роли внутренних факторов, которые в ряде случаев стали рассматриваться лишь как агенты внешних сил. Между тем, по-видимому, необходимо акцентировать взаимосвязь, взаимовлияние внешних и внутренних факторов.

Для анализа внутренних условий и механизма перехода в группу развитых капиталистических стран весьма важным представляется исследование особенностей развития капитализма в освободившихся странах, роли государства в таком развитии, характера социальных сдвигов. Говоря о перспективах преодоления асимметричных отношений, надо, однако, подчеркнуть, что речь идет о возможностях, реально открывающихся лишь для отдельных освободившихся стран. Выделение некоторыми западными исследователями из «третьего мира» еще «четвертого» и даже «пятого», по сути дела, отражает происходящую дифференциацию развивающихся государств в экономическом отношении, но не ликвидацию основных качественных характеристик, присущих общности освободившихся стран.

Вместе с тем в эпоху всемирного перехода от капитализма к социализму бывшие колониальные и зависимые страны в целом перестают быть резервом последнего эксплуататорского строя. Вхождение отдельных развивающихся государств в группу развитых капиталистических стран означает появление новых и углубление старых противоречий в мировой капиталистической системе. Их исследование, изучение характера и конкретных проявлений антиимпериалистических тенденций в политике «молодых» членов группы развитых капиталистических стран представляет большой теоретический и практический интерес..

Многоукладность экономики. Сама по себе многоукладность экономики не является чем-то свойственным только развивающимся странам и, следовательно, не может быть критерием, отграничивающим их от двух мировых систем — социалистической и капиталистической. Ныне в мире имеется несколько типов государств с многоукладной экономикой: это и государства, где совершается переход от одной общественной формации к другой и налицо «разноформационные» уклады, и государства, где «разноформационная» многоукладность является «остаточной», и др. «Остаточная разноформационность» укладов присуща таким странам, как Италия (с ее относительно слабо развитым Югом), Греция, Португалия, Испания. К странам с многоукладной переходной экономикой относятся развивающиеся страны. К такому типу стран относился или относится ряд социалистических государств, в том числе до полной победы социализма в стране и Советский Союз, хотя нельзя забывать в данном случае качественное отличие такого перехода. Нам здесь важно подчеркнуть лишь то, что к государствам с переходной многоукладной экономикой принадлежат все развивающиеся страны — и те, которые совершают переход к капитализму, и те, которые приняли социалистическую ориентацию, — и эта принадлежность тоже становится критерием общности развивающихся стран.

А. И. Левковский справедливо указывал на инертность многоукладной экономики в развивающихся странах, связанную с относительно медленными темпами и отличными от традиционных уродливыми, односторонними формами развития капитализма⁹. Вместе с тем некоторые исследователи сделали из этого факта вывод об аморфном «межформационном» этапе, на котором якобы находятся освободившиеся страны. Но переход от одной общественно-экономической формации к другой не происходит в виде механического сцепления двух уже сформировавшихся систем. Нельзя представлять дело так, будто «отработавшая» формация отмирает, после чего начинается переходный период («зазор») между двумя формациями, и лишь затем общество вступает в новый этап своего развития.

С такой постановкой вопроса, как представляется, нельзя согласиться и в теоретическом и в политико-

практическом плане. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, обосновывая научную теорию формационного развития общества, подходили к проблеме перехода от одной общественной формации к другой диалектически. Они подчеркивали, что новая формация — рабовладельческая, феодальная или капиталистическая — зарождается в старой и поступательное движение общества, переход от низшей формации к более высокой осуществляется путем развития новых и отступления, а затем и вытеснения свойственных старой формации производственных отношений. Именно в результате зарождения в старом обществе новых производственных отношений, соответствующих характеру и уровню развития производительных сил, и начинается переходный период. История не дает ни одного примера, когда этот переход происходил бы в «вакууме», вне определенной формации, в рамках которой каждое данное общество находится в каждый данный период своего развития.

Ряд исследователей — сторонников концепции «межформационного» этапа отрицает наличие в многоукладной экономике развивающихся стран ведущего уклада или, точнее, ведущих производственных отношений (это может быть и комплекс укладов, объединенных едиными формационными признаками). При таком отрицании, очевидно, имеет место следующее:

во-первых, не учитывается диалектика единства и борьбы противоположностей, которая лежит в основе формационного развития, в основе самой динамики общества;

во-вторых, явно недооценивается важнейшая роль мирового капиталистического хозяйства, частью которого является развивающееся общество (законы мирового хозяйства оказывают свое воздействие практически на все сферы экономической жизни развивающихся стран, в том числе, естественно, и на их традиционные уклады);

в-третьих, не принимается во внимание действие закона неравномерности развития отдельных частей мирового капиталистического хозяйства (В. И. Ленин, как известно, указывал на то, что этот закон имеет силу в отношении не только различных капиталистических государств, но и различных отраслей промышленности, производств, укладов ¹⁰⁾);

в-четвертых, игнорируется существование общего воспроизводственного механизма, взаимосвязи укладов; последние нельзя рассматривать изолированно: при всей дробности воспроизводственного процесса, относительной самостоятельности укладов, на базе которых воспроизводятся соответствующие производственные отношения, было бы неверно в современном обществе абсолютизировать эту «автономность» и, что не менее важно, рассматривать сами уклады в статике, не замечать их развития. Р. А. Ульяновский приводит цифры, характеризующие использование в освободившихся странах наемной рабочей силы, из которых следует, что по данному показателю ряд этих стран вполне сопоставим с группой развитых капиталистических государств¹¹. Еще более яркую картину мог бы дать анализ динамики этого показателя, свидетельствующей о диверсификации структуры наемной рабочей силы в результате роста взаимодействия ведущего капиталистического уклада в развивающихся странах с другими частями многоукладной экономики.

Констатация наличия ведущего уклада не идентична утверждению о том, что уже закончился переходный период и данное общество развивается в рамках новой формации, представленной этим укладом. Ведущий уклад — понятие, соответствующее многоукладной экономике переходного типа. В условиях переходного периода ведущим укладом, очевидно, является тот, который представляет более высокую формацию*. Дело даже не в его удельном весе в народном хозяйстве на нынешнем отрезке времени — пока он даже может уступать другим укладам и по доле в валовом внутреннем продукте, и по числу занятых. Дело в том, что развитие укладов происходит неравномерно и один из них — ведущий — начинает выполнять объединительные, интеграционные функции; именно он определяет механизм функционирования и развития всей многоукладной экономики, рассматриваемой как единая система. Естественно, что увеличение его удельного веса усиливает значение этого уклада как движущей силы развития такой системы.

* Автор отдает себе отчет в том, что это — «выпрямленная тенденция» и что на отдельных отрезках времени такая закономерность может и не действовать.

В странах социалистической ориентации, в которых прерываются формационные капиталистические процессы, ведущий уклад, несомненно, базируется на государственной собственности на средства производства.

Эти страны могут целенаправленно использовать такой уклад, экономическую политику для воздействия на другие уклады, контроля над их функционированием. Контролю прежде всего подвергается деятельность иностранного капитала, частнохозяйственных укладов.

Государственно-капиталистический уклад и экономическая политика в отдельных развивающихся странах, идущих по капиталистическому пути, тоже используются силами, стоящими у власти, для воздействия на процесс развития других укладов.

Отрицание ведущего уклада в таких условиях означает недооценку воздействия надстройки на базис, политики в целом на экономику, особенно сильно проявляющегося в переходный период развития общества. Можно констатировать, что, являясь одним из критериев развивающихся стран, многоукладность экономики не представляет собой нечто застывшее. Характер, структура многоукладности и иерархия укладов видоизменяются не только от одной развивающейся страны к другой, но и в данной стране — с течением времени. Например, радикальные аграрные реформы в ряде освободившихся стран привели к ликвидации либо к ограничению феодальных или полуфеодальных отношений. В результате сократилась сфера внеэкономического принуждения, что, в свою очередь, способствовало расширению мелкотоварного уклада за счет феодального и полуфеодального. В некоторых освободившихся странах был ликвидирован или преобразован иностранный капиталистический уклад¹². Это привело к усилению государственно-капиталистического и, условно говоря, государственно-промежуточного укладов*.

Относительно низкий уровень развития производительных сил. Этот критерий, очевидно, один из самых разработанных в литературе, в том числе и с учетом количественных индикаторов. Большой вклад в его разработку внесли, например, авторы монографий «Типоло-

* Об укладах в странах социалистической ориентации подробнее говорится в гл. IV.

гия несоциалистических стран»¹⁵, которые дали широкую социально-экономическую характеристику уровня развития производительных сил, включающую анализ «человеческого фактора» (рассмотрение в социально-культурном аспекте главной производительной силы — совокупного работника) и выявление типа производительных сил. Более низкий в целом, чем у группы развитых капиталистических государств, уровень развития производительных сил является показателем общности освободившихся стран. Касаясь же ступени развития производительных сил, авторы «Типологии» определяют ее для большинства освободившихся стран как «доиндустриальную», а для отдельных стран — как «индустриальную». Следовательно, все освободившиеся от колониальной зависимости страны уже нельзя безоговорочно объединить в общность на основе единой ступени развития производительных сил. Однако можно, очевидно, считать, что в целом для производительных сил освободившихся стран характерна доиндустриальная ступень при существовании и относительно быстром развитии в них индустриальных «анклавов».

Вместе с тем именно по уровню развития производительных сил особенно ощутим происходящий достаточно быстрыми темпами процесс дифференциации освободившихся стран.

Несовместимость национальных интересов с империалистическими интересами и политикой развитых капиталистических государств. Речь идет не только о «ретроспективной» общности освободившихся стран по этому признаку, хотя, разумеется, колониальное прошлое сделало здесь антиимпериализм важнейшей характеристикой массового сознания. «Ретроспективный» элемент сохраняет определенное значение и ныне, создавая в развивающихся странах соответствующий психологический климат и воздействуя — в различных странах в разной степени — на их политику. Однако наряду с этим существует соответствующий современный показатель общности, о котором главным образом и следует говорить в данном случае.

Сначала несколько слов вообще о понятии «национальные интересы». Очевидно, их можно определить как объективную категорию, отражающую необходимость создания комплекса условий (экономических, социаль-

ных, политических, военно-оборонных), благоприятствующих всестороннему развитию данной нации.

Буржуазная, в частности американская, политология практически сводит национальные интересы к внешней сфере — международным отношениям. Это и понятно: если рассматривать данную категорию и как относящуюся к внутренней жизни страны и ее народа, то станет еще более очевидно, что общенациональным потребностям не соответствует в первую очередь государственно-монополистическая политика, проводимая в угоду узкой группе населения, представляющей монополистический капитал. Характерен в этом отношении пример государственного регулирования в США после начала энергетического кризиса в капиталистическом мире, которое не защищало интересы массового потребителя продуктов из нефти и газа и в конечном счете служило интересам крупных американских нефтяных компаний. Показательно, что розничная цена на бензин, потребителем которого в США является большая часть самодеятельного населения, возросла с начала 1974 по конец 1980 г. почти в три раза при одновременном беспрецедентном росте прибылей этих компаний¹⁴.

Американские политики и политологи отождествляют понятия «национальные интересы» и «государственные интересы». Такое отождествление при капитализме неправомерно. Известно, что государство даже в условиях существующей тенденции роста его относительной самостоятельности было и остается в развитых капиталистических странах орудием правящего класса, проводником и защитником именно его интересов, а не интересов народа, нации. В развивающихся странах, идущих по капиталистическому пути, понятие «государственные интересы» шире: власть в ряде случаев принадлежит социально-классовым коалициям, в состав которых входит и мелкая буржуазия города и деревни. В странах социалистической ориентации, особенно в тех, где правящие партии стремятся взять на вооружение идеологию научного социализма, национальные и государственные интересы в принципе сближаются. Наконец, они совпадают в социалистических странах, где государство служит интересам сначала большинства народа — трудящихся, а после ликвидации эксплуататорских классов — всего народа.

Сфера национальных интересов далеко не беспредельна. Они не должны обеспечиваться за счет интересов других народов, за счет общечеловеческих интересов, требующих стабильности международных отношений, прочного мира, совместных усилий народов и государств по сохранению внешней среды, использования взаимовыгодных экономических связей. Таким образом, ограничителем национальных интересов является их совместимость с национальными (мы подчеркиваем: именно с национальными, а не государственными, как их понимают в капиталистическом мире) интересами других стран и, конечно, с общечеловеческими интересами. Такая совместимость особенно необходима в условиях существования в современном мире двух противоположных общественно-политических систем и появления оружия массового уничтожения, обладающего огромной разрушительной силой. Естественно, что при этих обстоятельствах особое значение имеет не жесткое противопоставление национальных интересов разных стран, а определение сфер их совпадения — и на уровне общечеловеческих задач, и на многосторонней и на двусторонней основе.

Объективные национальные интересы освободившихся стран находятся в решительном противоречии с целями монополистического капитала развитых капиталистических стран и призванной обеспечивать достижение этих целей империалистической политикой.

Во-первых, потребностям всестороннего развития освободившихся стран противостоит неокOLONиалистская практика. Монополистический капитал развитых капиталистических государств в основном продолжает держать курс на сохранение освободившихся стран в виде поставщика сырьевых ресурсов, сферы приложения капитала, рынка сбыта товаров. Такая «периферийная» включенность освободившихся стран в мировое капиталистическое хозяйство усиливается и осложняется с развитием новых процессов и тенденций — перенесением в эти страны ряда «грязных», трудоемких и энергоемких производств. На что особенно хотелось бы обратить внимание, расширяется и углубляется научно-техническая зависимость большинства освободившихся стран от капиталистического «центра».

Неоколонизаторы пытаются закрепить «периферий-

ное» положение развивающихся стран, выступая против демократизации мирохозяйственных связей. Если развивающиеся государства настаивают на радикальном изменении условий торговли, создании более благоприятных для них пропорций между ценами на импортируемые промышленные товары и экспортируемое сырье и полуфабрикаты, то монополистические круги согласны лишь на незначительные перемены, которые, по сути дела, сохраняют дискриминацию освободившихся стран в мировой капиталистической торговле.

Во-вторых, задачам успешной борьбы развивающихся государств за суверенитет над своими природными богатствами противоречит стремление государственно-монополистического капитализма в соответствии с потребностями развитых капиталистических стран выкачать в ограниченные сроки, в больших масштабах и по возможно более низким ценам невозобновляемые топливно-сырьевые ресурсы развивающегося мира. Примером является настойчивое давление Соединенных Штатов на Саудовскую Аравию с целью увеличить квоты добычи нефти вопреки геологическим условиям, не позволяющим вести форсированную разработку месторождений.

Такое давление выглядит еще более контрастно на фоне энергетической политики в самих Соединенных Штатах, где отказались от удвоения добычи нефти, предусмотренного программой «Индепенденс», которая была объявлена в 1974 г. президентом Р. Никсоном. (Одной из провозглашенных причин отказа был вывод о быстром истощении нефтяных ресурсов США при их форсированной разработке.)

Аналогичное давление США оказывают на нефтеэкспортирующие освободившиеся страны и по вопросу о ценах на нефть, требуя их снижения или замораживания на существующем уровне.

В-третьих, национальные интересы развивающихся стран несовместимы с империалистическим подходом к решению глобальных проблем. Освободившиеся страны остро пуждаются в ограничении, а затем и прекращении гонки вооружений, что не только отведет угрозу термоядерной войны, оздоровит международную обстановку, резко уменьшит возможности возникновения международных конфликтов, но и позволит направить значитель-

ные дополнительные внешние и внутренние ресурсы непосредственно на цели экономического и социального развития. Милитаристские круги в развитых капиталистических странах ведут дело к продолжению и усилению гонки вооружений.

Освободившиеся страны объективно заинтересованы в сохранении тенденции разрядки международной напряженности. Отход США от этой тенденции в политике грозит освободившимся странам новыми попытками их включения в военные блоки, опасностью расширения военного присутствия империалистических держав, созданием новых иностранных баз на территориях развивающихся государств или вблизи от них. Иными словами, растет риск вовлечения освободившихся стран в опасные империалистические авантюры и вместе с тем возникают новые угрозы завоеваниям, достигнутым ими на пути самостоятельного развития.

Особая несовместимость национальных интересов освободившихся стран с интересами правящих групп развитых капиталистических государств обозначилась в связи с теми «силовыми приемами», которые стала осуществлять администрация США на стыке 70-х и 80-х годов, — и в виде военно-политического и экономического давления на Иран, и в форме демонстрации военной силы в зоне Персидского залива и Индийского океана.

Несовместимость национальных интересов освободившихся стран и империалистической политики является основой сохранения в нынешних условиях антиимпериалистической направленности политики стран Востока. Конечно, этот вывод об объективной основе антиимпериализма в политике стран Востока не означает, что антиимпериализм в равной мере свойствен всем освободившимся странам, что он последователен во всех случаях и «автоматически» вытекает из коренных интересов народов. На реальном положении дел, разумеется, сказываются неоднородность постколониального Востока, углубляющийся процесс дифференциации освободившихся стран, а также тот факт, что политика во многом определяется субъективными моментами. Мы считаем необходимым лишь подчеркнуть, что существует объективная база для такого антиимпериализма и что ее наличие служит одной из общих характеристик освободившихся стран.

* * *

Итак, лишь комплекс критериев может определять целостность и специфику группы развивающихся стран. В отсутствии в этом комплексе *постоянного* главного критерия состоит безусловное своеобразие рассматриваемой общности. Если социалистические или капиталистические страны с присущими им базисными и надстроечными признаками выступают как социалистические или капиталистические, в каком бы аспекте они ни анализировались — с точки зрения их места во всемирном хозяйстве, в международных отношениях, в мировом революционном процессе, — то мир развивающихся стран в зависимости от контекста анализа имеет различный «профиль». В каждом данном случае комплекс критериев выстраивается в различную иерархию. Например, общность развивающихся стран в отношении мирохозяйственных связей определяется нахождением их в мировом капиталистическом хозяйстве в качестве эксплуатируемой «периферии». В то же время этот признак не может быть определяющим, если мы рассматриваем место и роль группы развивающихся стран в мировом революционном процессе или в международных отношениях.

Глава II

ЗАКОН НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН

Некоторые методологические замечания

Констатировав наличие общих черт, позволяющих считать освободившиеся страны исторической общностью, мы уже в предыдущей главе подчеркивали весьма относительный характер однородности этих стран, аморфность той типологической системы, в которую они объединяются. Одной из главных характеристик этой системы — мира освободившихся, развивающихся стран — является усилившийся процесс дифференциации, который происходит во всех сферах — экономической, политической, социально-классовой, идеологической. Без исследования причин этой дифференциации, ее направлений и результатов, очевидно, невозможно представить сколько-нибудь полную картину того, что происходит в современной Азии, Африке и Латинской Америке.

Основное, магистральное направление перемен в государствах, родившихся на развалинах колониальных империй либо порвавших путы полуколониальной зависимости, уже обозначено утверждением национального суверенитета, ограничением или ликвидацией феодального землевладения, развитием государственного сектора, национализацией иностранных предприятий (а в ряде стран проведением и более глубоких внутренних социально-экономических и политических преобразований), ростом национального самосознания, усилением роли этих государств в мировой политике и международных отношениях.

Вместе с тем в рамках этого исторического, с явно обозначившейся перспективой, процесса наблюдаются

противоположные тенденции: социалистическое развитие ряда бывших колоний и полуколоний — капиталистическое развитие других; становление и укрепление ряда стран социалистической ориентации — прекращение движения по некапиталистическому пути некоторыми из них; радикализация преобразований в одних освободившихся странах — поправка режимов в других.

Особенно характерными в этом отношении стали 70-е годы. Завершение процесса ликвидации колониальной системы, ознаменовавшееся крахом последней колониальной империи — португальской, привело к образованию на месте бывших португальских колоний антиимпериалистических, ориентирующихся на социализм режимов. Победила революция в Эфиопии, и пришедшее там к власти революционно-демократическое руководство встало на путь радикальных социально-экономических и политических преобразований. Историческую победу одержало революционное движение в Афганистане. Народная волна смела шахское самодержавие в Иране. Углубились прогрессивные сдвиги в Конго, Мадагаскаре, Демократическом Йемене, Танзании, Алжире и других странах.

Но одновременно в ином направлении сместилась ось власти в Пакистане, Бангладеш, Шри-Ланке; отошли от социалистической ориентации Египет, Сомали; усилились позиции реакции в Судане; имел место поворот вправо и в некоторых других развивающихся странах; обозначились различные тенденции в движении неприсоединения*. Все это, в частности, явилось одной из причин (другая, безусловно, заключалась в недостаточной информированности или даже в целенаправленной дезинформации со стороны империализма народов ряда освободившихся стран о реальном положении в Афганистане) того, как распределились голоса на Генеральной Ассамблее ООН по так называемому «афганскому вопросу» в январе 1980 г.

Очевидно, развитие противоположных тенденций в группе освободившихся стран — закономерность, которая будет действовать и в дальнейшем.

В нашей научной литературе раньше существовала

* Противоречивость развития политической обстановки в мире освободившихся стран в 70-е годы раскрывается в ряде работ Г. Ф. Кима¹.

известная недооценка процесса и специфики дифференциации освободившихся стран. В 40-х — начале 50-х годов исторический поворот в судьбах тех освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости стран, которые не вступили на путь социалистического развития, некоторыми учеными упрощенно рассматривался только с точки зрения смены форм включенности этих стран в систему мирового капитализма. Независимость таких стран нередко объявлялась формальной, а большинство их — проимпериалистическими. В дальнейшем, после преодоления такой односторонности, особенно в конце 50-х и в 60-х годах, в ряде научных исследований стали преобладать представления противоположного толка — тоже одностороннее «вписывание» *всех* освободившихся стран в лагерь антиимпериалистических сил. Между тем действительность оказывалась и оказывается гораздо сложнее, что находит свое выражение и в процессах дифференциации освободившихся стран, причем важнейшее значение имеют сдвиги в социально-экономической сфере.

Недостаточное внимание ученых к этой проблеме в прошлом можно было бы объяснить в определенной мере тем, что процессы дифференциации — особенно экономической — выпукло проявились в мире освободившихся стран не сразу. Осязаемо и быстро — о причинах этого будет говориться ниже — эти процессы развиваются практически с 70-х годов. Вместе с тем такое недостаточное внимание, на наш взгляд, было связано и с недооценкой воздействия на освободившиеся страны законов мирового капиталистического хозяйства, и особенно открытого и обоснованного В. И. Лениным закона неравномерности развития капитализма при империализме, который во многом предопределил неоднородность, зигзагообразность развития этих стран. В дифференциации развивающихся стран проявляется как неравномерность развития капитализма на монополистической стадии мирового капиталистического хозяйства в целом, так и неравномерность развития «молодого» капитализма в самих развивающихся странах.

При изучении действия этого закона в группе освободившихся стран особый интерес представляют, очевидно, следующие методологические подходы.

1. В. И. Ленин открыл закон неравномерности в ка-

честве универсального при капитализме, включающего в сферу своего действия все части мирового капиталистического хозяйства, в том числе и его «периферию», которая прежде была представлена колониями и полуколониями, а ныне — главным образом развивающимися странами. «...Капитализм, — писал В. И. Ленин, — развивается неравномерно, и объективная действительность показывает нам, наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически»².

2. Закон неравномерности, как подчеркивал В. И. Ленин, постоянно сопутствует развитию капитализма, усиливая свое значение на империалистической стадии. «Финансовый капитал и тресты, — отмечал В. И. Ленин, — не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства»³.

3. Чрезвычайную важность при анализе современной ситуации в освободившихся странах имеет ленинская постановка вопроса о том, что закон неравномерности развития отражается на отношениях не только между миром империализма, с одной стороны, и «периферийными» странами — с другой, но и между самими «периферийными» странами. «Быстрее всего растет капитализм в колониях и в заокеанских странах, — писал В. И. Ленин. — Среди них (курсив наш. — Е. П.) появляются *новые* империалистские державы (Япония)»⁴.

В начале XX в., которое явилось предметом ленинского анализа, особенно быстро рос капитализм в некоторых «заокеанских» странах, либо не испытывавших на себе прямого колониального угнетения, либо относимых В. И. Лениным к категории тех колоний, куда из метрополий переместилось «избыточное» население, таких, как Канада, Австралия, Южная Африка. Но одновременно В. И. Ленин отмечал чрезвычайно быстрый рост капиталистических отношений в Индии, Египте.

Условия, сложившиеся в результате краха колониальной системы империализма, в общем, как правило, благоприятствовали росту капитализма в освободившихся странах, причем действие закона неравномерности развития усиливало дифференциацию внутри этой части мирового капиталистического хозяйства.

4. Сущность открытого В. И. Лениным закона заключается не в простой констатации неравномерности

роста различных производств, отраслей промышленности и целых стран, находящихся в капиталистической системе, и даже не в обосновании неизбежности, обязательности такой неравномерности. В. И. Ленин показал, как эта неизбежность, обязательность отражается на политике, блестяще вскрыл диалектическую взаимосвязь между неравномерностью экономического и политического развития.

К этим методологическим замечаниям следует добавить, что действие закона неравномерности экономического и политического развития распространяется на все развивающиеся государства, включая и страны социалистической ориентации, которые, как и освободившиеся страны, идущие по пути капитализма, продолжают находиться в мировом капиталистическом хозяйстве.

Экономическая дифференциация

Остановимся вначале на динамичном соотношении между «центром» и «периферией» мирового капиталистического хозяйства.

После краха колониальной системы наметилось опережение темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП) в группе развивающихся стран. Произошел перелом в тенденции: сокращавшаяся в первой половине XX столетия доля «периферии» в совокупном ВВП несоциалистического мира стала расти. С 1950 по 1980 г. она увеличилась с 14,5 до 18,5%, в том числе по промышленности — с 8,5 до 15,5%, а по сельскому хозяйству — с 46,8 до 53%⁵. (Вместе с тем в этот период — и это тоже еще раз отражает действие закона неравномерности — были свои подъемы и свои спады, ускорение или замедление действия этой тенденции.) В 80—90-х годах темпы экономического развития несоциалистического мира в целом будут, очевидно, замедляться — главным образом под воздействием структурных кризисов капитализма. Но есть основания согласиться с прогнозом, по которому на развивающихся странах это замедление скажется в меньшей степени, чем на развитых капиталистических государствах.

Ускорились и темпы структурной перестройки экономики развивающихся стран. За период с 1950 по 1980 г.

доля сельского хозяйства в ВВП этих стран понизилась с 38,2 до 19,6%, а промышленности — возросла с 15,9 до 26%. Согласно прогнозам Института востоковедения АН СССР, к 2000 г. доля сельского хозяйства в ВВП развивающихся стран уменьшится до 15—18%, а промышленности — увеличится до 30—33%.

Эти подсчеты и прогнозы — весьма важная иллюстрация к действию закона неравномерности. Однако следует обратить внимание на два главных обстоятельства: первое — нет оснований для вывода о существенном сближении между капиталистическим «центром» и «периферией» по общему объему производства и его структуре; второе — определенный экономический динамизм группы развивающихся стран создается в основном за счет довольно высоких темпов роста ВВП и диверсификации экономической структуры лишь небольшого числа освободившихся стран, а их значительная часть продолжает быть экономически инертной. При этом потеря в будущем отдельными, наиболее быстро развивающимися странами «периферийной» характеристики не ликвидирует того особого места, которое будет и впредь занимать в мировом капиталистическом хозяйстве *вся группа бывших колоний и полукolonий в целом.*

Известно, что экономический разрыв между развитыми капиталистическими и развивающимися странами определяется не показателями общего объема их валового внутреннего продукта, а соотношением ВВП или национального дохода в расчете на душу населения. Между тем, несмотря на повысившийся экономический динамизм освободившихся стран, сохраняется их значительное отставание по среднему уровню ВВП на душу населения, и такое отставание в перспективе, при предвидимых темпах роста экономики и населения, не будет резко уменьшаться. В основе этого отставания лежат относительно низкие темпы повышения производительности труда при сравнительно высоких темпах роста населения.

Обращает на себя внимание и другое: огромных размеров достигает разрыв по двум группам стран в абсолютной величине доходов на душу населения. Так, с 1950 по 1980 г. разница в среднем доходе на душу населения двух групп стран возросла в 2,4 раза.

По подсчетам американского экономиста П. Розенштейна-Родана, в начале XIX в. разница в доходах на душу населения между промышленно развитыми и отсталыми странами составляла 2 : 1. После завершения колониального раздела мира и перехода к империализму разрыв между развитыми капиталистическими государствами и отсталыми в промышленном отношении странами, которые, как правило, тогда уже были представлены колониями и полуколониями, достиг пропорции 11,3 : 1 (к 1913 г.). Этот разрыв практически сохранялся на прежнем уровне и после ликвидации колониальной системы, колеблясь от 11 : 1 до 13 : 1 (1950—1980 гг.)⁶.

Несмотря на неполную сопоставимость приведенных данных, они отражают определенные тенденции: до создания колониальных империй и образования мирового капиталистического хозяйства неравномерность развития не приводила к глубокой экономической дифференциации мира; такая дифференциация оказалась характерной для периода колониализма, однако сам колониальной системы автоматически не привел к преодолению разрыва в доходах между капиталистическим «центром» и «периферией».

Разрыв в уровнях ВВП в целом сохранится и в обозримом будущем. Если взять за основу среднегодовые для мира развивающихся стран темпы роста совокупного ВВП в 6% и ВВП на душу населения в 3,5% (с учетом достаточно быстрого прироста населения)⁷, то к 2000 г. этот разрыв, по существу, даже не уменьшится: по уровню ВВП на душу населения группа развитых капиталистических стран будет в 12 раз превосходить группу развивающихся стран*.

Однако констатация лишь этого положения — сохранения разрыва между капиталистическим «центром» и «периферией» — представляется явно недостаточной для понимания экономических тенденций, развивающихся в

* В исследовании ООН «Будущее мировой экономики», проведенном под руководством профессора В. Леонтьева, предлагаются другие темпы роста ВВП для развивающихся стран: ежегодный рост ВВП в группе этих стран — 6,9%, а в расчете на душу населения — 4,9%. Но и эти «оптимальные» темпы сократят разрыв между развитыми и развивающимися странами к 2000 г. с 12 : 1 лишь до 7 : 1⁸. Между тем такие темпы роста целиком по миру развивающихся стран многие исследователи считают нереально завышенными.

бывшем колониальном и зависимом мире. Дело в том, что наряду с сохранением такого разрыва неравномерность развития при капитализме приводит к четкому выделению ряда развивающихся государств, опережающих всю группу в целом по темпам роста национального дохода, капиталовложений и в некоторых случаях — производительности труда. Это прежде всего нефтедобывающие государства и страны с относительно развитым экспортным сектором обрабатывающей промышленности. В то же время на другом полюсе обозначилась группа наименее развитых стран с чрезвычайно низким доходом на душу населения, минимальным уровнем грамотности и весьма слабым промышленным сектором.

Оценивая масштабы и особенности процессов дифференциации в несоциалистическом мире, один из видных советских специалистов в области статистики зарубежных стран, Б. Болотин, на основе анализа данных и ряда сопоставлений пришел к следующим выводам. В 50—70-е годы неравномерность развития на «периферии» мирового капиталистического хозяйства проявлялась в 3 с лишним раза интенсивнее, чем в «центре». Если для развитых капиталистических государств в этот период была характерна тенденция к нивелировке уровня экономического развития (подтягивание к «лидеру» — США), то в группе развивающихся стран преобладала тенденция к углублению дифференциации (увеличение дистанции между вырвавшимися вперед несколькими государствами и основной массой развивающихся стран) ⁹.

Усиление неравномерности экономического развития освободившихся стран, которое базируется на действии внутренних факторов, вместе с тем тесно связано с внешними факторами, особенно с двумя главными: во-первых, со структурными кризисами капитализма, охватившими в 70-е годы целые отрасли, сферы мировой капиталистической экономики, — сырьевым, энергетическим, валютно-финансовым, экологическим; во-вторых, с особенностями экспорта капитала из империалистических государств.

В мире развивающихся стран следствием и проявлением структурных кризисов капитализма стали: чрезвычайно быстрый, скачкообразный рост национального дохода в отдельных странах, прежде всего нефтедобы-

вающих; ускорение промышленного развития ряда стран; накопление, а при невозможности использования на месте (из-за недостаточной емкости внутреннего рынка) «перенакопление» капитала в некоторых странах и его экспорт как в другие развивающиеся страны, так и в развитые капиталистические государства; структурные сдвиги в экономике, вызванные перемещением в развивающиеся страны из развитых капиталистических государств экологически «грязных», трудо-, энерго- и материалоёмких производств.

Так, энергетический кризис привел к выделению группы нефтедобывающих государств, чьи доходы с 1973 по 1980 г. возросли с 42,2 млрд. почти до 300 млрд. долл., т. е. в 7 раз. В течение этого периода 13 стран, объединившихся в Организацию стран — экспортеров нефти (ОПЕК) *, получили в общей сложности в виде доходов от нефти свыше триллиона долларов (в текущих ценах) ¹⁰.

По отдельным развивающимся нефтедобывающим странам наблюдался еще более резкий взлет доходов. На основе этого взлета начался бум капиталовложений. В Саудовской Аравии, например, где доходы от экспорта нефти в 1980 г. составили около 90 млрд. долл. ¹¹, на пятилетний план развития 1975—1980 гг. предполагалось затратить 142 млрд. долл. ¹². Конечно, не всю эту сумму удалось реализовать в условиях нехватки в королевстве квалифицированной и вообще наемной рабочей силы, слабого развития инфраструктуры: согласно заявлениям руководящих работников министерства промышленности Саудовской Аравии, расходовалась лишь половина выделяемых фондов. Но даже такая «половинная» сумма в 2 раза превосходила капиталовложения всех развивающихся государств, вместе взятых, в 1970 г. ¹³.

Характерно, что в следующей пятилетке (1980—1985), несмотря на неполное абсорбирование выделенных в прошлом средств, вложения в экономику Саудовской Аравии резко возрастают. Общая сумма расходов в этом пятилетнем плане составляет 235 млрд. долл.,

* Эта организация, созданная в 1960 г., включила в себя Иран, Ирак, Кувейт, Саудовскую Аравию, Венесуэлу, а позднее — Катар, Индонезию, Ливию, Абу-Даби, Алжир, Нигерию, Эквадор и (на правах ассоциированного члена) Габон.

т. е. на 65% больше, чем предусматривалось по предыдущему плану¹⁴.

Неравномерность развития бывших колониальных и зависимых стран породила в 70-х годах такой феномен, как экспорт капитала в достаточно больших масштабах из отдельных развивающихся стран в развитые капиталистические государства. На начало 1980 г. зарубежные активы стран ОПЕК составили 236 млрд. долл., в том числе прямые и портфельные инвестиции в США и другие развитые капиталистические страны — 58, банковские депозиты на евродолларовых и национальных денежных рынках стран Запада — 115, все виды капиталовложений в развивающиеся государства — 38 млрд. долл.¹⁵.

Как явствует из приведенных данных, основная, даже преобладающая часть капитала, экспортируемого из стран ОПЕК, направляется в развитые капиталистические государства.

В крупного экспортера капитала превращаются отдельные нефтедобывающие страны. Общий объем саудовских активов за рубежом в 1970 г. был равен 893 млн. долл., а в 1980 г. достиг 118 млрд. долл., т. е. за десятилетие вырос более чем в 132 раза. В 1981 г. Саудовская Аравия должна была получить от своих иностранных вложений 10,7 млрд. долл.¹⁶.

Характеризуя вывоз капитала как одну из главных особенностей империализма, В. И. Ленин не выводил его непосредственно из экономической «сверхразвитости» страны, экспортирующей капитал. Известно, что В. И. Ленин считал вывозимый капитал «избыточным» в относительном понимании этого слова, подчеркивая, что внутри страны-экспортера имеются широкие сферы приложения капитала, но его вывоз за границу обусловлен погоней за большей прибылью. Известно также, что В. И. Ленин не связывал экспорт капитала обязательно со стремлением страны-экспортера расширить сферу производственной деятельности за пределы национальных границ; например, он называл Францию, экспортирующую капитал, государством-рантье¹⁷. Таким образом, экспорт капитала как характерная черта империализма, согласно В. И. Ленину, порождается совокупностью условий, которые образуются в мировом капиталистическом хозяйстве в целом.

Феномен экспорта капитала из развивающихся стран тоже отражает общие условия и общие процессы в капиталистической экономике. Среди них можно назвать:

особые обстоятельства — энергетический и сырьевой кризисы, — которые способствовали резкому возрастанию доходов ряда развивающихся стран;

невозможность использования всеми этими странами всех полученных доходов на месте, превращение их в относительно избыточные;

заинтересованность развитых капиталистических стран в рециклировании этих доходов в свою экономику;

паразитический характер помещичье-буржуазных кругов, находящихся у власти в некоторых освободившихся странах, экспортирующих капитал: созданию инфраструктуры, необходимой для развития своих стран, эти круги предпочитают использование уже существующих структур в развитых капиталистических государствах, прибыльные вложения капиталов в чужую экономику.

Вследствие всего этого экспорт капитала из отдельных развивающихся государств приводит к противоречивым результатам: с одной стороны, он превращается в источник быстро растущих доходов лишь для немногих из них, привнося определенные империалистические элементы в их политику; с другой стороны, он становится одним из средств, используемых империалистическими кругами для привязывания важной части развивающегося мира к основным экономическим центрам современного капитализма.

Среди таких средств не только экономические. Решение президента США в 1979 г. о замораживании иранских авуаров на счетах американских банков, оперирующих на территории Соединенных Штатов или за их пределами, — яркое свидетельство того, как импорт капитала из развивающейся страны может служить орудием давления на ее политику. Урегулирование в начале 1981 г. проблемы заложников было осуществлено явно не в пользу Ирана. Заключение в день вступления в должность нового американского президента соглашение, освободившее заложников, вернуло Ирану 2780 млн. долл. — значительную часть от 11,5—

12,5 млрд. долл. иранских активов, замороженных США¹⁸.

Но и в «повседневной» жизни экспорт капитала из развивающейся страны делает ее значительно более интегрированной в мировое капиталистическое хозяйство и более уязвимой с точки зрения действующих в нем закономерностей.

Обострение структурных кризисов капитализма не только способствует возникновению условий для миграции капитала в «нетрадиционном» направлении: с отдельных участков «периферии» в «центр» мирового капиталистического хозяйства, но и усиливает «магистральное» движение капитала: из «центра» — империалистических государств на «периферию» — в развивающиеся страны.

На характер экспорта капитала в 60-е и особенно в 70-е годы огромное влияние оказала деятельность транснациональных корпораций, которые контролируют более 90% всех частных зарубежных инвестиций в мировом капиталистическом хозяйстве. Несмотря на то что развитые капиталистические страны являются основной сферой деятельности международных монополий, в абсолютных показателях масштабы операций этих монополий в развивающихся государствах неуклонно увеличиваются.

В конце 60-х и в 70-х годах обозначился ряд особенностей экспорта капитала в развивающиеся страны, связанных с деятельностью ТНК. Одна из них — общее увеличение доли частных капиталовложений. Если в 1960 г. доля частных капиталовложений в общем притоке капитала из стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в развивающиеся страны составила 37%, в 1967—1969 гг. — 44,7%, то в 1978—1980 гг. она возросла до 62,7%¹⁹. Среди стран — экспортеров капитала первое место по частным капиталовложениям за границей принадлежит Соединенным Штатам, что свидетельствует о лидирующем положении в этой сфере американских транснациональных монополий.

Другая особенность экспорта капитала в развивающиеся страны — значительный удельный вес вложений в предприятия обрабатывающей промышленности. Так, за период с 1966 по 1978 г. на эту отрасль приходилось

около половины инвестиций США в развивающихся государствах²⁰.

Наконец, еще одна отличительная черта экспорта капитала в развивающиеся страны, которая имеет прямое отношение к деятельности ТНК, — это изменение формы капиталовложений, резкий рост портфельных инвестиций. Если в 1967—1969 гг. удельный вес портфельных инвестиций в притоке частного капитала развитых капиталистических государств в развивающиеся страны составлял 26,4%, то в 1978—1980 гг. их доля повысилась до 51,1%. Это произошло на фоне уменьшения доли и прямых инвестиций, и экспортных кредитов — соответственно с 46,4 до 24,5 и с 27,2 до 24,4%²¹. Такая динамика красноречиво свидетельствует о том, что иностранные монополии все большее значение придают косвенным формам контроля над производственными и иными объектами в развивающихся странах — скупке акций, созданию смешанных компаний, международных консорциумов с участием местного капитала и т. д.

Существует несколько направлений деятельности транснациональных корпораций в развивающихся странах.

Самую длительную историю здесь имеют иностранные монополии, снабжающие сырьем, топливом, продукцией сельского хозяйства индустриальные центры капиталистического мира. Во второй половине 70-х годов сырьевые ТНК (в связи с экологическим кризисом в развитых капиталистических государствах и особенно после национализации ряда сырьевых предприятий в развивающихся странах) начали переработку первичной продукции на месте, вблизи от источников. Строительство таких энерго-, материалоемких и «грязных» предприятий, ориентированных по-прежнему на рынок развитых капиталистических стран, приносит ТНК значительные выгоды и в связи с меньшими затратами на охрану окружающей среды (доля таких затрат составляет, например, в производстве металлоизделий в США 10,8%, а в развивающихся странах — 4,9%, в нефтепереработке — соответственно 12,8 и 5,1%)²².

В послеколониальный период появилось еще одно направление деятельности ТНК — создание импортзамещающих производств. Как правило, эти производства создавались и создаются в странах, составляющих наибо-

лее развитую в промышленном отношении часть бывшего колониального и зависимого мира, и ориентированы на местный рынок и сопредельные районы.

В 70-е годы широкое распространение получило новое направление деятельности ТНК, основанное на международной внутриотраслевой специализации производства. Так, в конце 70-х годов 43% импорта США из развивающихся стран осуществлялось через торговлю головных компаний ТНК с их филиалами (по сырьевым материалам — 49%, полуфабрикатам — 17, готовым изделиям — 37%)²³. Для этих филиалов иностранных монополий, превращенных, по сути дела, в цехи, важны не масштабы местного рынка (емкость внутреннего рынка развивающихся стран имеет первостепенное значение для деятельности импортзамещающих предприятий), а низкая заработная плата местных рабочих. Операции таких филиалов связываются с производственно-коммерческой деятельностью головных компаний. Особую активность в этом плане проявляют ТНК в части капиталистической «периферии» — в Сингапуре, на Тайване, в Южной Корее, Гонконге, Мексике, Бразилии, Тунисе. Так, за 70-е годы доля промышленных товаров в экспорте Сингапура выросла с 27,8 до 46,2%, Южной Кореи — с 77,4 до 89,2, Бразилии — с 13,5 до 38,2%²⁴. Характерно, что в 1974—1977 гг. (эта тенденция, безусловно, сохраняется и ныне) при среднегодовых темпах роста экспорта из развивающихся стран Азии и Северной Африки примерно в 4% темп роста экспорта готовых изделий и полуфабрикатов (конечно, не полностью, но во многом вследствие активизации деятельности ТНК) составил 11%²⁵.

Деятельность ТНК в развивающихся странах позволяет транснациональным монополиям получать огромные прибыли за счет разграбления природных богатств и нещадной эксплуатации людских ресурсов этих стран. Практика ТНК сохраняет и усиливает научно-техническую зависимость развивающихся стран, их уязвимость в условиях экономических спадов, инфляции, валютных неурядиц в мировом капиталистическом хозяйстве. Вместе с тем такая практика способствует росту производства — конечно, негармоничному, одностороннему — в некоторых развивающихся странах, что явно усиливает экономическую дифференциацию их группы в целом.

Таблица 1

Распределение частных капиталовложений государств — членов ОЭСР в развивающихся странах (на начало 1978 г.) *

Группа стран по потреблению ВВП на душу населения	Размер ВВП на душу населения (долл. 1976 г.)	Население, %	ВВП, %	Капиталовложения, %
1	Менее 200	49,5	12,9	6,5
2	200—374	10,3	5,3	9,4
3	375—699	13,9	12,3	11,6
4	700—1000	5,3	8,9	9,3
5	Более 1000	21,0	60,6	63,2
	Всего . . .	100,0	100,0	100,0

* Рассчитано по: The Role of Transnational Companies (Direct Private Investment). N. Y., 1979, с. 2; «Yearbook of National Accounts Statistics. 1978». Vol. II. U. N. N. Y., 1979, Tab. 1, 2.

Экономическая дифференциация бывшего колониального и полуколониального мира имеет тенденцию к дальнейшему усилению также и потому, что ТНК выбирают в качестве сферы деятельности уже экономически продвинувшиеся развивающиеся страны. Об этом свидетельствует сопоставление различных групп развивающихся стран с точки зрения их использования как сфер приложения иностранного капитала.

Из табл. 1 видно, что на страны, составляющие две верхние по размеру ВВП на душу населения группы (4 и 5-ю), приходилось в начале 1978 г. более 70% всех частных иностранных капиталовложений членов ОЭСР в развивающихся странах.

По крайней мере столь же неравномерно распределялся среди развивающихся стран и импорт ссудного капитала. Так, из общей суммы еврокредитов, предоставленных развивающимся странам в 1973—1979 гг., в 140 млрд. долл. 26,7% получили государства — основные нефтеэкспортеры, 42,3% — страны с быстро растущим промышленным экспортом и всего 0,5% — группа наименее развитых стран (по классификации ЮНКТАД) ²⁶.

Экономическую поляризацию в мире освободившихся стран усиливают магистральные тенденции развития мировой торговли. Доля стран с низким доходом (исключо-

чая экспортеров нефти) * в мировой торговле за 60—70-е годы упала более чем в 2,5 раза — с 3,6% в 1960 г. до 1,4% в 1978 г. Если в 1970 г. из общего экспорта развитых капиталистических стран на развивающиеся государства (исключая нефтеэкспортирующие) приходилось 17,3%, то в 1977 г. — 15,8% ²⁷.

Следовательно, те страны, которые уже на сегодняшний день имеют больший ВВП на душу населения, будут в ближайшем будущем обладать значительно большими возможностями для дальнейшего роста производительных сил с точки зрения *внешних* источников финансирования, чем остальные государства развивающегося мира. При этом нужно иметь в виду, что и *внутренние* источники накопления гораздо значительнее у верхних групп, чем у стран с наименьшим потреблением ВВП на душу населения. Доля накопления в беднейших освободившихся странах составляет лишь 8% ВВП, тогда как в средних группах этот показатель уже равен 20%, а в высшей группе составляет 28,5% ²⁸. Таким образом, группа наименее развитых освободившихся стран отстает еще больше. При этом многие исследователи прогнозируют дальнейший рост дифференциации освободившихся стран на 80—90-е годы ²⁹.

В какой-то мере уже говорилось о том, что в результате действия закона неравномерности развития появилась принципиальная возможность для некоторых бывших колоний и полукolonий выйти по потреблению ВВП на душу населения на уровень отдельных государств капиталистического «центра».

Уже в 50-х годах некоторые латиноамериканские страны, обычно относимые к развивающемуся миру, шли по этому показателю впереди стран, замыкающих группу развитых капиталистических государств. В первой половине 70-х годов, например, Бразилия и Мексика превосходили Испанию, Грецию и Португалию уже и по темпам роста ВВП на душу населения.

Другие развивающиеся страны — нефтедобывающие и с развитым экспортным сектором обрабатывающей промышленности, как Кувейт, Саудовская Аравия, Иран, Сингапур, Турция, начинавшие в 1950 г. с более низкого (или примерно такого же) уровня потребления

*К странам с низким доходом в данном случае относятся те, где ВВП на душу населения был меньше 300 долл. в 1975 г.

ВВП на душу населения, чем страны, замыкающие группу развитых капиталистических государств, в 70-е годы по темпам роста этого показателя сравнялись с ними или опередили их. Следует отметить, что лишь в нефтедобывающих странах это было связано преимущественно с многократным подъемом цен на нефть, в остальных же отражало главным образом реальный рост производительных сил.

Конечно, потребление ВВП на душу населения — единственный показатель развития страны, однако он агрегирующий и, очевидно, обладает относительно большим «весом», чем другие. Но и на основе данных многомерного анализа некоторые страны Латинской Америки уже в 60-е годы считались более развитыми в экономическом отношении, чем страны, замыкающие группу развитых капиталистических государств. Интересны в этом отношении приводимые авторами «Типологии несоциалистических стран» данные, которые сопоставляются (при фиксации высокой степени совпадения) с результатами многомерных расчетов ряда зарубежных исследователей. Например, сотрудники Института ООН по вопросам социального развития располагали на своей «шкале развитости» Уругвай, Аргентину, Венесуэлу и Чили выше, чем Испанию, Грецию и Португалию; американский специалист Б. Рассет поставил Аргентину и Уругвай выше всех трех названных стран, Венесуэлу — выше Греции и Португалии, а Чили — выше Португалии. Японские ученые Юнити Киококу и Хироко Иноуэ, как и авторы «Типологии», отнесли Аргентину, Чили и Венесуэлу к странам более развитым, чем Греция и Португалия, причем Аргентина оказалась и впереди Испании³⁰.

Картина распределения стран по показателям их развития в 70-х годах может быть еще более выигрышной для отдельных латиноамериканских и азиатских стран.

Представляется, что ряд стран — латиноамериканских с высокими доходами на душу населения и азиатских с развитым экспортным сектором обрабатывающей промышленности — можно уже теперь отнести к странам среднеразвитого капитализма*. В этой связи хотелось

* Автор разделяет взгляды В. Шейниса на этот счет, изложенные в его статье «Страны среднеразвитого капитализма»³¹.

бы напомнить, что программа Коминтерна, выделяя страны со средним уровнем развития капитализма (Испанию, Португалию, некоторые государства Восточной Европы, Балканского полуострова и др.), определяла их как страны «с имеющимися налицо значительными остатками полуфеодалных отношений в сельском хозяйстве, с известным минимумом материальных предпосылок, необходимым для социалистического строительства, с еще не завершенным буржуазно-демократическим преобразованием (курсив наш. — Е. П.)»³².

В данном случае речь идет не о «незыблемости» критериев, определяющих среднюю развитость капитализма. Естественно, что эти критерии исторически подвижны. Весьма важным является коминтерновский *методологический* подход. Приведенная характеристика показывает, что к группе стран среднеразвитого капитализма Коминтерн не обязательно относил те страны, в которых завершен процесс создания капиталистического базиса и тем более уже создана адекватная этому базису надстройка.

Вместе с тем нелишне еще раз подчеркнуть, что вывод о возможности отнести в настоящее время отдельные бывшие колониальные или зависимые страны к категории стран среднеразвитого капитализма отнюдь не означает, что они вступают в качестве полноправных членов в «клуб» развитых капиталистических государств. В их экономической структуре иностранный элемент преобладает или, во всяком случае, занимает существенное место. Они подвержены эксплуатации со стороны иностранного монополистического капитала, ограничены в экономическом маневре. В то же время в их базисе и надстройке весьма сильны самые разнообразные докапиталистические элементы.

Однако следует, очевидно, отметить, что новое «поколение» стран среднеразвитого капитализма, возникшее во второй половине XX в., обладает, как правило, большим экономическим динамизмом, чем первое, и на нем в большей степени, чем на первом, сказывается действие закона неравномерности развития.

Итак, действие закона неравномерности развития при капитализме на современном этапе обусловило глубокую экономическую дифференциацию мира развивающихся стран. Такая дифференциация будет, безусловно, про-

должаться и в последующем, оказывая влияние на политику, международные отношения и революционный процесс в Азии и Африке, как и в Латинской Америке.

«Субимпериалистические очаги»

Блестяще вскрыв диалектическую взаимосвязь неравномерности экономического и политического развития, В. И. Ленин сделал два вывода, которые имели всемирно-историческое значение: о неизбежности войн между империалистическими государствами и возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране. Как все это проявляется в послеколониальном мире?

Со времени открытия В. И. Лениным закона неравномерности развития в мире произошли радикальные сдвиги: социализм, победив первоначально в одной стране — России, превратился в мировую систему, оказывает реальное воздействие на весь ход исторического развития. В условиях изменения соотношения сил на международной арене в пользу социализма — последовательного увеличения политической, экономической и оборонной мощи стран социалистического содружества, укрепления позиций и роста влияния рабочего класса в капиталистических странах, побед национально-освободительного движения, приведших к повышению роли освободившихся стран в мировой политике, все большей активизации борьбы народов против военной угрозы — противоречия между капиталистическими государствами не обязательно, как раньше, находят форму своего дальнейшего развития в войнах. Однако действие закона неравномерности по-прежнему приводит к образованию в капиталистическом мире различных «центров силы», соперничество и борьба между которыми характеризуют повседневную практику их отношений. Центристская тенденция, развивающаяся на основе интернационализации производства и политики противостояния мировому социализму, лишь видоизменяет форму проявления противоречий между капиталистическими странами, но не может возобладать над междуусобицей, соперничеством, борьбой, отменить их, свести на нет межимпериалистические, а шире говоря, вообще межкапиталистические противоречия.

Диалектика взаимодействия неравномерности экономического и политического развития начала проявляться в 60-е и особенно в 70-е годы, в частности, в виде возникновения отдельных «центров силы» и в самом мире развивающихся стран — своего рода «мини-центров» или «субимпериалистических очагов». Отдельные государства (как правило, из относительно более развитых) оказались в особом положении в группе развивающихся стран благодаря своему исключительному экономическому или военно-политическому значению, а подчас и по обоим причинам сразу. С одной стороны, они сами реализуют или пытаются реализовать это особое положение в отношениях с прочими развивающимися странами, а с другой — такое их положение эксплуатируют империалистические государства, которые стремятся превратить эти «субимпериалистические очаги» в свои опорные пункты.

Специфика складывающейся ситуации заключается в том, что государства, образующие локальные «центры силы», остаются одновременно частью мира развивающихся стран. Им все еще свойственны общие черты с другими развивающимися странами, в том числе относительно низкий уровень развития производительных сил, многоукладность экономики, экономическая и научно-техническая зависимость от развитых капиталистических стран, объективная потребность в демократизации существующего международного экономического порядка и т. д.

В экономике и политике таких развивающихся стран уже проявляются отдельные империалистические черты, что еще, однако, не свидетельствует о высокой зрелости местного капитализма, а тем более о том, что он перешел на высшую, монополистическую стадию развития; обозначается тенденция к экономической экспансии этих государств в менее развитые районы; усиливается борьба за сферы влияния, причем в ряде случаев не только между самими «мини-центрами силы», но и между ними и развитыми капиталистическими странами.

Примером может служить ситуация на строительном рынке стран Персидского залива, достигшем во второй половине 70-х — начале 80-х годов огромных масштабов в результате резкого увеличения финансовых средств у нефтедобывающих стран. Лишь с июля 1977 по январь

1981 г. восемь стран Персидского залива — Саудовская Аравия, Иран, Ирак, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн, Катар, Оман — заключили контракты на сумму 114 млрд. долл. (исключая контракты на поставку вооружений и контракты стоимостью менее 10 млн. долл.)³³. На первом месте среди стран-подрядчиков по этим контрактам стоит Южная Корея, опережающая США, Францию, Японию, ФРГ, Англию. Южнокорейские фирмы взяли крупные подряды на строительство шоссе и железных дорог, прокладку водопроводных путей и канализационных систем. Эти проекты осуществляются южнокорейскими рабочими, численность которых стремительно возрастает. Например, если в 1978 г. на Ближнем Востоке насчитывалось 52 тыс. южнокорейских рабочих³⁴, то к началу 1981 г. только в Саудовской Аравии их число достигло 100 тыс.³⁵. По этому показателю Южная Корея тоже вышла на первое место на строительном рынке стран Персидского залива.

Интересно отметить, что южнокорейские фирмы получают предпочтение на торгах по все более технически сложным объектам — медицинским центрам, портам, нефтехимическим предприятиям.

Наряду с южнокорейскими компаниями активность на Ближнем Востоке проявляют индийские и индонезийские подрядчики. Их конкурентоспособность вызвана не только дешевой рабочей силой, но и поддержкой, в том числе скрытыми субсидиями, со стороны своих государств.

К началу 80-х годов примерно половина этого наиболее емкого и перспективного строительного рынка в не социалистическом мире — рынка стран Персидского залива — контролировалась азиатскими подрядчиками (включая японских). Этот факт вызвал озабоченность в американских и западноевропейских деловых кругах. Усиливается их стремление к выработке определенных моделей сотрудничества с азиатскими странами на базе соединения своего технического и технологического потенциала с низкооплачиваемой азиатской рабочей силой. Со своей стороны, явную заинтересованность в создании смешанных компаний с развитыми капиталистическими странами проявляют и индийские, индонезийские, тайландские подрядчики.

Характерно, что начинается этап создания смешан-

ных компаний с участием капиталов различных арабских стран, иногда на чисто арабской основе. На всем Ближнем Востоке в 1979 г. арабские компании (включая смешанные) контролировали 16% всех подрядов, а в 1980 г. — уже 20% на общую сумму 9,3 млрд. долл.³⁶. Действуя во многих случаях в форме смешанных компаний, саудовский, иракский капитал внедряется в другие страны Персидского залива. Так, иракский капитал (в том числе в форме смешанных компаний) контролировал на конец 1980 г. строительные проекты в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ и некоторых других странах региона на общую сумму 2,4 млрд. долл. (главным образом контракты по строительству систем водоснабжения и канализации)³⁷.

Экспорт капитала, о котором подробно говорилось выше, становится одной из важных характеристик «мини-центров силы» в мире развивающихся стран.

Следует особо подчеркнуть, что к началу 80-х годов экспорт капитала из отдельных локальных «центров силы» начинает осуществляться по каналам возникающих на месте «мини»-транснациональных компаний. В конце 70-х годов в литературе появляются первые сведения о таких «мини»-ТНК. Центр ООН по транснациональным компаниям провел исследование деятельности таких корпораций в странах АСЕАН. Из находящихся в этом регионе 153 филиалов иностранных компаний 130 имели головные фирмы в развитых капиталистических странах, а 23 — на Тайване, в Сингапуре, на Филиппинах, в Индии, Пакистане, Гонконге и Южной Корее³⁸. Большинство из этих головных фирм, расположенных на «периферии», прежде экспортировало свою продукцию в менее развитые страны АСЕАН. Одним из главных мотивов создания заграничных филиалов для таких фирм, иными словами, их превращения в ТНК, было стремление защитить рынки сбыта их продукции от местной конкуренции, обойти тарифные и нетарифные преграды. При этом использовались уже накопленный хозяйственный опыт и умение применять трудоемкую производственную технологию, опирающуюся на мелкое производство. Одновременно эти «мини»-ТНК показали гибкость в различных производственных процессах и в выборе продукции. Такие «мини»-ТНК, как свидетельствует, например, исследователь их деятельности

Д. Дж. Лекро, проявляют большие, чем ТНК вообще, стремление и способность создавать смешанные компании с участием местного капитала³⁹.

Естественно, ни по капиталоемкости своих предприятий, ни по размаху производства, ни по числу занятых «мини»-ТНК не идут ни в какое сравнение с транснациональными корпорациями, создаваемыми в развитых капиталистических странах. Однако этот феномен уже существует в мире освободившихся стран, и можно, очевидно, предположить, что он получит дальнейшее развитие по мере укрепления локальных «центров силы».

Отдельные «центры силы» в мире развивающихся стран становятся базой и для финансовой активности, объектом которой являются не только близлежащие менее развитые «периферийные» районы, но и развитые капиталистические государства. Особенно это относится к ряду нефтедобывающих арабских стран, которые со второй половины 70-х годов резко расширили свою экспансию на международном финансово-кредитном рынке. Наряду с самостоятельной активностью наблюдается тенденция к сращиванию этого нового мирового финансового центра с традиционными финансовыми центрами капиталистического мира. Естественно, что такая тенденция пробивает себе дорогу через противоречия, коллизии, конфликты.

В конце 70-х — начале 80-х годов произошло активное проникновение на рынок еврокредитов как арабских банков-консорциумов (банков, в которых соединились финансовые средства арабских стран — экспортеров нефти и опыт, связи западных банков), так и чисто арабских финансово-кредитных учреждений. Среди последних можно назвать Международный банк Персидского залива (МБПЗ), в котором на равных началах участвуют правительства семи арабских стран, и гигантский банк с уставным капиталом в 1 млрд. долл. — Арабскую банковскую корпорацию (АБК). В 1980 г. 10 арабских банков вошли в число 100 крупнейших банков мира. В 1981 г. было принято решение об удвоении капитала МБПЗ, АБК, арабо-французской группы банков ЮБАФ и ряда других арабских банков.

Специального внимания заслуживает проблема отношений локальных «центров силы» в развивающемся ми-

ре с развитыми капиталистическими государствами. Эти отношения складываются в условиях неравенства партнеров по уровню развития и, что чрезвычайно важно, по способности использовать достижения научно-технического прогресса. При таких обстоятельствах «центры силы» из числа развивающихся государств не могут существенным образом реализовать те преимущества, которыми они обладают в экономической или стратегической области. Происходит все более глубокое втягивание этих стран в мировое капиталистическое хозяйство. В то же время заинтересованность развитых капиталистических государств в стабилизации своих отношений с подобными «центрами силы», в использовании их для осуществления своих целей на практике приводит к вовлечению возникающих «центров силы» в лоно империалистической политики. При этом, однако, сохраняется, а по ряду проблем может и расширяться сфера несовпадения интересов «мини-центров силы» с интересами развитых капиталистических государств.

Характерен пример отношений Соединенных Штатов с Саудовской Аравией. Эти «особые» отношения отличаются серьезным влиянием США на выработку политического курса этой страны. Причем американское влияние базируется на такой относительно прочной основе, как зависимость саудовского режима от экономической, политической и военной поддержки США, что дополнилось, преимущественно в 70-е годы, возникновением определенной общей сферы экономических и особенно политических интересов саудовского режима с американским империализмом. Вместе с тем наблюдаются не только антагонистические противоречия между национальными интересами Саудовской Аравии и империализмом США, но и расхождения по целому ряду вопросов между руководством Саудовской Аравии и администрацией США. Это выразилось, например, в неприятии Эр-Риядом кэмп-дэвидской сделки, отказом королевского двора Саудовской Аравии даже в условиях дипломатического нажима США занять хотя бы нейтральную позицию в отношении египетско-израильского договора.

В одно из важнейших средств втягивания локальных «центров силы» в империалистическую политику превратился экспорт вооружений из США и других стран НАТО, как это было, например, в отношении шахского

Ирана. США делали на него крупную ставку как на своего сильного и прочного союзника. Американская военщина возлагала надежды на осуществление Ираном «полицейских» (подавление освободительного движения в Омане, активное вмешательство шаха в случае прогрессивного переворота или просто прогрессивных изменений в каком-либо из государств Аравийского полуострова) и «сторожевых» (охрана морских путей транспортировки нефти) функций. Вашингтон не исключал возможности применения огромного арсенала накопленных в Иране вооружений и самими американскими вооруженными силами, считая, что «при необходимости», в чрезвычайных обстоятельствах, сложнее перебрасывать оружие за тысячи миль. США не просто планировали, а уже использовали иранскую территорию для создания «пунктов наблюдений» за Советским Союзом. В период подготовки сепаратной египетско-израильской сделки Вашингтон видел в египетско-ирано-израильской тройственной комбинации контуры своей новой военно-стратегической опоры на Ближнем Востоке, нового военно-политического союза под эгидой Соединенных Штатов.

Для того чтобы шахский Иран мог выполнить все эти функции, США с 1972 по 1976 г. поставили ему самого современного оружия на громадную сумму — 10,4 млрд. долл. Наряду с названными военными и военно-политическими целями такие грандиозные по своим масштабам поставки служили рециклированию нефтедолларов в экономику США. В 1973 г. цены на нефть увеличились в 4 раза, и с этого момента начался бум иранских закупок вооружения в США ⁴⁰.

Поставки оружия явились средством втягивания в орбиту империалистической политики и Египта: с их помощью была подготовлена кэмп-дэвидская сделка, призванная создать основу для аннексии Израилем арабских территорий Западного берега реки Иордан и района Газы. Становление Египта при Садате в качестве «субимпериалистического очага» широко использовалось Соединенными Штатами для борьбы с национально-освободительными силами, в том числе с Эфиопией и Афганистаном.

Значение «субимпериалистических очагов» в стратегии США особенно возросло в результате эволюции американских военно-стратегических концепций. К концу

70-х годов обозначилась ставка на бóльшую вовлеченность Соединенных Штатов в региональные конфликты, на создание с этой целью «сил быстрого развертывания». Это было отражено в изданной в августе 1977 г. президентской директиве № 18, которая послужила своеобразным прологом к «доктрине Картера», провозгласившей намерение США защищать, в том числе путем применения военной силы, свои «жизненные интересы» в различных, удаленных от США районах (кстати, эти «жизненные интересы» произвольно определяются самими же Соединенными Штатами). В таких условиях началось наращивание американского военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, в зоне Индийского океана и Персидского залива.

* * *

Итак, нарастающая неравномерность развития бывших колоний и полуколоний привела и приводит к усиливающейся дифференциации в мире освободившихся стран. Диалектика неравномерности экономического и политического развития, в которой переплетается действие внешних и внутренних факторов, порождает, помимо всего прочего, своеобразные «центры силы» в бывшем колониальном и зависимом мире. Сохраняясь в общем на «периферии» мирового капиталистического хозяйства, эти «центры» в то же время приобретают некоторые, отдельные империалистические характеристики, проявляющиеся особенно контрастно в отношении менее развитых стран. Все это еще более усиливает пестроту и разнообразие в среде развивающихся государств.

Глава III

ОСОБЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА ВОСТОКЕ

Неравномерность вызревания условий социальной революции

Закон неравномерности развития непосредственно отражается и на характере революционного процесса в освободившемся мире.

Как известно, и характер, и форма освобождения от колониального и полуколониального гнета весьма значительно различались в разных группах стран. В некоторых странах национально-освободительная борьба была возглавлена марксистско-ленинскими партиями и переросла в социалистическую революцию. Другие страны освободились на путях национально-демократической революции, открывшей для них возможность социалистической ориентации. Третьи — их оказалось большинство — с провозглашением государственной независимости начали или продолжили движение по капиталистическому пути.

С развалом колониальной системы освободительная борьба народов вступает в качественно новую фазу. Социалистические государства, возникшие на месте отдельных колоний и полукolonий, начали создание материально-технической базы социализма. В странах социалистической ориентации углубляются социально-экономические и политические преобразования, создаются условия для более тесной, более органичной связи с государствами социалистического содружества. Для освободившихся стран, идущих по капиталистическому пути, ближайшая революционная перспектива объективно вырастает из обостряющихся социально-классовых противоречий.

Положение, сложившееся в бывшем колониальном и полуколониальном мире к концу 70-х годов, свидетель-

ствует об окончании этапа, когда освободившиеся страны стояли перед необходимостью выбора пути своего дальнейшего развития. Выбор правящими социальными силами к тому времени в основном уже был сделан, и теперь изменение ситуации в той или иной стране может произойти лишь в результате революционного или контрреволюционного сдвига, который прервет ее движение по выбранному пути.

Отличительной чертой революционного процесса в зоне национально-освободительной борьбы в послеколониальный период является усиление социально-классового элемента. Основные проявления этого:

перерастание ряда национально-освободительных революций в национально-демократические;

более последовательное осуществление социально-экономических и политических преобразований в государствах социалистической ориентации, где у власти находятся революционно-демократические партии авангардного типа (Ангола, Эфиопия, НДРЙ и др.);

усиление социальной дифференциации, антиимпериалистического элемента в политике, классовых требований трудящихся масс в странах, идущих по капиталистическому пути, развитие революционной ситуации в ряде таких стран (Иран).

Вместе с тем в некоторых частях бывшего колониального мира — и в отдельных государствах социалистической ориентации, и в ряде стран, развивающихся по пути капитализма, — произошел «отлив» революционного движения.

Все это своеобразие революционного процесса в освободившихся странах, очевидно, тоже не может быть понято без анализа воздействия на него закона неравномерности развития.

Начнем с методологической стороны проблемы.

1. В. И. Ленин четко делил совокупность условий, из которых вырастает социальная революция, на три компонента: материальные предпосылки перехода к новому строю, объективные социально-политические условия, образующие революционную ситуацию, и субъективный фактор (сознательность и организованность революционных сил и их авангарда, способных пойти на штурм позиций отживающих классов), обеспечивающий перерастание революционной ситуации в революцию.

2. Все эти органически взаимосвязанные компоненты, по В. И. Ленину, относительно самостоятельны. Единство процесса вызревания условий революции ни в коей мере не означает совмещения процессов создания материальных предпосылок нового общества и образования объективных социально-политических условий революции. Далеко не всегда вызревание материальных предпосылок нового общества является признаком того, что страна «готова» к революции. В то же время революционная ситуация может появиться и появляется в странах, в которых практически еще не накоплены материальные предпосылки нового общества.

3. Такая постановка вопроса, разумеется, не имеет ничего общего с игнорированием значения уровня экономического развития страны для самого хода строительства социализма и в конечном счете его торжества. Анализируя монополистический капитализм, В. И. Ленин пришел к выводу, что на высшей стадии капитализма при усилившемся воздействии закона неравномерности развития главное для революции заключается не в степени зрелости экономических условий, а в соединении и остроте накопленных классовых противоречий. Более того, он отмечал, что накапливание и максимальное обострение противоречий произошло в стране со средним уровнем развития капитализма — в России. При этом В. И. Ленин рассматривал средний, а не низший уровень в качестве более благоприятствующего созданию революционной ситуации.

4. В. И. Ленин никогда не считал, что существует некий автоматизм в перерастании революционной ситуации в революцию. Он не исключал не только обратимости революционной ситуации, но и застоя в революционном процессе. «Ни угнетение низов ни кризис верхов, — писал он, — не создадут еще революции, — они создадут лишь гниение страны, — если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания»¹.

5. Считая, что революция возникает из *внутренних* условий, В. И. Ленин в то же время подчеркивал значение *внешних* факторов, способствующих вызреванию этих условий.

Эти ценнейшие ленинские положения имеют непре-

ходящее значение для анализа особенностей революционного процесса в освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости странах — сложного, трудного, состоящего из целого ряда этапов.

Неравномерность экономического и социального развития отражалась и отражается на революционном процессе в Азии, Африке и Латинской Америке в «горизонтальном» и «вертикальном» планах. Происходит неравномерное вызревание условий революции по странам, и отсюда проявляется неодинаковая их «готовность» к революции *. Это «горизонтальное» воздействие закона неравномерности аналогично тому, которое имеет место в группе развитых капиталистических стран, оно универсально для всего капиталистического мира — и его «центра» и «периферии». Помимо того, неравномерность экономического и социального развития оказывала и оказывает «вертикальное» воздействие на революционный процесс в освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости странах: различные условия революции вызревают здесь, как правило, не одновременно. Более того, здесь эти условия нередко оказываются разделенными значительным временным «зазором».

Как все это проявилось и проявляется в отношении разных групп бывших колониальных и полуколониальных стран — социалистических, социалистической ориентации или развивающихся по капиталистическому пути?

Сама социально-политическая множественность типов революций в Азии, Африке и Латинской Америке была, очевидно, меньше связана с принципиальным различием в характере решаемых задач, нежели с неравномерностью в вызревании различных условий революции. Практически для всех бывших колоний и полукolonий речь шла о необходимости осуществления антиимпериалистических освободительных целей — завоевания или укрепления политической независимости и достижения экономической самостоятельности. В разных типах революций — социалистической, народно-демократической, национально-демократической и национально-освободительной — ставились и решались общенациональные за-

* Соотношение взаимодействия различных условий революции хорошо раскрывает в своей книге К. И. Зародов ².

дачи демократического характера — естественно, в одних революциях в большей мере, чем в других.

Большая синхронность в вызревании объективной революционной ситуации и субъективного фактора наблюдалась накануне революции в странах Азии, вставших впоследствии на путь социализма. Рабочий класс, беднейшее крестьянство в этих странах оказались представленными авангардом рабочего класса — политической партией с марксистско-ленинской идеологией. Но и в этих странах после победы революции не сразу начало осуществляться развернутое социалистическое строительство. Вьетнамские товарищи, например, четко подразделяют революционный процесс после взятия власти на два этапа: первый — на котором непосредственно ставились и решались национально-демократические задачи и второй — социалистический. Нахождение у власти коммунистической партии привело к тому, что, во-первых, эти два этапа последовательно шли один за другим, не были разорваны во времени; во-вторых, переход от одного из них к другому произошел постепенно, без смены власти; в-третьих, национально-демократический этап подготовил и облегчил социалистический, а последний, в свою очередь, развил первый.

Между тем сам приход к власти в этих странах коммунистов не был «отступлением от правил». В. И. Ленин подчеркивал, что решение задач буржуазно-демократической революции далеко не обязательно предполагает нахождение у власти буржуазии. Напротив, эти задачи значительно последовательнее решаются в случае прихода к власти представителей трудящихся.

Известно, что те страны Азии, в которых к власти пришли марксистско-ленинские партии, относились к социалистическому миру, к социалистической системе еще на национально-демократическом этапе. Но это было не потому, что там (например, в Монголии, Вьетнаме) сразу же в полном объеме осуществлялись социалистические преобразования, а потому, что наряду с решением задач национально-демократической революции в этих странах началось реальное осуществление задач социалистического строительства.

Неравномерное вызревание различных условий революции в странах Азии, ставших затем социалистическими, проявилось главным образом в том, что здесь в пе-

риод колониальной или полуколониальной зависимости не были в достаточных масштабах созданы материальные предпосылки нового общества. Отставание в формировании экономического фактора, например, в Китае в конечном счете сказалось и на характере руководящих сил революции, во многом предопределив их мелкобуржуазную окраску.

Что касается тех стран, где власть взяли революционные демократы, то там непосредственного перерастания революционной ситуации в социалистическую революцию не произошло. Возникла необходимость «предсоциалистического этапа», на котором, с одной стороны, создаются многие материальные предпосылки социализма, а с другой — происходит политико-идеологическая эволюция революционных демократов, их сближение с научным социализмом.

Проблема недостаточности накопленных материальных предпосылок для непосредственного социалистического строительства проявилась в полную меру и в тех странах социалистической ориентации, в которых с самого ее начала к власти пришли силы, ориентирующиеся на научный социализм (НДРЙ, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Афганистан и др.). Преждевременная постановка и попытка реализации ряда задач социалистического этапа революции в таких странах чревата тем, что силы, находящиеся у власти, могут войти в серьезное противоречие с реальной действительностью. Развитие этого противоречия может, как показывает опыт, породить серьезную опасность. Вместе с тем для стран социалистической ориентации с авангардными правящими партиями, естественно, облегчается в дальнейшем переход к социалистическому этапу развития, причем без разрыва единого революционного процесса.

Неравномерность вызревания различных компонентов, составляющих совокупность условий революции, отражается на характере и результатах революционного процесса во всех странах, ныне идущих по пути социалистической ориентации, не только до их освобождения от колониального гнета, но и, может быть, в еще большей степени после ликвидации господства колонизаторов. Тот факт, что в ходе предреволюционного развития в этих странах не были созданы соответствующие материальные предпосылки нового общества, порождает

серьезное противоречие между экономической и социальной сторонами их развития. Ряд прогрессивных социальных преобразований тормозится из-за отсутствия достаточной материальной базы или подчас осуществляется в условиях слабой базы, что наносит большой хозяйственный урон или вообще может подорвать экономику.

Негативное, тормозящее влияние на развитие революционного процесса в некоторых странах социалистической ориентации оказывает также более медленное, чем объективное созревание потребностей революционных изменений, становление субъективного фактора. Это проявляется в отдельных государствах в слабости правящей партии. Сказывается и тот факт, что формирование научного мировоззрения революционной демократии, как правило, начинается фактически лишь после того, как она приходит к власти*.

Недостаточная (относительно объективной революционной ситуации) зрелость субъективного фактора, т. е. сил, которые пришли к власти, в отдельных странах социалистической ориентации иногда выражается также в конфронтации этих сил с коммунистами — последовательными защитниками интересов трудящихся.

Вместе с тем исторический опыт свидетельствует о том, что неравномерность вызревания различных условий революции отнюдь не «закупоривает» революционный процесс, не «блокирует» его развитие. Сказанное относится в первую очередь к социалистическим революциям в странах Востока, гегемоном которых выступает рабочий класс. Это же характерно и для государств социалистической ориентации, где постепенно — не только от каждого старого «поколения» государств к новому, но и в границах одного их «поколения» — происходит в целом ряде случаев политическая и идеологическая эволюция сил, стоящих у власти, в направлении научного социализма.

В этой связи актуально замечание В. И. Ленина, высказанное им по поводу записок Н. Суханова. «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность, — писал В. И. Ленин. — Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и

* Подробно о противоречиях, имманентных некапиталистическому пути развития, см. гл. IV.

изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?

Помнится, Наполеон писал: „On s'engage et puis... on voit“. В вольном русском переводе это значит: „Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет“. Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу.

Нашим Сухаповым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»³.

Провозглашение социализма генеральной целью революции на практике часто означает, что создание необходимых материальных предпосылок для строительства общества без эксплуатации будет завершено уже после свержения власти проимпериалистических сил. Известно, что революционный процесс в развитых капиталистических странах тоже не имеет «китайской стены» между различными этапами. Однако совмещение различных по характеру задач, относящихся к разным этапам революционного процесса, вследствие значительно меньшей развитости экономической и социальной структуры освободившихся стран происходит в них в больших масштабах и на больших отрезках времени, чем в развитых капиталистических странах.

Неравномерность вызревания различных условий революции воздействует на ход революционного процесса и в значительной части бывшего колониального и зависимого мира, которую составляют страны, идущие по капиталистическому пути. Наиболее динамичным элементом такого процесса является революционная ситуация, создаваемая в результате быстрого накопления социально-политических противоречий.

Высокая степень напряженности и широкий диапазон таких противоречий объясняются целым рядом причин как внутреннего, так и внешнего порядка. Завоевание политической независимости — главное достижение национально-освободительной борьбы на этапе краха колониальной системы — само по себе не ликвидировало односторонней зависимости этих стран, не перекрыло каналов их эксплуатации монополистическим капиталом, не сняло остроты их противоречий с империализмом. Все это дополняется растущими классовыми противоречиями, порождаемыми развитием в них капитализма, усиливающимся социально-классовым расслоением. Вместе с тем существует, развивается и требует своего разрешения группа противоречий, вызываемых наличием в экономике докапиталистических укладов, неразвитостью надстройки, что сдерживает рост капитализма.

Одновременно усиливается роль внешних факторов. Одним из проявлений действия закона неравномерности в этих странах стало более быстрое их вовлечение в мировое капиталистическое хозяйство, чем развитие внутри многих из них процессов, приводящих к становлению капиталистической формации. Это, в частности, выражается в том, что отделение «традиционного» производителя от средств производства здесь опережает его объединение со средствами производства на новой, капиталистической основе — оба процесса как бы разрываются во времени. Следует учитывать и то, что расширение разнообразных хозяйственных связей между капиталистическим «центром» и «периферией» происходит быстрее, чем становление и развитие соответствующей социально-экономической структуры в самих освободившихся странах.

Вся эта сумма противоречий создает сильный потенциал для революционного взрыва⁴. Однако революционная ситуация складывается, с одной стороны, без зрелых или, во всяком случае, без достаточно зрелых материальных предпосылок нового общества и, с другой стороны, без адекватного субъективного фактора. Накал противоречий и заряд революционной ситуации, выражающейся в «кризисе верхов» и в высокой степени «угнетения низов», здесь намного значительнее, чем зрелость революционных сил, призванных превратить «пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения».

ния и восстания», а в случае прихода этих сил к власти — значительнее, чем возможности в строительстве нового общества. Рабочий класс в этих странах, как правило, малочислен, раздроблен и недостаточно организован (либо совсем неорганизован). Он несет на себе груз целого комплекса специфических национальных, этнических, религиозных и экономических особенностей развития страны. Разношерстная буржуазия по ряду причин, в том числе из-за своей органической связи с помещиками, иностранным капиталом, не в состоянии поднять народ и руководить им в борьбе против империализма и феодализма, за подлинное освобождение и социальный прогресс. Тем временем развивающаяся объективная революционная ситуация смертельно пугает буржуазию, которая нередко идет на сделку с империализмом и его пособниками внутри страны против своего народа.

В подобных исторических условиях на политическую авансцену часто выходят представители промежуточных социальных слоев, которые характеризуются широкой амплитудой колебаний и в своих настроениях, и в своих устремлениях.

Такая социально-политическая обстановка в целом объясняет пульсирующий характер, сменяющие друг друга приливы и отливы революционной ситуации.

В 70-е годы проявилась определенная закономерность: накапливание и обострение противоречий, создающих объективные социально-политические условия для революционного взрыва, в большей степени наблюдались на двух «полюсах» группы освободившихся стран, избравших капиталистический путь развития. С одной стороны, это происходило на «верхнем полюсе», в странах, представлявших собой локальные «центры силы» или «субимпериалистические очаги» (шахский Иран), где к «традиционным» противоречиям добавились новые, порожденные своеобразной интеграцией таких стран в империалистическую политику; с другой стороны — на «нижнем полюсе», где начальный этап капиталистических преобразований уперся в стену старых феодальных общественных отношений, заостренной полуфеодальной надстройки (дореволюционная Эфиопия).

В. И. Ленин выдвигал требование «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особен-

ное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи»⁵. Как это ленинское указание преломляется в отношении революционной ситуации в освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости и развивающихся по капиталистическому пути странах? По-другому вопрос можно было бы сформулировать так: что следует в этих странах понимать под «кризисом верхов» и «кризисом низов», которые В. И. Ленин рассматривал как главные признаки революционной ситуации, и вообще кто в этих странах подпадает под понятия «верхи» и «низы»?

«Верхи», или господствующие социальные группы, в освободившихся странах капиталистического пути развития неоднородны. Так называемая элита формируется из представителей различных социальных слоев — буржуазии, военной и гражданской бюрократии, латифундистов и др. От страны к стране изменяется удельный вес, да и характер этих составных частей «элиты». В ряде стран установилось военное правление, которое представляет собой крайне реакционную, антидемократическую помещичье-буржуазную диктатуру.

Надо сказать и о продолжающейся эволюции национальной буржуазии. Есть основания считать, что новые формы сотрудничества местной крупной и средней буржуазии с иностранными, особенно транснациональными, монополиями приводят к определенным изменениям в ее политической ориентации.

Организуя смешанные компании или идя на другие формы сотрудничества, ТНК стремятся иметь дело с крупным местным капиталом, обладающим не только необходимыми средствами, но и соответствующим влиянием, обеспечивающим лучшие условия для операций иностранного капитала. Так, например, в 60-х — первой половине 70-х годов на долю индийских монополистических групп приходилось свыше 75% соглашений о сотрудничестве с транснациональными и другими иностранными компаниями⁶. Эта тенденция сохраняется. Такое сотрудничество делает крупную буржуазию в развивающихся странах младшим партнером ТНК. Совпадение ее интересов с интересами иностранного капитала превалирует над противоречиями. Неудивительно, что крупнейшие индийские монополистические группы Бирла

и Тата в конце 70-х — начале 80-х годов призывали к расширению связей Индии с западными монополиями, настаивали на либерализации существующего в Индии инвестиционного законодательства, чтобы снять запрет с внедрения ТНК в банковское дело, плантационное хозяйство и другие высокоприбыльные отрасли. Аналогичное отношение к ТНК наблюдается и у сказочно разбогатевшей феодально-буржуазной верхушки нефтедобывающих стран.

Происходит определенная деформация и средней буржуазии. Значительная ее часть тоже оказалась в той или иной степени втянутой в сотрудничество с иностранным капиталом. Характерно, что многие ТНК, со своей стороны, стремятся приобщить среднюю буржуазию развивающихся стран к такому сотрудничеству. Известно, например, что 25 транснациональных корпораций основали в странах Латинской Америки компанию «Адела» для поощрения смешанных предприятий с участием среднего, а также части мелкого национального бизнеса. Аналогичные задачи ставят перед собой созданные иностранным капиталом компании «Пика» в Азии и «Сифида» в Африке. Апологеты политики включения среднего и даже мелкого местного бизнеса в операции ТНК громко заявляют, что таким путем хотят ликвидировать «социально-политический вакуум» вокруг иностранных компаний.

Многие представители средней буржуазии приобщаются к сотрудничеству с ТНК не через производственную сферу. Они выступают посредниками, агентами по сбыту, нередко наращивают свои доходы, получая «комиссионные» за законные, а часто незаконные операции и сделки, осуществляемые в том числе и за государственный счет. Эта часть буржуазии, отрываясь от прямой производительной деятельности либо никогда в ней и не участвуя, заражена типичной неоконпрадорской психологией. В некоторых развивающихся странах к неоконпрадорской буржуазии примыкает, а нередко и растворяется в ней чиновничество, часть бюрократического аппарата.

В целом средняя буржуазия в развивающихся странах, за исключением откровенно неоконпрадорских элементов, в гораздо большей степени, чем крупная, сохраняет национальный характер. В ряде развивающихся

стран не без влияния среднего бизнеса усиливается регулирующая роль государства в отношении иностранного капитала, особенно в чрезвычайно важных для местной буржуазии вопросах передачи технологии. Однако в настоящее время — и это представляется весьма важным подчеркнуть — средняя буржуазия борется главным образом не против засилья иностранного капитала, а за лучшие условия сотрудничества с ним. В этом еще раз проявляется своекорыстный, антинародный характер буржуазии как класса.

В свою очередь, транснациональные корпорации, получая огромные прибыли от операций в развивающихся странах и все больше рассматривая свои предприятия здесь как часть общего «многонационального» производственного процесса, смягчают в ряде случаев вынужденно, в том числе и «превентивно», условия своей деятельности — естественно, до определенного предела. Так, если в 60-х годах практически все иностранные компании стремились установить полный контроль над создаваемыми на месте фирмами, то в 70-х годах ТНК довольствовались меньшей долей в смешанных предприятиях. Но эта тенденция приспособления иностранного капитала к местным условиям имеет и другую сторону: увеличение области совпадения интересов между ним и крупной и средней буржуазией развивающихся стран. Такое совпадение интересов обеспечивается за счет широких народных масс, в том числе и мелкой буржуазии, подвергающихся нещадной эксплуатации и испытывающих на себе все тяжелые последствия более глубокого втягивания своих стран в мировое капиталистическое хозяйство — голод, нищету, болезни, безработицу, постоянное инфляционное удорожание жизни.

Сказанное, естественно, не означает, что в развивающихся странах, идущих по капиталистическому пути, уже нет групп местного бизнеса, которые рассматривают иностранный капитал как прямого своего конкурента, соперника. Такие группы имеются, но сферой их деятельности все больше становится мелкий бизнес, а соперничество с иностранным капиталом все больше дополняется сотрудничеством с ним.

Кризис «верхов» в целом ряде развивающихся стран отражает наступление такого момента, когда находящиеся у власти «элиты» даже с учетом происходящих в

них изменений уже не могут управлять старыми методами. Существующим государственным институтам все труднее удерживать «порядок» и «законность». Репрессии не помогают; наоборот, они усиливают революционные настроения в массах.

Но кризиса «верхов» еще недостаточно для создания революционной ситуации. Невозможность управлять по-старому соединяется в ней с нежеланием «низов» жить по-старому. Такое нежелание постепенно накапливается. При этом формы накопления недовольства и взрыва, порождаемого нежеланием жить по-старому, во многом несут на себе отпечаток характера «низов» в развивающихся странах. «Низы» здесь не только, а может быть, и не столько рабочий класс, сколько огромная масса предпролетариата, полупролетарских элементов города и деревни, низших слоев мелкой буржуазии.

Грани между пролетариатом и этой массой во многих развивающихся странах размыты. В Египте, например, существует большое число лиц, номинально зачисленных в категорию землевладельцев. Между тем средний размер участка у таких собственников меньше феддана на человека. Подобного участка просто недостаточно, чтобы прокормить даже небольшую семью. Владельцы этих участков значительную часть своего времени либо батрачат на землях кулаков, либо приарендовывают землю на кабальных условиях, либо перебиваются случайными заработками в городе.

Аналогичное положение с мельчайшими собственниками в торговле. Беря в кредит дешевые потребительские товары, они продают их прямо с лотков на улицах городов, на дорогах, в деревнях. Подавляющее их большинство отделено непреодолимой дистанцией даже от мелкого лавочника. За их счет постоянно пополняются полупролетарские слои города и деревни — массовые социальные группы, не имеющие постоянного твердого заработка, вынужденные от случая к случаю предлагать свою рабочую силу главным образом в сфере обслуживания.

В характеристике «низов» сказывается и многоукладный характер экономики. «Низы» представляют не только капиталистические уклады, но и всю гамму укладов, основывающихся на докапиталистических способах производства. Социальный состав «низов» является

здесь причиной того, что они в значительно большей степени, чем в развитых в экономическом отношении капиталистических странах, становятся объектом националистического, религиозного воздействия, подчас умело поставленной агитации и пропаганды правых, реакционных сил. Их массовое сознание определяется стихийным протестом против существующей действительности и подчас порождает такие формы и проявления протеста, которые не укладываются в традиционные представления о революции. В то же время кризис «низов» в подобных условиях чреват и контрреволюционными всплесками.

Однако все эти явления, усложняющие революционный процесс в таких странах, в конечном счете будут преодолеваться в результате классовой дифференциации в них и усиления позиций социализма во всем мире. Перспектива и здесь однозначно определяется вызреванием предпосылок для победы нового, неэксплуататорского строя.

Воздействие традиционных факторов: революция и ислам

Наряду с неравномерным вызреванием различных условий революции ее специфику на Востоке создает сильное влияние традиционно-исторических факторов. Конечно, революция вырастает не из «традиционности», как утверждают, например, некоторые исламские идеологи, а из классовой борьбы. Но эта традиционность подчас еще больше деформирует классовую борьбу, облакает ее в особые, неведомые ранее, а в отдельных случаях уродливые формы.

Мы не ставим своей целью систематический анализ воздействия всех традиционных институтов на революционный процесс в бывших колониях и полуколониях. Естественно, что спектр факторов такого воздействия гораздо шире, чем религия, а влияние религии не ограничивается исламом. Но представляется, что особенно после краха колониальной системы влияние традиционности на революции в освободившихся странах более ярко и контрастно проявилось в исламской форме.

Говоря в целом о воздействии ислама на революцию,

следует подчеркнуть, что он может как затормозить ее, так даже и повернуть вспять, в результате чего наступает, по ленинскому выражению, «гниение страны». Однако на определенном, особенно начальном, этапе революции религиозный элемент, как это было, например, в Иране, способен играть и позитивную роль: мусульманское духовенство Ирана своей деятельностью способствовало втягиванию в активную политическую жизнь — преимущественно антишахскую и антиимпериалистическую — наиболее отсталых слоев населения, изолировало соглашательские либерально-буржуазные элементы, проявившие готовность к капитулянтскому компромиссу.

Диалектическая постановка вопроса о воздействии на революционный процесс на Востоке традиции вообще и ислама в частности содержалась в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии: «Под знаменем ислама может развертываться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. Но он же говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения»⁷.

Такая взвешенная, марксистско-ленинская констатация помогает нейтрализовать и опасный нигилизм по поводу возможности положительного на определенном историческом этапе влияния религиозного фактора на политические процессы на Востоке, и не менее опасный подход, затушевывающий реакционную сторону этого влияния. Нигилизм чреват для местных революционных сил сектантским уклоном, отрывом от масс. Другая крайность, проявляющаяся в апологетике воздействия религиозного элемента, грозит отказом от классового подхода, по сути дела перерождением.

Выдвинутая на XXVI съезде Коммунистической партии Советского Союза сбалансированная позиция в отношении воздействия ислама на общественные процессы в странах зарубежного Востока особенно актуальна в наше время. Именно в самом конце 70-х — начале 80-х годов обозначился наивысший за весь период после второй мировой войны рост влияния ислама на политическую жизнь стран Азии и Африки. В таких условиях подход к этому вопросу, сформулированный на съезде,

приобретает не только большое научно-теоретическое, но и важнейшее политико-практическое значение.

Различное содержание движений, происходящих под исламскими лозунгами, — такова, очевидно, главная характеристика «исламского бума» конца 70-х — начала 80-х годов. И действительно, если в Иране «исламский фактор» способствовал на первых порах заострению антишахского и антиимпериалистического содержания революции, то в Афганистане под знаменем ислама развернулась контрреволюционная кампания против законного правительства. Действующая в Сирии организация «братьев-мусульман» стала главным противником прогрессивного режима. В Пакистане провозглашение Зия-уль-Хаком в 1979 г. переустройства существующей общественно-политической и экономической системы на исламской основе с самого начала служило интересам правящего буржуазно-помещичьего блока. Исламом как идеологией пользовался и Садат для укрепления в Египте позиций реакционных сил и маскировки своей сепаратной сделки с Израилем и сговора с американским империализмом. В то же время обращение к исламу использовалось оппозицией и Зия-уль-Хаку, и Садату, и другим реакционным лидерам.

Участились политические выступления на базе принадлежности к основным мусульманским общинам (шиитов, составляющих приблизительно 10% всех исповедующих ислам, и суннитов — около 90%). Однако, как и в отношении исламского движения в целом, связи с той или иной общиной сами по себе не определяли политического характера этих выступлений. Здесь снова можно сослаться на положительный вклад патриотически настроенного шиитского духовенства в развитие начального этапа революционного процесса в Иране и на развернувшуюся в то же время на базе шиитской общины контрреволюционную деятельность в Афганистане.

«Исламский бум» конца 70-х — начала 80-х годов стал врасплох буржуазных политологов, прежде всего в США, хотя после второй мировой войны там уделялось значительно больше внимания современным проблемам ислама, чем в других странах Запада.

Сразу же после завоевания странами традиционного распространения ислама независимости некоторые аме-

риканские исследователи выдвинули идею необходимости «создания нового действенного компромисса между мусульманскими и немусульманскими элементами, отражающего условия и потребности данной эпохи»⁸. «Синтез» традиционного ислама с современными буржуазными общественными институтами Запада был призван обеспечить сохранение освободившихся стран с мусульманским населением в орбите империалистического влияния. Активизация политической роли ислама помешала такому «синтезу», однако американские историки и социологи, как правило, исходили из того, что «вовлечение религии в политизацию масс является кратковременным процессом»⁹. Что касается сущности этого феномена, то она определялась как «взрыв фанатизма», «откат к традиционализму»*. Недооценивалась антиимпериалистическая направленность и усилившегося движения «исламской солидарности»¹⁰.

Но подобные прогнозы и оценки не подтвердились.

Можно, очевидно, прийти к выводу об относительно устойчивом, а не кратковременном влиянии ислама на политические процессы в странах зарубежного Востока с мусульманским населением. Масштабы и сравнительная стабильность воздействия религии на политическую жизнь во многом предопределяются тем, что мусульманское население — около 800 млн. в несоциалистическом мире — составляет большинство в 35 странах и влиятельное меньшинство еще в 18 странах¹¹. Во многих странах ислам объявлен государственной религией.

За исламом стоят 13 веков непрерывного и активного воздействия на жизнь общества. Степень религиозности населения в мусульманских странах исторически весьма высока. Ислам, как и любая другая религия, непосредственно влияет на отношения в семье и обществе, консервируя их традиционность. Вместе с тем специфика ислама заключается в том, что священная книга мусульман — Коран и свод мусульманских законов — шариат содержат принципы, регулирующие не только морально-этические нормы поведения человека в семье и обществе, но и его личную, хозяйственную и общественную жизнь. В глазах верующих ислам выступает не

* Традиционализм, или фундаментализм, — консервативное направление в исламе, провозглашающее незыблемость мусульманских институтов и выступающее против любых форм модернизации.

просто как религиозная система, но и как «образ жизни».

И все-таки относительная устойчивость влияния ислама на зарубежном Востоке объясняется не только, да и не столько характерными особенностями самого ислама как религии. В еще большей степени эта устойчивость порождена теми историческими, экономическими и политическими условиями, в которых происходило и происходит общественное развитие зарубежных стран с мусульманским населением.

Долгое время эти страны были частью колониальных империй, испытывая на себе прямой гнет метрополий. Иностранцы угнетатели, представленные в этих странах солдатами, купцами, предпринимателями, колониальными администраторами, как правило, исповедовали другие религии. В таких условиях движение за освобождение от иностранного гнета естественно и неизбежно включало также и обращение к религиозным лозунгам. Уже в то время это приводило главным образом к двум противоположным результатам: с одной стороны, происходил объективный рост антиимпериалистического потенциала самого исламского движения, что положительно сказывалось на ходе национально-освободительной борьбы; с другой — религиозный элемент, «исламская общность» противопоставлялись интернациональному классовому подходу, что затрудняло решение антиимпериалистических задач.

Развитие капитализма втягивало мусульманские страны в мировое капиталистическое хозяйство. Начали внедряться современные методы производства и управления, стала меняться застывшая структура восточного общества, резко возросло противоречивое влияние на него западной цивилизации. Все это в целом ослабило традиционность в мусульманских странах, но не привело к адекватному результату в виде размывания религиозного фактора, не исключило его активного воздействия на политическую жизнь.

Несоответствие между общим ослаблением традиционных устоев в мусульманских странах и сохранением, а подчас, в определенные исторические периоды, ростом влияния ислама на общественные процессы явилось во многом следствием специфики развития капитализма на Востоке.

Во-первых, развитие буржуазных отношений оказалось опять-таки тесно связанным с внешними силами, подвергающими нещадной эксплуатации народы мусульманских стран. С этими инонациональными и представляющими другие верования силами ассоциировались и ненавистные широким массам местные правители и зажиточные слои.

Во-вторых, одной из главных особенностей развития капитализма в Азии и Африке — об этом уже говорилось выше — стало отчуждение огромной массы людей от средств производства без соответствующего их вовлечения в производство на новой, капиталистической основе. Отсюда — обострение демографической ситуации, рост населения городов, численности пауперов, полупролетариата, относительная устойчивость средних слоев, т. е. создание и расширение той социальной среды, где религия сохраняет значительные возможности для активного существования. Ломка традиционных условий труда и быта сопровождалась для большей части населения ухудшением материального положения, во всяком случае, ростом его нестабильности. Между тем в сознании масс все это непосредственно связывалось с «вестернизацией», ослабляющей религиозные устои мусульманского общества.

В-третьих, уродливые формы развития капитализма на Востоке расширили состав сторонников «мусульманского образа жизни» за счет значительной части рабочего класса. Малочисленность рабочего класса в большинстве стран Азии и Африки дополняется рядом особенностей его характера и структуры, распыленностью его по мелким предприятиям и занятостью многих рабочих в непроизводительной сфере, сохранением связей с деревней, отсутствием пролетарских традиций и преемственности поколений. Вообще доля потомственных фабрично-заводских рабочих с ярко выраженным классовым мировоззрением в этих странах весьма ограничена. Характерно, например, что в Кувейте 35%, в Иордании — 62%, а в Саудовской Аравии — 60% рабочих заняты на предприятиях, насчитывающих менее пяти работающих¹².

В-четвертых, развитие капитализма в большинстве мусульманских стран не сопровождалось борьбой за освобождение от влияния духовенства на общественную

жизнь. На Западе на заре развития капитализма застельщиком движения за секуляризацию выступала нарождающаяся буржуазия, а в лице авангарда рабочего класса атеизм приобретал своего наиболее последовательного выразителя. На Востоке этого не произошло. Буржуазия мусульманских стран не боролась против влияния религии, и не только потому, что была значительно более «традиционной». Возглавив движение за освобождение от колониального гнета, она стремилась вовлечь в него массы, а для этого должна была говорить с ними на доступном им языке религии (кстати, это была одна из причин тенденции модернизации религии). К тому же гораздо более позднее развитие капитализма на Востоке сразу же столкнуло буржуазию с необходимостью возводить заслон против уже распространившихся в мире коммунистических идей. В настоящее время эта «миссия» буржуазии все больше выступает на передний план, причем одним из важнейших идеологических средств опять-таки оказывается религия. Не случайно реакционные политологи империалистических государств и консервативные деятели самих мусульманских стран постоянно говорят об исламе как о «барьере против коммунизма». Сказалась также организационная и политическая слабость ряда прогрессивных организаций и партий в мусульманском мире, их недостаточно тесная связь с народными массами.

Таковы весьма существенные причины относительной устойчивости и противоречивости влияния ислама на общественное развитие стран зарубежного Востока.

Вместе с тем жизнь вносила изменения в характер этого влияния. Успехи мировой социалистической системы, национально-освободительного движения, широкое распространение идей научного социализма, постоянное изменение соотношения сил между социализмом и капитализмом, способствующее мощному развитию мирового революционного процесса, — словом, все то, что сегодня определяет магистральную линию общественного развития в мире, непосредственно отразилось и на характере воздействия ислама на политическую жизнь. Произошла и происходит «политизация» ислама. Это проявляется как в значительно большей, чем прежде, его внутренней адаптации к нынешним условиям классовой борьбы в странах с мусульманским населением,

так и в более интенсивном использовании ислама со стороны различных политических партий и групп, которые часто обращаются к религии для мобилизации масс.

В марксистской литературе было уже достаточно полно проанализировано использование религиозных, в частности исламских, лозунгов светскими политическими силами и партиями¹³. В гораздо меньшей степени исследовалась эволюция самого исламского движения. Между тем оно не могло и не может не изменяться в связи с серьезными классовыми сдвигами как в отдельных странах, так и в мире в целом.

Если говорить о наиболее характерной перемене, которая произошла в исламском движении уже в наши дни, то следовало бы, очевидно, подчеркнуть определенный сдвиг в соотношении между *чисто религиозным* и *социальным* элементами этого движения. Известно, что и прежде, в конце XIX — начале XX в., в ряде случаев мусульманское течение присутствовало в буржуазно-демократическом движении на Востоке. Но, как правило, в прошлом ислам не вносил в это движение серьезной социальной программы. Примером могут служить революционные события в Иране в 1905—1911 гг., когда мусульманское духовенство в основном боролось не за ликвидацию реакционной, деспотической надстройки и внедрение буржуазно-конституционных норм в политическую жизнь, а за то, чтобы эти становящиеся неизбежными перемены не сопровождались ослаблением влияния религии на народные массы.

Возросшее значение социального элемента в современном мусульманском движении выразилось в конкретных теориях «исламского государства» и «исламской экономики». Эти модели при всей их противоречивости и в ряде случаев утопичности были выдвинуты в Иране в результате антишахской революции главным образом как альтернатива эксплуататорскому характеру и производства, и управления. На их содержании следует остановиться подробнее.

Модель исламской, или тоухидной (как называют ее иранские идеологи), экономики была основана на фундаментальном догмате ислама «тоухид» (сущностное единство, единение, единобожие). Применительно к современной экономике этот термин употребляется в значении: «приведение экономической жизни в соответст-

вне с принципами ислама» и «единение» ее с традиционными сферами жизни. Сами иранские идеологи утверждают, что тоухидная экономика — это, во-первых, «ликвидация неравенства», а во-вторых, «единение производства и потребления; производство по способностям, потребление по благочестию»¹⁴.

По модели исламской экономики собственность «как вещь» отличается от собственности, выражающей «отношение между людьми». Если первый аспект собственности рассматривается весьма однозначно — все, что существует на небесах и на земле, по Корану, принадлежит Аллаху, — то в своей функции овеществления производственных отношений «исламская собственность» выступает как личная и общественная. Последняя, в свою очередь, реализуется в форме государственной и кооперативной собственности. Личная собственность признается лишь как результат своего (а не эксплуатируемого, чужого) труда. Реки, леса, ископаемые объявляются собственностью государства, которое регулирует при этом процесс их использования таким образом, чтобы не нарушался принцип «сбалансированной экономики». Государственная собственность на средства производства и государственные институты, действующие в сфере распределения, провозглашаются в качестве важнейших рычагов, способных «противодействовать» монополиям (последние порицаются, так как противоречат Корану), обеспечивать функционирование других видов собственности и поддерживать распределение на относительно однородном уровне.

Согласно концепции тоухидной экономики, инструментом регулирования для установления «равновесия и справедливости» должна быть налоговая система, построенная на «принципах Корана». Некоторые исламские теоретики определяют ставку закята (налог в пользу бедных) в 2,5% от чистого продукта, а вопрос о ставке хумса (налог на доход) оставляют открытым¹⁵.

Концепция исламской экономики явилась попыткой модернизации ислама с учетом некоторых реальных проблем современного социально-экономического развития Ирана. Эта попытка, естественно, не носила надклассового характера — она объединила требования буржуазных преобразований с обоснованием необходимости поддерживать патриархальное крестьянство, городской

предпролетариат и мелкобуржуазные слои. Такие исламские концепции имеют много общего, например, с социальной концепцией Махатмы Ганди (создание сильного государственного сектора для развития отраслей крупной промышленности наряду с государственной поддержкой мелкого предпринимательства в городе и деревне). Совпадение объясняется, очевидно, общей мелкобуржуазной сущностью многих идей, лежащих в основе как социальной утопии Ганди, так и современных мусульманских теорий «третьего пути развития».

В то же время на разработке концепции исламской экономики в большой степени отразилось влияние буржуазных элементов, ибо современный Иран за последние годы шахского режима значительно продвинулся по пути капиталистического развития. Так, распределение по труду не противопоставлялось принципу распределения «по предпочтению», который отнюдь не отрицается концепцией исламской экономики. Формула «производство по способностям и потребление по благочестию», вполне понятно, сохраняет возможности большого неравенства членов общества во владении материальными благами. Ряд авторов идей исламской экономики выступал и за сохранение банковского процента*. Некоторые буржуазные деятели в Иране были настроены против прогрессивного налогового обложения доходов, аргументируя свою позицию тоже Кораном. Сказалась, с одной стороны, очевидная недоработанность исламских моделей, а с другой — факт приспособления их к реально существующей в Иране структуре производственных отношений, определяемых развитием капитализма.

В таких условиях призывы «закрывать путь для всякого рода концентрации собственности и капитала», даже подкрепляемые действиями, фактически служащими защите мелкособственнических интересов, в целом не могли и не смогли помешать развитию капитализма в стра-

* Создаются исламские банки, функционирующие «в соответствии с принципами Корана и шариата» (на начало 1981 г. создано 17 таких банков в 12 странах), однако фактически взимающие ссудный процент. Прибыль, получаемая этими банками, не расценивается как «греховная», а объявляется «вознаграждением» за человеческий труд, приложенный в процессе осуществления финансовых операций. При другом обходном маневре банк становится участником предприятия, в которое вложен капитал, что считается дозволенным мусульманским законодательством.

не. Вместе с тем это развитие, несомненно, приобрело новые черты — главным образом антимонополистические и государственно-капиталистические. В Иране была провозглашена национализация банков, ряда крупных и средних промышленных предприятий, аннулированы вложения иностранцев в кредитно-банковскую систему, создан «фонд обездоленных» для поддержки мелких и средних крестьянских хозяйств.

Что касается современных моделей исламского государства, то они предусматривают внедрение исламских институтов в структуру власти и государственное право. Модель исламского государства, попытки реализации которой наблюдаются в послешахском Иране, впервые сформулирована создателем Ассоциации братьев-мусульман Хасаном аль-Банной в 40-х годах, а позже развита рядом мусульманских идеологов арабских стран. В основе ее лежит идея создания надгосударственного исламского органа, который бы осуществлял контрольную функцию по отношению к политическим, экономическим и общественным институтам страны. В том же Иране внедрение исламской государственности привело к конституционному закреплению сочетания политической власти духовенства со светскими политическими институтами.

Однако эти модели, отражающие самые различные тенденции исламского движения, неоднозначны. Как известно, концепции исламского государства (а равно и исламской экономики) используются не только радикальными мелкобуржуазными слоями, но и консервативными группировками буржуазии, которая вкладывает в них вполне определенный социальный смысл — господство буржуазно-помещичьих кругов с ярко выраженной тенденцией к диктаторским формам правления. Примером является Исламская Республика Пакистан.

Зия-уль-Хак использовал исламизацию прежде всего как средство консолидации своего режима. Состоятельная буржуазия и землевладельцы в союзе с армией проявили заинтересованность в том, чтобы авторитарное правление осуществлялось в форме исламского государства. Ссылки на исламскую традицию призваны были освятить переход к военной диктатуре. После того как Зия-уль-Хак, провозгласивший себя «солдатом ислама», отказался от проведения всеобщих выборов (намечен-

ных на ноябрь 1979 г.), он стал обращать особое внимание на доказательство того, что всеобщие выборы и парламентские органы «не отвечают принципам ислама». Поэтому, как утверждал Зия-уль-Хак, в исламском государстве не следует использовать эти формы, а надо создавать новые, соответствующие исламским традициям. «Ислам не предписывает нам, каким должно быть государство: теократическим, демократическим или монархическим, — заявил Зия-уль-Хак. — Ислам не определяет форму правления. Ислам... определяет основополагающие принципы»¹⁶.

Страх перед дальнейшей дезинтеграцией страны, охвативший самые различные социальные слои после образования Бангладеш, привел к определенному успеху политики исламизации в Пакистане. Однако проводимая *сверху* исламизация, несмотря на использование духовенства в качестве орудия воздействия на массы, была не способна обеспечить стабильность реакционного политического режима. В этих условиях правящие круги Пакистана постепенно стали проявлять все большую явную заинтересованность в подогревании религиозного фанатизма на основе определенных внешнеполитических акций. Постоянно поддерживается враждебность в отношениях с «индуистской» Индией. Важнейшим средством, позволяющим укреплять авторитарный режим под прикрытием исламизации, стало создание на территории Пакистана военных центров «во имя спасения ислама» в Афганистане.

Можно утверждать, что на всех этапах исторического развития в исламских формах выступали различные классовые и политические интересы. Современное исламское политическое движение становится значительно более зависимым от соотношения классовых сил в данной стране. Тем более было бы неправильно подходить к нему как к единому целому, в том числе и по классовому признаку.

В этом движении существует ряд течений, которые условно можно объединить в два основных: мелкобуржуазное, обладающее определенным революционно-демократическим потенциалом, и буржуазно-помещичье, играющее реакционную, контрреволюционную роль. Известно, что В. И. Ленин еще в эпоху, обозначенную им как «пробуждение Азии», писал, например, о «национа-

листическом движении под знаменем ислама» в Индонезии, относя его к антиколониальным движениям революционно-демократического характера¹⁷.

Неоднородность мусульманского движения не сводится на нет тем, что оно провозглашает ряд общих постулатов и принципов, одинаково широко пропагандируемых и используемых различными по своему характеру исламскими группировками. (Среди таких принципов есть и «исламский путь развития», и «исламская социальная справедливость», и «исламское народовластие», противопоставляемые как капитализму, так и коммунизму, а в качестве средства реализации предписаний Корана предлагается возврат к идеализированному раннеисламскому «золотому веку».) Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые современные мусульманские идеологи радикального толка, например, в Иране, принимая и провозглашая эти принципы, акцентируют внимание на тех их сторонах, которые могут послужить борьбе против империализма, эксплуатации, интерпретируют предписания Корана таким образом, чтобы удовлетворить социальные устремления широких народных масс. Но, конечно, так поступают далеко не все. Очень часто и акценты, и интерпретации имеют противоположный смысл.

В анализе проблемы неоднородности, внутренней противоречивости современного мусульманского движения исключительно важен с методологической точки зрения ленинский подход к национализму угнетенной нации. В. И. Ленин писал: «В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы *безусловно* поддерживаем...»¹⁸. В то же время В. И. Ленин подчеркивал наличие в каждом национализме реакционного содержания и говорил, что в лице марксистов «всякий шовинизм и национализм встретит себе беспощадного врага»¹⁹.

Ленинский классовый методологический подход к национализму угнетенной нации представляется правомерным и в отношении исламских движений. Во-первых, реакция на империалистическое угнетение и неокolonialистские происки непосредственно стимулирует «политизацию» ислама. Во-вторых, большинство мусульманских концепций ныне развивается в русле национали-

стических доктрин, мелкобуржуазных и буржуазных, или, наоборот, эти доктрины облачаются в религиозные формы.

Жизнь показывает, что в мусульманских движениях, в том числе и мелкобуржуазных, есть, как правило, две стороны: прогрессивная — антиимпериалистическая, антимонаполистическая и реакционная — антикоммунистическая. В зависимости от внутренних и внешних обстоятельств одна из них может оказаться преобладающей, иногда даже гипертрофированной.

О двух сторонах, диалектически определяющих развитие современных мусульманских движений, убедительно свидетельствуют события в Иране.

Окраску в исламские цвета революционных сдвигов в этой стране, как уже было упомянуто, в США и западноевропейских странах представляют как «откат к традиционализму». Между тем суть отмеченного явления не может быть адекватно выражена этим понятием. В общем следует, очевидно, говорить о глубинных политических и социально-экономических изменениях в Иране, которые не могут быть охарактеризованы как ретроградное движение, тем более однозначно.

Религиозные формы сдвигов в Иране оказывают на общество различное воздействие. Радикальное исламское течение способствовало усилению антиимпериалистической и антимонаполистической направленности революции. В то же время мусульманские деятели, придя к власти, проявили склонность к нейтрализации левых сил, к их изоляции.

Важно отметить также, что перемены в Иране, совершаемые в исламских формах, неоднозначно отразились на ситуации в мусульманском мире. В ряде случаев они объективно стали импульсом развития реакционных тенденций как в отдельных государствах, так и в международном мусульманском движении.

Констатировав неоднородность исламского движения, можно прогнозировать два варианта его развития.

Первый вариант — дальнейшая эволюция радикального мелкобуржуазного исламского течения, его сближение, но, естественно, до определенных пределов, со «светским» мелкобуржуазным социализмом, с левыми силами на антиимпериалистической, антиэксплуататорской основе. Реальность этого варианта во многом за-

висит от того, насколько широкий размах примет движение народных масс, все активнее включающихся в политическую борьбу. Странники «третьего» (исламского) пути развития, очевидно, способны в течение некоторого времени проявлять сравнительную последовательность в реализации своих концепций социальной справедливости и равенства, что при всей утопичности этих концепций может способствовать созданию определенных условий для перехода к некапиталистическому развитию. Однако это возможно только на основе объединения левых сил и мобилизации трудящихся, прежде всего рабочего класса, на дальнейшую борьбу за социальный прогресс и демократию. Нельзя не учитывать также, что рост радикальных тенденций в мусульманском мелкобуржуазном движении неизбежно ведет к обострению борьбы между сторонниками капиталистического и некапиталистического развития, к росту дифференциации внутри духовенства и среди его союзников в мусульманском движении в целом.

Другой возможный вариант развития — сближение между радикальными и реакционными течениями на антисоветской, антикоммунистической основе, что облегчает реставрацию «обычного» эксплуататорского общественного порядка. В случае такой реставрации некоторые исламские пресбразования могут быть до поры до времени сохранены, но уже скорее как средство воздействия на наиболее отсталую по уровню своего политического сознания часть трудящихся классов в интересах буржуазии.

На рубеже 70—80-х годов «исламский фактор» усилился и на международном уровне, что проявилось, с одной стороны, в активизации деятельности международных мусульманских организаций, а с другой — в гораздо более четко, чем раньше, выраженном стремлении правящих кругов развитых капиталистических стран, и прежде всего США, использовать этот «исламский фактор» в интересах империалистической политики.

Надо сказать, что исламское движение демонстрирует противоречивые тенденции и на международном уровне. Определяя позицию мусульманских стран, необходимо иметь в виду их преобладающую настроенность против Израиля, США и других империалистических государств. «Исламская солидарность» выступает и как фор-

ма борьбы за новый мировой экономический порядок, за демократизацию существующих мирохозяйственных связей. Что касается отношения международных мусульманских организаций к социалистическому миру, то здесь значительно сильнее проявляются различия в позиции отдельных государств.

В своей политике в отношении мусульманских стран американский империализм стремится использовать реакционные тенденции в исламских движениях; при этом подход США к современному исламу можно охарактеризовать как сугубо политический, более того — конъюнктурно-политический.

Острый «прилив» интереса США к мусульманскому миру начался, по сути дела, после революции в Иране. С этого времени проявляется их стремление более активно использовать «мусульманскую карту» в таких целях, как:

наращивание глобальной конфронтации с Советским Союзом;

усиление военных позиций и военного присутствия Соединенных Штатов на Ближнем и Среднем Востоке; маскировка политики, направленной на свержение антиимпериалистических режимов;

обеспечение нефтяных интересов США, продолжение поставок нефти с Ближнего и Среднего Востока в масштабах, удовлетворяющих потребности американской экономики, и по «приемлемым» для Соединенных Штатов ценам;

отвлечение внимания мусульманской общественности от антиарабской кэмп-дэвидской сепаратной сделки Израиля и Египта, подготовленной и осуществленной американской дипломатией.

«Мусульманский регион» был выделен среди других стран Азии и Африки в концепции «дуги нестабильности» З. Бжезинского. Это послужило «теоретическим обоснованием» американского курса, направленного якобы на стабилизацию обстановки в странах «дуги». Следующим шагом стали противопоставление исламского мира Советскому Союзу и другим социалистическим странам и распространение инсинуаций о «советской угрозе» мусульманскому миру, призванных служить оправданием контрреволюционной политики США в Иране и Афганистане.

Наряду с общим заигрыванием Соединенных Штатов с исламским миром просматривается явно «выборочный» подход США к отдельным государствам в расчете на превращение их в опорные пункты американского империализма. Акцент на связях с этими государствами, очевидно, диктуется стремлением США создать новую основу для своей политики на Ближнем и Среднем Востоке, особенно после того, как рухнула одна из ее самых главных опор — шахский режим. Характерно, что в состав мусульманских государств, на которые направляют особое внимание Соединенные Штаты, входят страны, предоставившие или, как считают американские политики, готовые в будущем предоставить свою территорию под военные базы США. Среди таких государств — те, которые играют или, по мнению американских политиков, смогут в дальнейшем играть активную роль против революционного Афганистана. Наконец, немалое значение в выборе таких стран имеет политика США, направленная на укрепление ряда реакционных, консервативных режимов, особенно — зашатавшихся после свержения шахского режима в Иране. Избирательность в подходе к разным странам осуществляется Соединенными Штатами и для того, чтобы расколоть мусульманский мир, не дать ему укрепить свою солидарность на антиимпериалистической базе.

Администрация США, писала «Нью-Йорк таймс» 23 января 1980 г., сосредоточивает внимание на таких ключевых государствах, как Египет, Саудовская Аравия и Пакистан; «она готова принять участие в новых формах сотрудничества с ними». Такие «новые формы сотрудничества» выражаются прежде всего в милитаризации стран с консервативными режимами, направленной на их превращение в основных союзников США в организации контрреволюции на мусульманском Востоке, которая преподносится как «защита мусульманских стран от советской угрозы».

Однако следует заметить, что проамериканская ориентация саудовского Египта и сближение с США правящих кругов Саудовской Аравии и Пакистана вызвали резкое осуждение как ряда арабских государств, так и ближайшего соседа Пакистана — Индии. Далекое не однозначное воздействие оказала эта политика и на внутреннее положение союзников США в регионе, натолкнув-

шись на растущее недовольство, в том числе среди мусульманского духовенства. Возможности правящих кругов отдельных мусульманских стран использовать помощь США в качестве внутривосточного стабилизирующего фактора весьма ограничены. На это обратила внимание, в частности, премьер-министр Индии Индира Ганди. В одном из своих интервью она подчеркнула, что американская помощь Пакистану обостряет внутренние проблемы этой страны: «Многие пакистанцы считают, что полученное оружие может быть использовано и против них»²⁰.

Серьезное недовольство стран традиционного распространения ислама вызывает также позиция США в арабо-израильском конфликте.

О росте противоречий между мусульманскими государствами и международным, прежде всего американским, империализмом во всех областях экономической и политической жизни свидетельствует не только антиимпериалистический радикализм ряда мусульманских политических движений, но и определенные изменения, происходящие в мусульманских странах с консервативными режимами, на которые США стремятся опереться в своей реакционной политике.

В Соединенных Штатах высказывается опасение, что «отношения с их традиционными мусульманскими союзниками... в значительной степени обостряются»²¹. По признанию американской прессы, «в отношениях Исламабада с Западом преобладает взаимное недоверие», а «саудовские лидеры, кажется, ускользают из объятий США»²².

* * *

Атеистический характер марксистско-ленинской философии и отрицательное отношение к массовым религиозным движениям или религиозным массам, как таковым, — совершенно различные вещи. Марксизм-ленинизм выработал и четко сформулировал основанные на научном классовом подходе принципы оценки массовых движений, совершающихся под религиозными лозунгами. Эти принципы предполагают учет конкретных условий, национальной специфики, особенностей этапа революции. В. И. Ленин всегда учил революционеров видеть

социальную суть религиозного движения, его место во всемирном противоборстве сил империализма и социализма.

В. И. Ленин и основанный им Коммунистический Интернационал высоко оценили те мусульманские организации и движения, которые имели антиимпериалистический характер и охватывали широкие народные массы. Например, в 1919 г. в ответ на вопрос американского журналиста, какова тактика Российской Советской республики по отношению к мусульманским странам, В. И. Ленин указал, что Советское государство в своей деятельности по отношению к зарубежным мусульманам исходит из стремления помочь самостоятельному, свободному развитию каждого народа, из безусловного отрицания всего того, что укрепляет «гнет немногочисленных „дивилизованных“ капиталистов над трудящимися своих стран и над сотнями миллионов в колониях Азии, Африки и пр.»²³.

В письме Исполкома Коминтерна лидеру индонезийской антиимпериалистической мусульманской организации «Сарекат ислам» в 1923 г. подчеркивалось, что, хотя дело Коминтерна не идентично делу «Сарекат ислама», это не может служить препятствием для их совместной антиимпериалистической борьбы, для установления единства действий²⁴.

Вместе с тем ленинскую позицию по отношению к мусульманским политическим движениям отличала принципиальная борьба против тех представителей эксплуататорских классов, для которых ислам становится идейным знаменем защиты своекорыстных интересов и средством мобилизации масс для достижения реакционных политических целей. В. И. Ленин всегда призывал к сочетанию непримиримой борьбы против использования религии в контрреволюционных целях с максимумом доброжелательности к мусульманским массам.

Обращая внимание на необходимость самого бережного отношения к национальным устремлениям народов, переживших эпоху колониального рабства, В. И. Ленин рекомендовал всячески демонстрировать «и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее»²⁵. Отнюдь не случайно принципы политики Советского правительства по отношению ко многим народам не только российско-

го, но и зарубежного Востока были впервые сформулированы 3 декабря 1917 г. в документе, носившем название «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока».

Великий вождь мирового пролетариата всегда придавал первостепенное значение единству действий всех трудящихся, атеистов и верующих, в борьбе против империализма. «Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»²⁶, — писал В. И. Ленин.

Ленинский подход к религиозным политическим движениям народов отнюдь не потерял своей актуальности. В современную эпоху с характерным для нее сложным переплетением многих, зачастую противоречивых тенденций особенно важен правильный, диалектический подход к оценке религиозного фактора, его неоднозначной роли в социально-политических движениях стран зарубежного Востока с мусульманским населением.

Глава IV

СТРАНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ: ТРУДНЫЙ, НО РЕАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД К СОЦИАЛИЗМУ

Главная ось резко усилившегося в послеколониальный период процесса дифференциации стран Азии, Африки и Латинской Америки — разделение этих стран по социально-классовому признаку, что, в частности, проявляется в различиях путей их социально-экономического развития. Причем специфика освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости стран, особенно Востока, — слабое развитие производительных сил, широкое распространение докапиталистических производственных отношений, наличие традиционных этнических, кастовых, религиозных структур — находит выражение в своеобразии движения их не только в сторону капитализма, но и особенно в сторону социализма.

Историческая эволюция понятия некапиталистического перехода

Общеизвестно, что путь к социализму пролегает через социалистическую революцию, гегемоном которой выступает рабочий класс. «Классический вариант» такой революции осуществляется в стране, где произошло становление и определенное развитие капиталистической формации. Однако основоположники марксизма теоретически не исключали вероятности перехода к строительству социализма и в тех странах, где капиталистические отношения еще не превратились в господствующие или капиталистический уклад еще даже не стал ведущим. К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули идею движения таких стран в сторону социализма, минуя капитализм. При этом они связывали переход ряда недостаточно развитых в экономическом отношении стран к социализму с побе-

дой пролетариата в развитых капиталистических государствах¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция прорвала цепь мирового капитализма, и у народов, добившихся национального освобождения, появилась реальная, уже на практике, возможность обрести жизненно необходимую поддержку в продвижении к строительству неэксплуататорского общества со стороны государства победившей социалистической революции. На II конгрессе Коминтерна В. И. Ленин в своем докладе по национальному вопросу указывал, что миновать капиталистический этап на пути развития слаборазвитых стран к коммунизму возможно, исходя из уже сложившихся условий. «...Можем ли мы признать правильным утверждение, — заявил он, — что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно»².

Следует подчеркнуть, что такой отрицательный ответ относился как к слаборазвитым странам с господствующими докапиталистическими производственными отношениями, где капитализм, экспортируемый иностранной буржуазией, еще только появлялся (Монголия того времени и др.), так и к странам с относительно развитым, но еще не господствующим национальным капитализмом (тогдашние Индия, Китай и др.). Исторической судьбе обеих групп стран были посвящены тезисы по национально-колониальному вопросу и дополнительные тезисы, представленные II конгрессу Коминтерна*.

Можно отметить несколько характерных моментов в ленинской постановке вопроса о переходе к социализму, минуя развитое капиталистическое общество.

1. Возможность некапиталистического перехода слаборазвитых стран к социализму В. И. Ленин жестко связывал с широкой и многосторонней помощью и поддерж-

* Авторство первых тезисов принадлежит В. И. Ленину, вторые были написаны индийским коммунистом М. Н. Роем и поправлены В. И. Лениным, который, как отмечает П. М. Шаститко, внес в тезисы Роя коррективы и обогатил их важнейшей мыслью о развитии отсталых стран к социализму, минуя капитализм³.

кой победившего пролетариата. Такая увязка имела принципиальное значение.

Известно, что народники, например, выдвигая идею построения социалистического общества в России без развития капиталистических отношений, обосновывали свои выводы тем, что российская крестьянская община является-де «социалистической ячейкой» и в русском обществе якобы отсутствуют классы, заинтересованные в развитии капитализма. Такие взгляды, решительно опровергнутые и отвергнутые В. И. Лениным, не имели ничего общего с теорией некапиталистического пути. И в своем первоначальном виде у К. Маркса и Ф. Энгельса, и в развернутом виде в ленинских работах эта теория всегда рассматривала субъект некапиталистического перехода к социализму — страны со слаборазвитой экономикой и господствующими докапиталистическими отношениями — в определенной *системе* взаимоотношений или взаимосвязей, в центре которой находится победоносная социалистическая революция, устанавливающая власть пролетариата в относительно развитой капиталистической стране (странах).

Подобная система могла существовать как в рамках единого государства победившей пролетарской революции с отсталыми окраинами (Советская Россия), так и в рамках нескольких государств — в форме тесных многосторонних связей отдельных освободившихся стран (Монголия) с социалистическим государством или государствами. Говоря о некапиталистическом пути развития Монголии, Ю. Цеденбал подчеркивал, что, в сущности, этот этап характеризовался классовым союзом победившего рабочего класса России и монгольского аратства (крестьянства) ⁴.

2. В. И. Ленин не ограничивал предпосылки движения отсталых стран к социализму, минуя капитализм, лишь внешними условиями. При этом в качестве *внутренних* условий такого перехода он выделял создание, во-первых, соответствующих данному этапу развития трансформирующегося общества народно-демократических органов власти и, во-вторых, «самостоятельных кадров борцов, партийных организаций» ⁵, т. е. образование того, что должно стать главным социалистическим элементом в структуре власти стран, совершающих некапиталистический переход к социализму.

Принципиальное значение имеет ленинское понимание характера этих двух факторов, представляющих внутренние условия некапиталистического перехода отсталых стран к социализму, и, главное, взаимоотношений между ними, их взаимодействия.

В пробуждающейся Азии с характерными для нее отсталыми социально-экономическими структурами власть на этапе некапиталистического перехода к социализму могла существовать, по В. И. Ленину, в виде Советов, которые будут не рабочими, а «крестьянскими Советами или Советами трудящихся»⁶. Такой характер власти не только не исключал, но обязательно предусматривал формирование социалистического элемента надстройки в виде партийной организации. Однако В. И. Ленин подчеркивал со всей определенностью необходимость «*п р и с п о с о б и т ь*... партию (ее состав, ее особые задачи) к уровню *крестьянских* стран колониального Востока»⁷. «Было бы утопией думать, — писал В. И. Ленин, — что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах»⁸.

Учитывая различия социально-экономического и политического уровня стран, которые могли совершить некапиталистический переход к социализму, В. И. Ленин не ставил вопроса о том, чтобы *начинать* с создания коммунистической партии в тех наиболее отсталых странах, где пролетариат еще только зарождался или же вообще отсутствовал. В этом отношении представляет несомненный интерес беседа В. И. Ленина в ноябре 1921 г. в Москве с монгольской делегацией, в состав которой входил Сухэ-Батор. На вопросы монгольских представителей, будет ли победоносной национально-освободительная борьба в Монголии и не следует ли народно-революционной партии превратиться в коммунистическую, В. И. Ленин ответил: «...несмотря на то, что Монголия — страна скотоводческая, а основная масса ее населения — пастухи-кочевники, она достигла в своей революции больших успехов, а главное — закрепила эти успехи созданием своей народно-революционной партии, задача которой стать массовой и не быть засоренной чуждыми элементами... Много еще надо будет порабо-

тать революционерам над своим государственным, хозяйственным и культурным строительством, пока из папушеских элементов создастся пролетарская масса, которая впоследствии поможет „превращению“ народно-революционной партии в коммунистическую. Простая перемена вывески вредна и опасна»⁹.

Такая постановка вопроса ни в коей мере не противоречит ленинскому выводу о необходимости для успешного некапиталистического перехода отсталой страны к социализму создания партии, отражающей интересы трудящихся, которая, может быть, еще не является коммунистической и по ее составу, и по особым задачам, но во все возрастающей степени руководствуется идеологией научного социализма (революционно-демократическая партия). Эволюция такой партии в коммунистическую завершается, когда строительство социализма становится *непосредственной* целью.

3. Главным содержанием этапа некапиталистического развития в социально-экономической области В. И. Ленин считал накапливание и развитие материальных предпосылок социализма. По мере осуществления этой задачи совершается переход к развернутому строительству социалистического общества.

Естественно, вопрос решается по-разному в зависимости от того, идет ли речь о едином государстве победившей социалистической революции, имеющем слабо-развитые окраины, или об отдельной отсталой стране, освободившейся не в результате такой революции и вступившей в союз с социалистическим государством (государствами). В первом случае (Советская Россия) имеется в виду некапиталистический, или народно-демократический, этап, который является частью социалистической революции, во втором (Монголия) — народно-демократическая революция, перерастающая в социалистическую.

Накануне своей революции Монголия находилась под властью чужеземных поработителей. В этой стране господствовали феодальные отношения, не было ни национальной буржуазии, ни рабочего класса, моноотраслевая экономика (кочевое животноводство) контролировалась иностранным торгово-ростовщическим капиталом. Первоочередными задачами, которые решала революция, стали: полное освобождение страны от белых

банд, выкорчевывание иностранного капитала, ликвидация политических устоев феодализма и создание основ национальной экономики. «На первых этапах демократических преобразований, — пишет Ж. Батмунх, — Монгольская народно-революционная партия и правительство МНР, не торопясь с немедленной экспроприацией феодально-монастырских хозяйств, проводили прежде всего политику ликвидации политических основ феодализма и феодально-крепостнических отношений»¹⁰. Экспроприация собственности феодальных хозяйств последовала за национализацией земли, отменой крепостных отношений, ликвидацией сословных прав и привилегий феодалов, демократическим переустройством государственного управления. Наряду с этим создавалась с помощью Советского Союза база народного хозяйства — государственные и кооперативные промышленные предприятия, транспорт и торговые учреждения.

Все эти меры осуществлялись на общедемократическом этапе революции народными органами власти, ведущей силой в структуре которых была Монгольская народно-революционная партия. Она опиралась в своей деятельности на учение марксизма-ленинизма, но еще не являлась коммунистической партией ни по своему составу, ни по особым задачам.

Другой особенностью революции в Монголии было то, что с самого начала создания государственного и кооперативного секторов экономики была проведена работа, позволившая развивать эти формы хозяйствования в социалистическом направлении. Таким образом, в процессе революционного творчества социалистический элемент возникал не только в надстройке, но и в базисе еще на этапе общедемократических преобразований.

В результате глубоких революционных изменений в экономической и политической жизни Монголии страна к 40-м годам постепенно перешла к социалистическому этапу революции¹¹.

Ленинская теория перехода отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую формацию, была воплощена в практике социалистического строительства на окраинах царской России, в Монголии и после второй мировой войны в тех азиатских странах, где свершалась социалистическая революция.

В 60-е годы, исходя из качественного изменения в

соотношении сил на международной арене, выразившегося в образовании мировой системы социализма, коммунистическое движение выдвинуло идею возможности социалистической ориентации освободившихся стран под прямым руководством революционной демократии. Начало такого развития не обязательно осуществляется при наличии авангардных марксистско-ленинских партий. Более того, «расширительное» толкование некапиталистического развития подразумевало возможность социалистической ориентации освободившихся стран под руководством национально-революционных сил — разумеется, если эти силы проводят прогрессивную политику, тесно сотрудничают с социалистическим миром.

Другая отличительная черта толкования некапиталистического пути, которое было дано в 60-е годы, заключается в допущении того, что страна во время некапиталистического перехода может находиться в рамках мирового капиталистического хозяйства.

Вместе с тем идея социалистической ориентации, появившаяся в начале 60-х годов, как и предшествовавшая марксистско-ленинская трактовка перехода отсталых стран к социализму, минуя капитализм, предусматривала широкие органические связи таких стран с социалистическими государствами, поддержку и помощь со стороны последних. Естественно, что подобные многоплановые и углубляющиеся связи с социалистическим миром влияют на положение государств социалистической ориентации в мировом капиталистическом хозяйстве.

Главные задачи, которые решают страны, провозгласившие социалистическую ориентацию, — это создание материальных предпосылок социализма, воспитание и организация трудящихся масс и политико-идеологическая эволюция революционно-демократического руководства в направлении научного социализма. Эти задачи возникают в результате неравномерности вызревания различных условий революции в мире развивающихся стран: объективное социально-политическое условие (революционная ситуация) появляется здесь, как правило, при недостаточной зрелости материальных условий социализма, а нередко и субъективного фактора.

Именно неравномерность вызревания условий революции, как уже говорилось, порождает такую особенность развития революционного процесса в этих стра-

нах, как возникновение предсоциалистического этапа, на протяжении которого в сфере экономики, политики, идеологии создаются необходимые предпосылки для перехода к развернутому социалистическому строительству.

Каковы главные характеристики такого предсоциалистического этапа, или, иными словами, критерии стран социалистической ориентации?

Критерии стран социалистической ориентации

Обобщенная характеристика стран социалистической ориентации может быть отнесена к числу теоретических разработок XXVI съезда КПСС, имеющих большое значение для науки и практики. В Отчетном докладе ЦК партии приводятся критерии этих стран. «Развитие этих стран по прогрессивному пути, — говорится в докладе, — происходит, конечно, не одинаково, идет в сложных условиях. Но основные направления *сходные*. Это — постепенная ликвидация позиций империалистических монополий, местной крупной буржуазии и феодалов, ограничение деятельности иностранного капитала. Это — обеспечение народному государству командных высот в экономике и переход к плановому развитию производительных сил, поощрение кооперативного движения в деревне. Это — повышение роли трудящихся масс в общественной жизни, постепенное укрепление государственного аппарата национальными кадрами, преданными народу. Это — антиимпериалистический характер внешней политики этих стран. В них крепнут революционные партии, выражающие интересы широких масс трудящихся»¹².

Ясно, таким образом, что показатель принадлежности к странам социалистической ориентации может быть лишь сложным, многоплановым, охватывающим экономическую, социальную, политическую и идеологическую сферы. Наличие такого комплексного показателя помогает, во-первых, достаточно обоснованно определять ту или иную освободившуюся страну как государство социалистической ориентации; во-вторых, с гораздо большим основанием, чем часто делалось раньше, отмечать

тенденции отхода от социалистической ориентации; в-третьих, что тоже немаловажно, констатировать наличие определенного накопленного уже потенциала, создающего возможность преодоления регрессивных тенденций.

Рассмотрим критерии стран социалистической ориентации по различным сферам общественного развития.

В *экономической* области, очевидно, главное состоит в «задержке» (по В. И. Ленину) капиталистического развития и создании сильного государственного сектора в качестве базы для формирования и развития социалистической экономики.

В результате такой задержки прерывается процесс складывания капиталистической формации. При этом речь не идет об абсолютном и внезапном прекращении капиталистического развития и тем более об исчезновении всех его элементов и проявлений. Как уклад или уклады капитализм (частнохозяйственный, государственный), не говоря уже о мелкотоварном укладе, продолжает существовать и в некоторых областях даже увеличивается. И все же процессы концентрации и централизации капитала в *общественном масштабе* — а именно они являются главными показателями формационного развития капитализма — задерживаются, и им противостоят действенные меры, предотвращающие складывание капиталистической формации.

В этом плане представляет определенный интерес положение в Египте 60-х годов. В результате национализации в руки государства тогда перешло более 80% основных средств производства в промышленности, вся кредитно-банковская система, весь современный транспорт¹³. В результате этих мер, а также второй очереди аграрной реформы, еще больше понизившей максимальный размер землевладения, была ликвидирована как предпринимательская прослойка крупная национальная буржуазия, резко ограничена средняя, вытеснен иностранный капитал. В масштабах страны оказались подорванными процессы концентрации и централизации частного хозяйственного капитала.

Это, естественно, не означало уничтожения эксплуатации — сохранялись отдельные отряды буржуазии, причем возникали и ее новые группы, в том числе в связи с деятельностью государственного сектора. Однако в со-

ответствии с принятыми законами весьма ограничивалась возможность превращения доходов в капитал в ключевых звеньях экономики. Представители «бюрократической» или «традиционной» средней и мелкой буржуазии не могли вложить свои средства в «новое дело» в фабричной промышленности, важнейшие сферы которой по принятому законодательству оказались закрытыми для частного предпринимательства, в кредитно-банковскую систему, в транспорт. Из частнокапиталистической деятельности изымалась внешняя торговля. В таких условиях даже богатейшие нувориши могли вкладывать свои доходы разве только в недвижимость, строительство, посредническую активность — небольшие фирмы, обслуживающие в значительной степени государственный сектор.

В то же время в стране продолжали существовать, воспроизводить себя, а в некоторых сферах экономики и развиваться капиталистические уклады. Основной сферой развития капитализма в Египте было сельское хозяйство. Согласно официальной египетской статистике, число владельцев земельных наделов в 20—50 фед. (а по мнению египетских социологов, собственников земли сверх 10 фед. с большой степенью вероятности можно отнести к лицам, использующим наемный рабочий труд) увеличилось с 22 тыс. в 1952 г. (перед революцией) до 29 тыс. в 1965 г. Общая площадь обрабатываемой земли в их владении возросла с 654 тыс. до 815 тыс. фед., т. е. с 10,9 до 13,3% всей обрабатываемой земли в стране¹⁴.

Задаче задержки и предотвращения складывания капиталистической формации все больше служит сильный государственный сектор. Его функции определяются теми экономическими и социально-политическими целями, которые достигаются в период некапиталистического перехода.

Известно, что марксизм-ленинизм подходит к государству, государственному сектору, государственному вмешательству с классовых позиций. В. И. Ленин подчеркивал необходимость определения сущности государственного капитализма, исходя, с одной стороны, из степени развития капитализма и, с другой — из *характера власти* в той стране, где он существует¹⁵.

Государственно-монополистический капитализм, есте-

ственно, не совпадает с государственным капитализмом, который может существовать и существует в странах, где капитализм не достиг высшей, монополистической стадии своего развития. В то же время и в таких странах государственный капитализм не является чем-то единым, универсальным. В некоторых из них — и не только тех, которые вступили после освобождения от колониальной зависимости на путь социалистической ориентации, — он имеет антиимпериалистические черты (уже одно это подчеркивает неоднородность государственного капитализма в разных социально-экономических и политических условиях).

В. И. Ленин отмечал особое значение государственного капитализма в переходной многоукладной экономике. Он показал, что не только существование, но и активное использование госкапитализма в переходный период нисколько не противоречит задачам накопления предпосылок, необходимых для развернутого социалистического строительства. «Но что же значит слово переход? — писал В. И. Ленин. — Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма? Всякий признает, что да»¹⁶.

Великий вождь пролетариата подчеркивал со всей страстностью, что без контроля, учета, государственной дисциплины, без союза с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии не может быть движения в сторону социализма. Полемизируя с «левыми коммунистами», В. И. Ленин высмеивал господствовавшее в их среде представление, будто при наличии командных высот в политике и экономике в руках рабочего класса развитие государственного капитализма может быть «возвратом к капитализму».

Государственный капитализм, согласно В. И. Ленину, может и должен сыграть весьма важную роль в трансформации общества в социалистическое даже в том случае, если у власти еще не находится пролетариат, а государство является революционно-демократическим. В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной В. И. Лениным до Великой Октябрьской социалистической революции, говорится: «...попробуйте-ка подставить вместо юнкерски-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического госу-

дарства государство *революционно-демократическое*, т. е. революционно разрушающее *всякие* привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!»¹⁷. Эта ленинская мысль очень важна с точки зрения использования госкапитализма в странах социалистической ориентации.

Как известно, В. И. Ленин отмечал различные формы государственного капитализма в переходный период. Главная из них — концессия, при которой «социалистическая государственная власть отдает капиталисту принадлежащие ей средства производства: заводы, материалы, рудники; капиталист работает, как контрагент, как арендатор на социалистические средства производства, и получает на свой капитал прибыль, отдавая социалистическому государству часть продуктов»¹⁸. Второй формой государственного капитализма в переходный период является кооперация мелких товаропроизводителей. Третья форма — привлечение капиталиста, как торговца, государством, которое платит ему определенный комиссионный процент за продажу государственных продуктов и скупку продуктов мелкого производителя. Четвертая форма имеет нечто общее с концессионной, но относится, как правило, к местному капиталу — государство сдает предприятия в аренду частному предпринимателю.

Все эти формы, по В. И. Ленину, с успехом могут использоваться революционными силами, руководящими переходом страны от капитализма к социализму, для перераспределения возрастающей части накоплений в интересах формирования и развития элементов социалистической экономики. Государственно-капиталистический уклад рассматривался в качестве наиболее подготовленного к последующей трансформации в социалистический¹⁹.

Вышесказанное в полной мере относится к проблеме вовлечения в течение переходного периода капиталистических элементов в процесс создания материально-технической базы социализма. «Капитализм, — писал В. И. Ленин, — есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью,

по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил»²⁰.

Существует точка зрения, согласно которой уже сам факт расширения капиталистических укладов и использования государственного капитализма сигнализирует об отходе страны от социалистической ориентации. Ни в коей мере не умаляя опасностей, которые при переходе общества к социализму таит постоянное воспроизводство капиталистических отношений, в то же время трудно согласиться, что оно само по себе прекращает такой переход. Ленинская диалектическая постановка вопроса об использовании капиталистических отношений на этапе создания материальных предпосылок социализма представляется единственно верной и исторически обоснованной. Естественно, в этом случае наиважнейшее значение приобретают строгий контроль над капиталистическими укладами и целенаправленная политика их использования в интересах создания материальных предпосылок перехода к непосредственному социалистическому строительству.

Итак, в странах, совершающих некапиталистический переход к социализму, при неизбежном, обязательном прерывании процесса становления капиталистической формации происходит — видимо, тоже с определенной степенью неизбежности и обязательности — развитие капитализма на уровне уклада или укладов. Конечно, темпы, характер и последствия движения к социализму той или иной страны, в которой существуют капиталистические уклады, зависят от особенностей данной страны и, что самое главное, от характера сил, находящихся у власти. Чем значительнее политическое и идеологическое влияние буржуазии на эти силы или чем значительнее выражен в их политической и идеологической платфор-

ме даже мелкобуржуазный акцент, тем труднее решаются задачи использования капиталистических укладов с целью обеспечения социалистической трансформации общества, тем больше опасность реставрации капитализма на *формационном уровне*.

Вместе с тем государственно-капиталистический уклад — не единственная «укладная» часть государственного сектора в странах, о которых идет речь. Представляется, что капиталистическим укладом нельзя считать ту часть госсектора, которую составляют национализированное производство и кредитно-банковские учреждения, полностью — без всякого долевого частнокапиталистического участия — находящиеся в собственности революционно-демократического государства. Это еще не социалистический, хотя с явной перспективой движения в данном направлении, но уже и не государственно-капиталистический уклад. Здесь в полной мере сказывается та зависимость от характера власти в стране, которая определяет сущность государственного сектора. В то же время такой «*переходный*» уклад отличается от государственно-капиталистического в переходном обществе Советской России по структуре (нет частнокапиталистического элемента), а от государственно-капиталистического уклада в стране, развивающейся по капиталистическому пути, — по функциям.

Обратимся еще раз к опыту египетской революции. До 1961 г., когда страна провозгласила социалистическую ориентацию, государственный сектор обслуживал главным образом частнокапиталистическое предпринимательство. Такая функция этого сектора, доставшаяся «свободным офицерам» в наследство от дореволюционных времен, обеспечивалась капиталовложениями со стороны государства в основном в инфраструктуру, а также в другие капиталоемкие производства, которые при их относительно невысокой норме прибыли не привлекали буржуазию. Сколько раз Насер и его окружение пытались стимулировать вложения египетской буржуазии в такие объекты. Но все их призывы оказывались тщетными. В результате декретов 1961—1964 гг., по которым в стране была национализирована собственность крупной и значительной части средней буржуазии, фактически обозначилась трансформация «всеобъемлющего» государственного капитализма, который представ-

лял весь государственный сектор в экономике, в два уклада — «переходный» и государственно-капиталистический, причем последний теперь уже с изменившейся структурой — прямым сотрудничеством государства с частным предпринимателем.

Каков характер производственных отношений, определяющих «переходный» уклад?

Некоторые придерживаются оценки государственного сектора в странах социалистической ориентации как целиком государственно-капиталистического по своей природе. Справедливости ради следует отметить, что многие сторонники подобной точки зрения далеки от рассмотрения этого сектора в статике — они видят определенные сдвиги, которые проявляются при его развитии в условиях социалистической ориентации. Однако государственный сектор рассматривается ими как единый, а его эволюцию они сводят лишь к количественным изменениям.

Другая крайность заключается в оценке характера государственного сектора уже как социалистического на этапе, когда страна совершает некапиталистический переход к социализму.

Оба подхода, очевидно, несостоятельны, так как, во-первых, фактически отрывают проблему содержания госсектора от характера власти в стране, где он развивается, и, во-вторых, игнорируют эволюцию самого этого сектора, внутренние *качественные* изменения в нем уже на этапе социалистической ориентации. Эта эволюция происходит в результате сосуществования и борьбы экономических отношений, представляющих старую и новую формации. Удельный вес различных экономических отношений в государственном секторе стран социалистической ориентации изменяется также под воздействием «внешней среды» — сосуществования и борьбы мирового социализма и мирового капитализма.

В период гибели старой и возникновения новой общественной формации совмещение в рамках одного уклада различных по своему типу экономических отношений наблюдается не только при переходе к социализму. Родовые отношения сочетались с зачатками рабовладельческих в границах патриархальной семьи при разложении первобытнообщинного строя. Элементы рабовладельческих и феодальных отношений сосущество-

вали в колонате, который возник при разложении рабовладельческого строя.

Но тогда возникает вопрос: создает ли такое сочетание уже при некапиталистическом переходе принципиально новые по своему характеру производственные отношения?

Известно, что основой производственных отношений служат отношения собственности. Применительно к периоду социалистической ориентации это означает, что национализированные и вновь создаваемые в государственном секторе предприятия уже не базируются на частной собственности на средства производства. В то же время такую собственность нельзя охарактеризовать и как полностью общественную, предполагающую равенство всех членов общества по отношению к средствам производства и господство отношений сотрудничества, взаимной помощи между ними. Государственная собственность приобретает последовательно общественный характер не на этапе социалистической ориентации, а уже при социализме. В. И. Ленин отмечал, что при изменении характера власти — переходе к власти пролетариата — обобществленные в рамках государственно-монополистического сектора средства производства непосредственно превратятся в социалистическую, т. е. в общенародную, собственность²¹. Это ленинское указание имеет важное значение и при рассмотрении эволюции государственной собственности в ходе развития стран социалистической ориентации.

В *социальной* области критерий стран социалистической ориентации, очевидно, определяется тремя показателями: социальной структурой общества, характером сил, стоящих у власти, и их политикой, а также классовой динамикой.

Безусловно, в социальной структуре стран социалистической ориентации имеются различия. Некоторые из таких стран встали на путь некапиталистического перехода, имея более отсталую структуру, чем другие. Сказываются разные темпы развития и во время самого перехода. Однако, как представляется, все это больше относится к количественной, а не к качественной характеристике социальной структуры общества некапиталистического развития.

Два антагонистических класса — рабочий класс и

буржуазия — находятся в странах социалистической ориентации на стадии формирования. Их контуры довольно расплывчаты. Оба эти класса сохраняют связи с той средой, из которой вышли. Сама же данная среда дифференцируется в целом сравнительно медленно, имеет несомненную склонность к устойчивости, что, в свою очередь, порождает тенденцию к ее относительно самостоятельному политическому самовыражению.

Прежде всего это относится к крестьянству, составляющему основную массу населения развивающихся стран. В. И. Ленин писал, что на Востоке оно «*не совсем* = буржуазия»²². Это замечание сохраняет свое значение и в наши дни. Процесс превращения крестьянства в мелкую буржуазию в основном завершён лишь в отдельных странах Востока, тогда как в некоторых других только недавно закончилось становление крестьянства как единого слоя из племенных групп²³. Однако в целом ряде стран уже относительно больших масштабов достигает дифференциация крестьянства, его разложение на классы и социальные слои, отчетливо начали складываться три группы — беднейшее крестьянство, середняки и кулачество. «Крестьянство в условиях разложения родо-племенного строя, феодальное крестьянство и крестьянство капиталистической деревни — это совершенно разные социальные группы, с разными интересами и требованиями, — пишут авторы исследования „Классы и классовая борьба в развивающихся странах“.— В сущности, понятие „крестьянство“ вне характеристики социально-экономических условий, в которых оно существует, не имеет социального содержания и говорит лишь о принадлежности к сельскому хозяйству»²⁴.

Так как отделение производителя от средств производства в освободившихся странах (являющееся следствием втягивания этих стран в мировое капиталистическое хозяйство, развития товарно-денежных отношений) не сопровождается в равной мере процессом соединения производителя со средствами производства на новой, капиталистической основе, возникают широкие прослойки городских и сельских низов, людей, живущих часто случайным заработком, не «приросших» к производству. В результате в социальной структуре таких стран большой удельный вес приобретают полупролетариат и предпролетариат. Значение этого социального слоя велико.

Промежуточный характер имеет мелкая буржуазия города, представленная мелкими торговцами и ремесленниками. Такой ее характер определяется не только нахождением между буржуазией и пролетариатом, но и отсутствием прочного положения в обществе, в экономической структуре развивающейся страны.

Широк спектр средних социальных слоев*: это и интеллигенция, и офицерство, и лица так называемых свободных профессий — адвокаты, артисты, художники, писатели и др. Основу их существования составляет образование, сумма знаний, которые в развивающихся странах, где большинство населения неграмотно, имеют особое социальное значение.

Известно, что даже в развитом капиталистическом обществе еще далеко не завершились процессы размытия промежуточных и дифференциации средних социальных слоев. Что же касается стран Азии и Африки, то здесь в силу исторической специфики развития капитализма эти процессы происходят значительно медленнее. Вместе с тем сама устойчивость этих слоев не может служить доказательством того, что они формируются в качестве единого класса. Понятие «класс» определяется отношением группы людей к средствам производства. Между тем по этому признаку промежуточные и средние слои различны. Несостоятельны также попытки представить в виде некоего класса отдельные группы средних слоев, причем опять-таки исходя не из отношения к средствам производства, а из их положения в обществе или размеров дохода.

Следует особо подчеркнуть: социальная структура, характеризующаяся отсутствием более или менее зрелых классовых отношений, типичных для развитого капиталистического общества, сама по себе не ведет к социалистической ориентации — она свойственна и большинству из тех освободившихся стран, которые пошли по пути развития капитализма; однако такая структура во многом предопределяет необходимость пре-социали-

* В трехтомнике «Классы и классовая борьба в развивающихся странах» разграничиваются понятия «промежуточные» и «средние» социальные слои. При этом к промежуточным относятся слои мелких собственников, живущих за счет доходов с частного предпринимательства, а к средним — лица, основа доходов которых связана с полученным образованием. Автор согласен с таким делением.

стического этапа при некапиталистическом переходе страны к социализму.

Первостепенным по важности социальным критерием стран социалистической ориентации является социальный характер сил, находящихся у власти. Несмотря на происхождение, эти силы нельзя, очевидно, полностью идентифицировать с мелкой буржуазией, в чем убеждает социальная заостренность их политики, которая в основном служит интересам широких народных масс.

Наконец, чрезвычайно важна та социальная динамика, которая определяет период некапиталистического перехода к социализму. Она обусловлена главным образом развитием рабочего класса, завоеванием по мере повышения его социального и политического веса все более важных позиций в обществе и в то же время изменением структуры и значимости буржуазии. Как правило, крупная буржуазия в течение некапиталистического перехода к социализму (естественно, речь идет о странах, в которых она была до начала такого перехода) ликвидируется как предпринимательская прослойка, позиции средней буржуазии ослабляются. В общем создается социальная основа, значительно более благоприятствующая переходу к строительству социализма.

В *политической* области критерии стран социалистической ориентации, по-видимому, должны определяться с точки зрения не только внутренней, но и внешней политики этих стран. Союз с государствами победившей социалистической революции создает тот фундамент, без которого невозможен некапиталистический переход. Если та или иная страна, осуществляющая такой переход, сходит с этого фундамента, с неизбежностью начинается движение вспять, возникают и усиливаются реставрационные процессы*.

Важным политическим показателем для стран социалистической ориентации является характер власти. Он может быть и национально-революционным, и револю-

* Мы далеки от утверждения, что при отходе от социалистической ориентации все то, чего страна добилась в период, когда она совершала некапиталистический переход к социализму, бесследно исчезает и не оказывает никакого воздействия на характер ее экономического развития уже после возвращения на капиталистический путь. Мы подчеркиваем лишь ту мысль, что при разрыве связей с социалистическим миром продолжение некапиталистического перехода к социализму, по существу, исключено.

ционно-демократическим, и народно-демократическим *. «Второе поколение» стран социалистической ориентации, вступивших на этот путь в 70-х годах, осуществляет свое развитие или значительную его часть в основном в условиях перехода к народно-демократической власти во главе с авангардными революционными партиями, тогда как во главе стран, условно относимых к «первому поколению» (начало некапиталистического перехода в 60-е годы), находятся в основном национально-революционные элементы. Такая закономерность, очевидно, объясняется главным образом неуклонным изменением соотношения сил на международной арене в пользу социализма (что выражается, в частности, в усилении притягательности идей научного социализма в мире) и социально-классовым развитием внутри этих стран.

В *идеологической* области критерий стран социалистической ориентации составляет прежде всего направленность эволюции идеологии сил, стоящих у власти. Она очевидна — от мелкобуржуазной идеологии к научному социализму. Не менее важна широкая классовая воспитательная, просветительская работа в массах, то, что В. И. Ленин называл культурной революцией.

Во многих странах социалистической ориентации «второго поколения» к власти приходят народно-демократические группы, которые берут на вооружение идеологию марксизма-ленинизма. Следовательно, когда речь идет об идеологическом критерии стран социалистической ориентации, необходимо учитывать не только процесс эволюции групп, находящихся у власти, но и ее «конечный пункт». Некоторые группы, пришедшие к власти, достигают его быстрее, чем другие. Конечно, это не снимает вопроса о необходимости постоянного совер-

* Марксисты-ленинцы никогда не отождествляли народно-демократический характер власти с развернутым социалистическим строительством. Более того, нередко народно-демократический характер власти свойствен стране с относительно неразвитой социально-экономической структурой и предполагает постановку и решение общедемократических задач наряду с социалистическими. При этом совокупность данных задач с различной акцентировкой каждой из них может решаться как в рамках социалистической революции, на ее первом этапе, так и в пределах народно-демократической и национально-демократической революций, при последующем их перерастании в социалистическую.

шенствования их мировоззренческого подхода, все более глубокого понимания ими марксистско-ленинской науки *.

Противоречия процесса некапиталистического перехода

Некапиталистическому переходу стран к социализму сопутствуют объективные и субъективные противоречия, которые во многом вытекают из специфики такого перехода, имманентны ему. Основными причинами этих противоречий можно считать: относительно низкий уровень развития производительных сил, непролетарский характер власти, продолжающееся пребывание в мировом капиталистическом хозяйстве. В своем переплетении эти факторы создают комплекс противоречий, которые могут быть объединены в следующие группы:

между политикой и экономикой;

между социальными и экономическими аспектами развития;

между политикой правящих групп, в общем служащей интересам широких слоев трудящихся, и недостаточно равнозначной деятельностью по активизации народных масс в целях осуществления и защиты мер, предусмотренных этой политикой;

между потребностью в создании новой государственной машины и тенденцией к буржуазному перерождению части уже нового государственного аппарата;

между различными экономическими укладами;

между интересами национального возрождения и прогресса, с одной стороны, и эксплуататорской сущностью капиталистического международного разделения труда — с другой.

Известна ленинская характеристика политики, особенно в переходный период, как фактора, который играет чрезвычайно активную роль, но вместе с тем не может приносить долговременные положительные резуль-

* К. Н. Брутенц пишет о начавшемся процессе дифференциации самой революционной демократии, в которой «нередко наблюдается острое противоборство между левым и правым крылом... притом основанное на политическом, а иной раз и идеологическом размежевании»²⁵.

таты в отрыве от экономики²⁶. Учет этого имеет огромное значение для стран социалистической ориентации.

Сам процесс обобществления средств производства и создания государственного сектора в его современном виде начался во многих странах, провозгласивших социалистическую ориентацию, как *политическая* мера, направленная против иностранного влияния, против империалистических попыток реставрировать колониальные порядки. Одновременно опыт таких стран продемонстрировал, что логика антиимпериалистической борьбы — в том случае, когда революционные власти проводят активную антиимпериалистическую политику, — дает импульс антикапиталистическим мерам. Причем действие этого «катализатора» процессов, направленных на ограничение, обуздание национального капитализма, выходит за субъективную сферу принятия решений. Переход к антикапиталистическим мерам объясняется и тем, что антиимпериалистическая борьба, осуществляемая под руководством не национальной буржуазии, а революционно-демократических элементов, объективно ослабляет местную буржуазию как класс. Удар по интересам иностранного монополистического капитала в стране наносит определенный урон позициям связанных с ним групп местной буржуазии и в значительной степени изолирует их от непосредственной поддержки иностранных монополий.

В образовании государственного сектора, в расширении экономической роли государства, в переходе к антикапиталистическим мерам проявляется положительное влияние на экономическое развитие политического фактора. Но оно отнюдь не всегда и не во всем однозначно. Политический фактор может оказать и негативное воздействие в случае игнорирования экономических закономерностей и экономических потребностей страны, появления в политике элементов авантюризма.

Содержание такого авантюризма гораздо шире, чем только наличие волюнтаристских элементов в действиях отдельных руководителей той или иной страны. Авантюризм в политике определялся В. И. Лениным как явление общественное и историческое. Его происхождение не может быть прослежено без учета мелкобуржуазного характера сил, пришедших к власти в ряде стран, совершающих некапиталистический переход к социализму, а

также общей технико-экономической отсталости этих стран. Соединение этих двух факторов создало наиболее благоприятные условия для появления и некоторого развития мелкобуржуазной революционности, которая, по словам В. И. Ленина, «смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует»²⁷. Плачевные результаты политического авантюризма могут оказаться неожиданными для тех, кто их вызвал. Лица, их вызвавшие, могут руководствоваться в своих действиях даже самыми лучшими намерениями, быть твердо убежденными в правильности, революционности своих позиций. И все же, несмотря на все это, их деятельность часто приводит к тяжелым последствиям²⁸.

Само собой разумеется, что такая постановка вопроса не имеет ничего общего с отрицанием политического риска, как такового: в той или иной степени он присущ всем революциям. Речь идет не об исключении смелых политических решений, а об их обоснованности, о необходимости оправданного риска.

Элементы субъективизма, волюнтаризма в ряде стран социалистической ориентации проявились, например, в отношении к темпам развития экономики и проведения индустриализации. Это выразилось, во-первых, в необоснованно высоких процентах роста национального дохода, которые иногда диктуются умозрительными соображениями, а не основываются на реальном подсчете действительных возможностей, и, во-вторых, в осуществлении индустриализации в основном не посредством создания тех производств, для которых есть местное сырье, достаточно квалифицированная рабочая сила и рынок сбыта продукции, а путем строительства «престижных» объектов, зачастую не увязанных с местными возможностями и потребностями.

Недостаточно обоснованный подход к практике экономического развития, постановка политических задач в отрыве от экономических возможностей их претворения в жизнь чреваты опасностью для политической устойчивости.

Не менее серьезные трудности и проблемы возникают и в ходе разрешения противоречия между экономической и социальной сторонами развития. Это противоречие проявляется двусторонне: не только социальные преобразования тормозятся в результате отсутствия до-

статочной материальной базы для их осуществления, но и темпы экономического роста замедляются в результате проведения некоторых социальных преобразований, в общем нужных, но подчас еще не имеющих для своего осуществления необходимых экономических предпосылок.

Известно, что основные социальные преобразования в обществе предполагают изменение характера собственности на средства производства и в конечном счете производственных отношений, что способствует развитию производительных сил. Вместе с тем несоразмерная с объективной реальностью перестройка отношений собственности оказывает в целом сдерживающее и даже отрицательное воздействие на весь ход развития.

Характерна в этом плане практика, имевшая место на первом этапе апрельской революции в Афганистане.

Столь важная для развития революционного процесса аграрная реформа проводилась без учета реальной действительности. Она была объявлена как всеохватывающая, распространяющаяся на всю страну. Между тем не было принято во внимание, что в обширной области — так называемой зоне племен — классовая дифференциация не достигла сколько-нибудь серьезного развития. В таких условиях апелляция к «низам» оказалась непродуктивной. В то же время она вызвала нежелательную реакцию верхушки, сохраняющей власть над племенами. Аграрная реформа в том виде, как она провозглашалась, не учитывала также специфики момента — необходимости единства страны для борьбы с внешней контрреволюцией. Она была слабо подготовлена и в материальном плане: крестьянину передавали землю, но государство еще не было в состоянии обеспечить его водой, семенами, тягловым скотом, т. е. всем тем, что за преобладающую часть своего урожая (в этом, бесспорно, заключалась его безудержная эксплуатация) крестьянин в прошлом получал от помещика.

На втором этапе революции были приняты меры для преодоления этих левацких перегибов — и не только в области аграрной реформы, но и в других сферах социально-экономической политики.

Сама постановка вопроса об опасности забегания вперед в осуществлении социальных преобразований, особенно в той их части, которая касается изменения ха-

рактера собственности на средства производства, не имеет ничего общего с потерей революционной перспективы. Отличие революционеров от реформистов заключается, в частности, в том, что первые, используя весь арсенал имеющихся средств и стремясь соизмерять их с возможностями, никогда не теряют при этом чувства реальной перспективы. Революционеры проводят четкую грань между стратегией и тактикой революционного развития. Левацкие элементы отказываются видеть эту разницу, игнорируя тактику. Реформисты тоже не видят этой разницы, но уже по другой причине: они фактически не признают стратегической цели, посвящая свою деятельность борьбе за решение задач, имеющих только тактический характер.

Пожалуй, самое серьезное противоречие внутреннего развития стран социалистической ориентации — наблюдающееся подчас несоответствие между провозглашаемыми в интересах народных масс мерами и неспособностью или нежеланием некоторых руководящих сил активизировать народные массы для осуществления и защиты прогрессивных преобразований. Это противоречие отражается, в частности, на трудной проблеме партийного строительства. Революционно-демократические руководители ряда стран социалистической ориентации, признавая необходимость создания сильной политической правящей партии, способной быть и коллективным пропагандистом прогрессивных идей, и коллективным организатором масс, иногда на практике не решают эту задачу или решают ее далеко не в полной мере.

Нелегка проблема взаимоотношений между революционными демократами и местными марксистами, несмотря на то что обе силы выступают за активизацию антиимпериалистической борьбы, за осуществление антикапиталистических преобразований, в защиту интересов народных масс. В то же время от отношений между этими двумя силами во многом зависит не только стабильность развития антикапиталистической тенденции в странах социалистической ориентации, но и способность самой революционной демократии к идеологической эволюции в сторону научного понимания социализма.

На этапе перехода к социализму возникает острая потребность в сильной государственной машине, государственном аппарате, способном мобилизовать все ресурсы

и возможности общества в интересах такого перехода. Революционным демократам в наследство досталась старая государственная машина, образованная в совершенно иных целях, насыщенная представителями эксплуататорских слоев. Этот государственный механизм, как правило, создавался еще в период господства колонизаторов или, во всяком случае, вобрал в себя многие элементы из аппарата колониальной администрации.

Между тем далеко не все национальные революционные режимы идут на радикальные меры по слому старой государственной машины и созданию новой. И, естественно, это отзывается самыми негативными результатами: прогрессивные лозунги и намерения могут остаться не осуществленными в результате неспособности или прямого саботажа государственного аппарата.

Немалое значение имеет и тот факт, что новый государственный аппарат создается через большие трудности, проистекающие из нехватки кадров, профессиональной неподготовленности представителей трудящихся, которые куда больше, чем другие, могли бы организовывать работу в интересах прогрессивного развития страны. Сказывается также и то обстоятельство, что в некоторых странах новая государственная машина рождается в условиях уже начавшегося складывания так называемой бюрократической буржуазии, с самого своего рождения зараженной коррупцией и во многом лишеной патриотизма.

Это противоречие может быть преодолено и в целом ряде случаев преодолевается в результате кропотливой организационно-политической работы. Главным в его преодолении является, как показывает исторический опыт, создание авангардных партий, руководствующихся марксистско-ленинским учением, которые становятся правящей силой в странах, осуществляющих некапиталистический переход к социализму.

Противоречиями, сказывающимися на развитии общества, всегда чревата и многоукладность экономики, присущая переходному периоду. Такие противоречия проявляются в гораздо более острой форме в странах, начинающих переход к социализму при отсутствии пролетарской власти и правящих авангардных партий. Положение усугубляется тем, что для освободившихся стран, вступивших на некапиталистический путь, много-

укладность экономики не преходящий, а долговременный фактор развития. С появлением государственного сектора частный сектор, как отмечалось выше, отнюдь не перестает существовать, причем его представляют не только мелкотоварный, но и современные капиталистические уклады.

В таких условиях решающим становится динамичное соотношение между государственным сектором и частнокапиталистическими укладами. Если последние развиваются быстрее, если их рост не подчинен задаче расширения и усиления государственного сектора, такая многоукладность приходит в противоречие с социалистической ориентацией страны. Однако даже при «нормальном» сосуществовании государственного (особенно «переходного») уклада с частнокапиталистическими укладами возникают противоречия, порождаемые постоянным воспроизводством капиталистических отношений в стране, и они оказывают серьезное негативное влияние на государственный сектор. В 1966 г. Г. А. Насер, например, говорил о том, что «капиталистические карманы» представляют опасность для экономики, так как «могут привести к ее деградации и многим большим неприятностям»²⁹. Как известно, частнокапиталистические компании в Египте — строительно-подрядные, посреднические, торговые — облепили государственные предприятия, что усиливало процесс формирования бюрократической буржуазии.

Еще одна группа противоречий вытекает из включенности страны, совершающей некапиталистический переход, в рамки мирового капиталистического хозяйства. Такая включенность сама по себе не блокирует процесс некапиталистического перехода, так как страны социалистической ориентации находятся в многоплановых отношениях не только с капиталистической, но и с социалистической системой; сказывается и антиимпериалистическая политика самих революционно-демократических режимов.

Экономические связи развивающихся государств со странами, входящими в две мировые системы, имеют принципиально различный смысл. Это является отражением не только того, что, участвуя в таких связях, социалистические и капиталистические государства преследуют диаметрально противоположные цели, но и то-

го, что такие связи объективно приводят к противоположным последствиям. В результате широкого и многостороннего сотрудничества с социалистическими государствами страны социалистической ориентации могут сохранять и укреплять свою независимость, даже находясь в мировой капиталистической системе.

Особое значение приобрело также косвенное воздействие, которое оказывает сотрудничество с социалистическими странами на весь комплекс отношений стран социалистической ориентации с миром капитализма. В этом еще раз проявляется исключительно большое влияние мирового социализма на все стороны общественного развития. В условиях роста экономической и оборонной мощи Советского Союза и других социалистических стран, более тесных связей с ними молодых государств империализм вынужден лавировать, иногда идти на уступки из-за боязни ослабить свои международные позиции.

Однако нахождение стран социалистической ориентации — даже при том что они сотрудничают с социалистическим миром — в мировом капиталистическом хозяйстве, безусловно, осложняет положение революционно-демократических режимов. «Приоткрытость» этих стран для разрушительных процессов, сопровождающих развитие мирового капиталистического хозяйства (циклических и структурных кризисов, инфляции), противодействует их успешному продвижению по некапиталистическому пути.

Таковы те основные, как представляется, группы противоречий, которые сопутствуют некапиталистическому переходу стран к социализму и в ряде случаев могут даже привести к тому, что этот переход прерывается, страна возвращается на старый путь развития. Однако совершенно очевидно, что неправильно было бы в зависимости от такой возможности и случающихся отступлений ставить под сомнение некапиталистический переход, как таковой. И марксистско-ленинская теория, и опыт целого ряда стран социалистической ориентации свидетельствуют о жизненной настоятельности и реальности некапиталистического перехода к социализму.

Возражения против крайних оценок

В результате развала колониальной системы империализм понес значительные потери, однако главным образом политические и военно-политические; в экономическом плане потери империализма, особенно на первых порах, оказались намного меньшими. Правда, существовала точка зрения, согласно которой раскол мирового рынка вследствие образования мировой системы социализма и освобождения колониальных и полуколониальных стран, сокращая сферу приложения сил развитых капиталистических государств к мировым ресурсам, приведет к тому, что их производство будет развиваться на суженной базе. Но такие прогнозы не оправдались. Развитые капиталистические страны — через противоречия, кризисы, серьезные утраты — смогли, хотя и уступая по темпам странам социалистического содружества, продолжить рост своего производства. Это им удалось в условиях начавшейся научно-технической революции, оказавшей огромное влияние на развитие производительных сил, усиления регулирующей роли государственно-монополистического капитала, интеграционных процессов и опережающего роста экономического обмена.

В связи с такими новыми условиями появилась и другая, противоположная точка зрения — о сокращающихся месте и роли бывшей колониальной «периферии» в мировом капиталистическом хозяйстве. Придерживающиеся ее ученые исходили не только из этих новых условий развития производства в капиталистическом «центре», но и из тех реальных последствий научно-технической революции, которые имели прямое отношение

к «периферии», — роста промышленности заменителей естественного сырья, преимущественного увеличения наукоемкого производства, тенденции уменьшения доли сырья на единицу продукции. Эти правильные посылки и лежали в основе вывода о сокращении места и роли бывших колоний и зависимых стран в мировой экономике.

Между тем и эта точка зрения оказалась далекой от действительности.

Во-первых, научно-техническая революция в своих многогранных проявлениях не понизила спрос на натуральное сырье, несмотря на то что достаточно высоких темпов достигло производство его заменителей. Это может быть проиллюстрировано на примере не только топливно-энергетического, но и других видов минерального сырья. Спрос на натуральное сырье, поставляемое развивающимися странами, не уменьшился и в результате сравнительно быстрого развития собственной базы производства сырья в развитых капиталистических странах. Этот процесс происходил и происходит параллельно другому — неуклонному росту потребления сырья, что приводит к необходимости его постоянно увеличивающегося импорта. Все эти тенденции суммарно отражают данные табл. 2, охватывающие 50, 60 и 70-е годы.

Во-вторых, произошел целый ряд весьма важных изменений в соотношении общемировых сил, в политическом положении «периферийных» стран, а также в системе мирового капиталистического хозяйства, способствующих не уменьшению, а, напротив, увеличению роли развивающихся государств в мировой экономике. В этой связи могут быть названы в первую очередь следующие сдвиги:

появление и усиление мировой системы социализма, что создало мощный противовес империализму, сократив его силы и маневренные возможности;

завоевание и укрепление политической независимости «периферийными» странами, что позволило им обрести суверенные права над своими ресурсами, определять в целом или значительно влиять на структуру иностранных капиталовложений, масштабы добычи сырья, принимать участие в процессе ценообразования на экспортируемое сырье;

развертывание структурных кризисов капитализма —

Таблица 2

Доля развивающихся стран в мировом капиталистическом производстве (П) и экспорте (Э) важнейших видов сырья *, %

Сырье	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Нефть					
П	42,3	56,1	70,1	74,4	72,0
Э	96,4	97,8	96,8	96,2	94,0
Природный газ					
П	—	7,1**	8,0	11,9	15,2
Э	—	21,9**	17,8	25,8	26,0
Железная руда					
П	8,1	24,6	40,0	40,1	35,9
Э	27,0	45,3	48,9	50,3	45,4
Медная руда					
П	45,5	51,9	46,6	51,7	57,3
Медная руда и концентраты					
Э	—	55,1**	52,3	59,0	56,6****
Черновая медь					
П	39,2	45,8	41,1	38,7	40,9****
Э	—	88,3**	82,1	77,1	85,6****
Оловянные концентраты					
П	96,4	95,1	92,2	90,1	90,6
Э	99,0	98,6	89,8	83,5	71,7****
Олово (металл)					
П	43,6	67,3	72,8	78,2	84,9
Э	65,1	72,6	81,6	88,6	88,9
Бокситы					
П	64,9	74,9	65,2	60,2	55,0
Глинозем					
П	—	20,2***	24,5	23,4	27,2

* Рассчитано за соответствующие годы по: «Statistical Yearbook». U. N. N. Y.; «Monthly Bulletin of Statistics». U. N. N. Y.; «International Petroleum Annual». L.; «World Energy Supplies». U. N. N. Y.; «World Natural Gas». L.; «Oil Statistics». OECD. P.; «Statistical Summary of the Mineral Industry». L.; «Metal Statistics». Frankfurt am Main; «World Metal Statistics». L.; «ITC, Statistical Bulletin». Enschede (Netherlands).

** 1965 г.

*** 1966 г.

**** 1979 г.

энергетического, сырьевого, экологического, валютного, что побуждает монополистический капитал развитых капиталистических стран создавать энергоемкие, мате-

риалоемкие, «грязные» производства * вблизи от источников сырья и энергии или просто за рубежом и усиливать свой товарный экспорт для рециклирования «сырьевых доходов» развивающихся стран в экономику развитого капиталистического мира;

рост борьбы рабочего класса, особенно в «центре» мирового капиталистического хозяйства, что приводит к повышению цены рабочей силы и усиливает стремление к перемещению трудоемких производств в развивающиеся страны, обладающие значительно более низкой стоимостью и ценой рабочей силы **;

расширение внутреннего рынка в развивающихся странах по мере развития товарно-денежных отношений и особенно в связи с ходом индустриализации этих стран, что имеет важное значение для экспорта продукции из развитых капиталистических государств.

Надо сказать, что разделение труда в рамках мирового капиталистического хозяйства, характерное для колониального периода, перестало устраивать и капиталистический «центр»: низкий уровень развития «периферии», узость внутреннего рынка, нехватка квалифицированной рабочей силы стали тормозом на пути экспансии промышленных монополий в Азию, Африку, Латинскую Америку. Следовательно, в определенной степени колониальное разделение труда подрывается и самими действиями бывших колонизаторов, стремящихся приспособиться к новой обстановке.

Именно в таких условиях и родилась практика неоколониализма.

* В результате вывоза «грязных» производств меняется география импорта. Так, если до 1970 г. 99% импорта в США асбестовой ткани шло из развитых капиталистических стран — европейских государств, Канады и Японии, то после введения контроля за выборами в производстве асбеста основными поставщиками стали Мексика, Тайвань, Бразилия ¹.

** Разница в оплате труда работников одинаковой квалификации в «центре» и на «периферии» хорошо видна, например, из сопоставления часовой заработной платы на предприятиях Форда в начале 1981 г. в разных странах (в %) ²:

	Уборщица	Сборщик на конвейере	Слесарь
США и Канада	100	100	100
Мексика	30,7—32,0	37,6—42,5	39,9—42,4
Аргентина	21,9	25,6—32,5	30,7—37,6
Бразилия	5,3	8,3—9,0	15,3

Сущность неоколониализма

Если попытаться проанализировать отношения, сложившиеся после краха колониальной системы между «центром» и «периферией» мирового капиталистического хозяйства, то прежде всего, по-видимому, следовало бы остановиться на изменившемся характере двух сторон этих отношений.

«Периферия», которую составили освободившиеся страны, уже не может быть в новых условиях объектом империалистической эксплуатации главным образом «традиционными», колониалистскими методами и путями. Продолжение империалистической эксплуатации потребовало от монополистической буржуазии ведущих капиталистических стран поисков новых экономических и политических приемов, ибо такие старые средства, как внеэкономическое принуждение, стали в целом неприменимы не только к странам социалистической ориентации, но и к тем бывшим колониальным и полуколониальным странам, которые пошли по пути капиталистического развития.

Определенные изменения произошли и в характере капиталистического «центра». С возникновением мировой системы социализма империалистические государства потеряли возможность относительно легко и беспрепятственно подавлять вооруженной силой сопротивление «периферийных» стран. Становление и укрепление мировой социалистической системы также лишило империалистические государства монопольного положения в качестве единственного для «периферии» источника займов, кредитов, оборудования, научно-технических и технологических разработок, помощи квалифицированными специалистами. Появление альтернативного источника в лице социалистических стран, устанавливающих принципиально иные отношения с развивающимися государствами, резко ослабляет позиции империализма, который пытается преодолеть эту тенденцию, применяя новые рычаги воздействия, средства и методы с целью навязывания своей воли «периферии», ее нещадной эксплуатации.

С учетом всего этого и начала осуществляться неоколониалистская политика и практика в отношении развивающихся стран. Стратегической задачей неоколони-

лизма стало удержание освобожденных стран в орбите капитализма, привязывание «периферии» новыми узами к капиталистическому «центру», продолжение ее эксплуатации методами и средствами, соответствующими изменившемуся объективным и субъективным условиям.

Основные средства, призванные обеспечить решение этой стратегической задачи, лежат в сфере экономики. Это отнюдь не исключает политических и военно-политических средств, но они, как правило, служат дополнением к экономическим методам эксплуатации освобожденных стран.

Можно говорить о двух основных формах неокOLONиалистских действий: по государственной линии это предоставление так называемой помощи развивающимся странам*, по частнокапиталистической — экспансия в них транснациональных корпораций (ТНК). Экспансия ТНК по мере развития неокOLONиализма становится его главной формой. Однако мы начинаем анализ с государственной помощи, так как она стояла у истоков неокOLONиализма, а затем все больше подчинялась интересам частномонополистической эксплуатации развивающихся стран — и в широком и в узком понимании этих интересов.

«Феномен» экономической и научно-технической помощи развитых капиталистических стран развивающимся государствам возник после второй мировой войны как прямое следствие изменившегося соотношения сил в мире. Такая помощь явилась попыткой США и государств Западной Европы воздействовать в своих интересах на процессы, происходящие в освобожденных странах, притупить антиимпериалистическую остроту этих процессов. По мере изменения обстановки в мире, в частности в Азии, Африке и Латинской Америке, смещались акценты в задачах, которые решались империалистическими государствами, прежде всего США, посредством предоставления помощи, модифицировались ее формы, менялись условия предоставления и размеры.

* Большинство специалистов и в развитых капиталистических, и в развивающихся странах включает в категорию помощи льготные займы с элементом субсидий не ниже 25% и собственно субсидии.

Среди таких изменений одно, может быть, больше, чем все остальные, подчеркивается в западной буржуазной литературе — смягчение финансовых условий помощи.

Действительно, процентная ставка по займам, относимым к помощи, составляла в конце 70-х годов (1978 г.) 2,7%, тогда как в конце 60-х годов (1969 г.) она равнялась 3,5%, что, в свою очередь, было в два раза ниже, чем в 50-е годы*. Срок выплаты по займам в 70-е годы возрос с 24,3 до 32 лет, а льготный период — с 6,7 до 10,8 года. Увеличилась доля субсидий в помощи³.

Однако такая перемена ни в коей мере не была порождена филантропическими мотивами. С одной стороны, она обозначилась в условиях, когда на отношения между капиталистическим «центром» и «периферией» все большее воздействие — и прямое, и особенно косвенное — начали оказывать развивающиеся связи части «периферии» с социалистическим миром. С другой стороны, сама помощь в изменяющейся не в пользу империализма обстановке превращалась во все более важный инструмент защиты общих экономических и военнополитических интересов капиталистического «центра» в системе его взаимоотношений с «периферией».

Очень часто и, естественно, вполне справедливо упоминается о прямых конкретных результатах сотрудничества освободившихся стран с государствами социалистического содружества. Только при содействии СССР в государственном секторе освободившихся стран на начало 80-х годов были созданы или создавались предприятия по производству 20 млн. т стали, добыче 65 млн. т и переработке 17,6 млн. т нефти, производству 3,3 млн. т цемента, электростанции суммарной мощностью 13 млн. кВт, сооружалось свыше 4 тыс. км железных и шоссейных дорог, осваивалось около 700 тыс. га новых земель; в рамках сотрудничества с Советским Союзом 70—80 тыс. граждан освободившихся стран ежегодно проходили обучение по линии производственной, профессионально-технической подготовки, среднего специального и высшего образования⁴. Все это, безусловно, укрепляло и укрепляет национальную экономику развиваю-

* Следует отметить, что процентная ставка по коммерческим займам обнаружила на рубеже 70—80-х годов явную тенденцию к повышению.

щихся стран, делает их более сильными, самостоятельными, менее поддающимися диктату капиталистического «центра».

Вместе с тем многообразные отношения развивающихся стран с социалистическим миром, очевидно, не меньшее воздействие оказывают в косвенной форме, заставляя нередко развитые капиталистические государства видоизменять свои связи с развивающимися странами, смягчать условия предоставления помощи, а подчас даже отказываться от манипулирования ею для навязывания этим странам своих требований.

На первом этапе предоставления финансовой и технической помощи развивающимся странам правительство США, как правило, лишало их такой помощи в случае нежелания подчиниться американскому диктату или просто содействовать политике Соединенных Штатов. Примером может служить провал американо-египетских переговоров в 1955 — начале 1956 г. о предоставлении кредитов на строительство высотной Асуанской плотины. Отказ президента Насера согласиться с требованиями США, означавшими фактическое установление контроля над финансами, бюджетом и экономикой Египта, повлек за собой аннулирование предложений со стороны Международного банка реконструкции и развития, американского и английского правительств о предоставлении соответственно 200 млн., 55 млн. и 15 млн. долл. в виде займов на сооружение плотины на Ниле⁵.

Убедившись в том, что развивающиеся страны находят источник помощи в социалистическом мире, а это неизбежно делает их менее зависимыми во взаимоотношениях с капиталистическими державами, американское руководство вынуждено было в целом ряде случаев менять свою тактику.

Ретроспективный взгляд на помощь развитых капиталистических стран развивающимся государствам позволяет найти ряд закономерностей.

1. Помощь играла и продолжает играть капитальную роль в обеспечении политических, военных и экономических интересов как отдельных империалистических держав, так и всего империалистического сообщества в целом. Некоторое улучшение финансовых условий предоставления помощи сопровождалось ужесточением ее

функции в качестве инструмента политического давления, средства защиты интересов империалистов.

Одно из главных назначений помощи развивающимся странам — стабилизация проимпериалистических режимов, особенно закрепление результатов политики США и их союзников там, где удалось добиться контрреволюционных перемен. Получателями помощи США стали и Чили, и Египет, и Сомали вслед за контрреволюционными изменениями в этих странах, осуществленными при участии или под влиянием Соединенных Штатов.

Нарастающее значение приобретали военно-политические интересы, обеспечиваемые путем предоставления помощи, что особенно четко прослеживалось в практике Соединенных Штатов. Наряду со значительным ростом военной помощи* экономическая помощь, или «помощь развитию», тоже приспособлялась для решения военно-политических задач. Это происходило как посредством «селективного подхода», концентрации на тех режимах, стабильность которых диктовалась военно-стратегическими и политическими целями Белого дома и Пентагона, так и путем обусловленного предоставления экономической помощи в обмен на базы, стоянки флота, территории для складирования вооружений, предназначенных для будущего использования сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами Соединенных Штатов. Именно такой обусловленный характер экономической помощи США проявился в отношении Сомали, Омана, введенных в начале 80-х годов в число стран-получателей в связи с конкретной договоренностью о предоставлении ими своих территорий под американские военные базы. Другой пример — Пакистан, военная и экономическая помощь которому была возобновлена в большом объеме Соединенными Штатами в мае 1981 г. в прямой связи с ролью режима Зия-уль-Хака в организации и поддержке контрреволюционных афганских элементов. США заплатили своей помощью и Садату за его решение отойти от общеарабской позиции и принять капитулянтские условия Кэмп-Дэвида, а также предоставить Соединенным Штатам возможность использовать египетскую территорию в своих военных целях.

* В 1970 г., например, военная помощь США развивающимся странам составила 5,3 млрд. долл., а в 1979 г.—8 млрд. ⁶.

К середине 50-х годов помощь непосредственно предназначалась для втягивания развивающихся государств в империалистические союзы — Багдадский пакт (СЕНТО), СЕАТО. В дальнейшем, в связи с серьезной компрометацией политики США и их партнеров и усилившейся антиимпериалистической борьбой, зависимость проблемы помощи от стремления империалистического Запада обеспечить свои военно-политические интересы была несколько закамуфлирована. В конце 70-х — начале 80-х годов это стремление вновь оголилось, проявилось в неприкрытом виде. В докладе, подготовленном директором административно-бюджетного управления администрации Рейгана, например, во всеуслышание говорилось, что «помощь на цели обеспечения безопасности (этим термином обозначаются широкие военно-стратегические интересы США.— *Е. П.*) имеет приоритет над помощью на цели развития» и что помощь вообще должна служить целям США⁷.

Другим мотивом предоставления помощи стали экономические интересы развитых капиталистических государств, в конечном счете понимаемые ими как сохранение неокOLONиалистского разделения труда между «центром» и «периферией» мирового капиталистического хозяйства. Однако и в этом вопросе обозначилась тактическая модификация, способствующая, по мнению апологетов помощи, росту ее эффективности в плане достижения поставленных целей. Концепция «помощи развитию» к началу 70-х годов была дополнена концепцией «равного партнерства» или «сотрудничества в деле развития», что должно было подчеркнуть большую «ответственность» стран-получателей, их готовность следовать разрабатываемой «центром» стратегии развития. Новая концепция рассматривала усилия стран — получателей помощи в качестве главного рычага их прогресса, однако с акцентом на тесную связь этих усилий со способностью данных стран реализовать предлагаемые рекомендации. В наиболее концентрированном виде все это нашло отражение в докладе комиссии Пирсона⁸, хотя уже в этом докладе — и особенно в отношении к нему — обнаружились некоторые различия среди идеологов правящих кругов Запада по проблемам помощи.

В середине 70-х годов наметилась новая модификация концепции помощи. Для относительно более разви-

тых освободившихся стран акцент был перенесен на коммерческие займы. Что касается основной массы освободившихся стран, то помощь была больше ориентирована на удовлетворение «основных человеческих потребностей», т. е. на стимулирование производства товаров и услуг, необходимых в первую очередь неимущим слоям населения развивающихся стран, смягчение проблемы занятости. Если переход к «равному партнерству» был призван утвердить определенные схемы развития капиталистической «периферии», то новая модификация концепции помощи, последовавшая в середине 70-х годов, судя по всему, была в основном нацелена на то, чтобы нейтрализовать явно неблагоприятную для такого «партнерства» социальную и политическую обстановку в развивающихся странах, ослабить процесс накопления взрывчатого материала.

Особое значение в этих условиях приобрела продовольственная помощь. Несмотря на определенный успех «зеленой революции» в ряде стран, продовольственная проблема в развивающемся мире в целом сохранила тенденцию к обострению*. Так, если по основной программе Второго десятилетия развития, охватывавшей 70-е годы, предусматривался темп роста сельского хозяйства в развивающихся странах в 4%, то в действительности он составил 2,6—2,8%¹⁰.

В сложившейся ситуации США, будучи основным поставщиком продовольствия на мировой рынок, начали прибегать к открытому продовольственному шантажу развивающихся стран в политических целях. Вместе с тем все чаще США стали использовать поставки продовольствия в развивающиеся страны, чтобы гарантировать ответные поставки сырья с «периферии» на условиях, удовлетворяющих капиталистический «центр».

Государственная помощь должна была способствовать экспорту частного капитала в освободившиеся страны путем создания там соответствующего инвестиционного климата. В этой связи в США были выдвинуты идеи, находящие поддержку в некоторых других капиталистических странах, о разработке на международном уровне системы мер, призванных гарантировать иностранные частные капиталовложения в развивающиеся

* Это хорошо показано в работах В. Г. Растяникова⁹.

страны от национализации, о страховании капиталовложений, предоставлении привилегий иностранным монополиям.

Помощь продолжала выполнять и функцию рычага, способствующего продвижению товаров стран-доноров на рынок стран-получателей. Такая «связанная помощь» составляла большую часть займов и субсидий, предоставляемых многими развитыми капиталистическими странами. Например, доля «связанной помощи», предназначенной для оплаты западногерманского экспорта, была равна 77,4% всех займов ФРГ развивающимся странам в 1962—1976 гг.¹¹. При этом некоторые страны-доноры искусственно поднимали цену на те товары, покупки которых «увязываются» с помощью. По оценке американского экономиста Г. Франко, цены американских товаров, экспортируемых по программам помощи, были на 15—20% выше цен мирового рынка¹².

2. Произошла диверсификация источников помощи. Относительно уменьшились размеры помощи Соединенных Штатов — с 58,3% совокупной помощи стран, входящих в Комитет содействия развитию (КСР) (США, Канада, страны Западной Европы, Япония, Австралия, Новая Зеландия), в 1960 г. до 28,3% в 1980 г.¹³.

Важно отметить, что эти сдвиги сопровождались уменьшением доли помощи в ВВП Соединенных Штатов, в то время как эта доля росла или, во всяком случае, не показывала тенденции к неуклонному падению у большинства других стран КСР (табл. 3).

С течением времени, точнее, во второй половине 70-х годов все больший удельный вес — и по значению, и по масштабам — начали приобретать займы, субсидии и кредиты международных финансовых организаций, создаваемых и контролируемых развитыми капиталистическими странами. Эта «коллективная» помощь внешне еще менее ассоциируется с империализмом, однако фактически она служит тем же целям, что и помощь развитых капиталистических государств, поступающая на двусторонней основе.

«Коллективная» форма помощи развивающимся странам имеет особое значение при решении проблемы внешней задолженности, породившей острые противоречия между должниками и кредиторами. Такая задолженность по группе развивающихся стран достигла в

Таблица 3

«Помощь развитию» стран КСР *,
% ВВП

Страна	1960 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Австралия	0,37	0,59	0,59	0,51
Австрия	—	0,07	0,21	0,23
Бельгия	0,88	0,46	0,59	0,59
Великобритания	0,56	0,41	0,39	0,52
Дания	0,09	0,38	0,58	0,67
Италия	0,22	0,16	0,11	0,09
Канада	0,19	0,41	0,52	0,46
Нидерланды	0,31	0,61	0,75	0,94
Новая Зеландия	—	0,23	0,52	0,30
Норвегия	0,11	0,32	0,66	0,95
США	0,53	0,32	0,27	0,18
Финляндия	—	0,06	0,18	0,22
Франция	1,35	0,66	0,62	0,59
ФРГ	0,31	0,32	0,40	0,44
Швейцария	0,04	0,15	0,19	0,22
Швеция	0,05	0,35	0,82	0,95
Япония	0,24	0,23	0,23	0,27

* World Bank. World Development Report. Wash., 1980, с. 140.

начале 80-х годов астрономической цифры — 450 млрд. долл.*¹⁴. Империалистические политики стремятся использовать ее как постоянный рычаг давления на должников. Еще в докладе комиссии Пирсона говорилось: «Вопросы задолженности должны рассматриваться в консорциумах и консультативных группах, где акцент дискуссии необходимо смещать в сторону проблем и политики развития»¹⁵. Иными словами, если в рамках консорциума и консультативных групп (создаваемых и возглавляемых зачастую Международным банком реконструкции и развития — МБРР) странам-должникам обеспечивается некоторый пересмотр их долговых обязательств, то одновременно, опираясь на «коллективный» неокOLONиализм, развитые капиталистические государства навязывают им свои установки.

* Цифра общей задолженности включает в себя помимо уже полученных сумм обязательства по заключенным соглашениям о займах.

Подобный механизм уже достаточно отработан. Так, частные коммерческие банки, заинтересованные в дополнительных гарантиях своих кредитов развивающимся странам, непосредственно договариваются по этому вопросу с международными организациями капиталистического мира, предоставляющими помощь соответствующим странам. В 1979 г., например, из 11 млрд. долл., предоставленных МБРР развивающимся странам, 1 млрд. был связан с кредитами частных коммерческих банков так называемой оговоркой «кроссдефолт»¹⁶. Ее смысл заключается в том, что при невыполнении должником своих обязательств по отношению к частному кредитору МБРР приостанавливает предоставление помощи или требует немедленной выплаты долга. Таким образом, частные банки получают дополнительные гарантии. Подобная практика, очевидно, имеет тенденцию к развитию. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в 1981 г. Р. Макнамару на посту президента МБРР сменил А. У. Клаузен, выступивший инициатором совместного финансирования развивающихся стран частными банками и международными организациями помощи и считающий совместное финансирование одним из основных направлений будущей деятельности этого банка¹⁷.

Одним из важнейших показателей диверсификации источников помощи, причем качественного характера, явилось резкое увеличение в ней во второй половине 70-х годов удельного веса займов и субсидий из *развивающихся* нефтедобывающих стран. Это произошло как на двусторонней основе, так и посредством увеличения доли стран ОПЕК в помощи, предоставляемой через международные организации. Важно отметить, что все это наблюдалось в условиях относительного уменьшения удельного веса помощи, предоставляемой развитыми капиталистическими странами (табл. 4).

На рубеже 70—80-х годов примерно пятая часть всех ресурсов, поступающих по линии помощи развивающимся странам, происходила непосредственно из самих же развивающихся стран. Если к этому добавить, что значительная часть помощи из развитых капиталистических государств имеет своим источником прибыли, полученные за счет эксплуатации тоже развивающихся стран, будет еще более понятна полная беспочвенность утвер-

Таблица 4

Приток «помощи развитию» в развивающиеся страны *,
%

Источник	1970—1972 гг.	1973—1975 гг.	1976—1978 гг.	1979—1980 гг.
КСР (двусторон.)	78,5	58,4	55,7	57,0
Международные агентства	16,1	20,2	25,2	23,7
В том числе доля ОПЕК **	—	0,6	4,5	0,9
ОПЕК (двусторон.)	5,4	21,3	18,6	18,8
Остальные доноры (двусторон.)	—	0,1	0,5	0,5
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0

* Рассчитано по: «Development Co-operation». P., 1979, с. 199; 1981, с. 172.

** От общего итога.

ждений о «неоценимом вкладе» «центра» мирового капиталистического хозяйства в развитие «периферии».

Как уже говорилось, главной формой неокOLONИализма все больше становится *деятельность транснациональных корпораций*. Выше мы уже не раз в различном контексте останавливались на операциях ТНК. Здесь представляется наиболее важным показать реальные результаты таких операций для развивающихся стран.

В 70-х годах транснациональные корпорации стали основным и наиболее перспективным инвестором иностранного предпринимательского капитала в экономику развивающихся стран. Отмечен резкий рост филиалов и отделений ТНК в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Одновременно ТНК стали играть ведущую роль и в обеспечении капиталистического «центра» необходимыми товарами, производимыми на «периферии». Все это не могло не иметь непосредственных и возрастающих по своему значению последствий для развивающихся стран.

Во-первых, деятельность ТНК в масштабах всего мирового капиталистического хозяйства не только не спо-

способствует выравниванию уровней развития «центра» и «периферии», но, напротив, увеличивает существующий между ними разрыв. Темпы роста производства на предприятиях ТНК намного выше общих темпов промышленного роста в капиталистическом мире. Однако при этом проявляется устойчивая тенденция преимущественного выбора в качестве сферы деятельности ТНК развитых капиталистических стран, хотя абсолютно возрастают капиталовложения ТНК и в развивающиеся страны. Даже можно, очевидно, говорить о постепенной стабилизации доли капиталовложений ТНК в развивающиеся страны по отношению к общим инвестициям транснациональных корпораций. Распределение прямых капиталовложений ТНК между развитыми капиталистическими и развивающимися странами выглядело в 60—70-х годах следующим образом ¹⁸:

	1967 г.	1971 г.	1975 г.	1979 г. (оценка)
Всего, млрд. долл.	105	158	259	400
В том числе, %:				
в развитых капиталистических странах	69	72	74	75
в развивающихся странах	31	28	26	25

Позиция ТНК по вопросу о капиталовложениях в развивающиеся страны явно строится с учетом того, что в них относительно ограничен внутренний рынок, не хватает квалифицированной рабочей силы, слабо развита экономическая инфраструктура, «менее стабилен» социально-политический климат. Все это относится к сопоставлению развивающихся стран с развитыми (с точки зрения деятельности ТНК) как группы. Если говорить об отдельных развивающихся странах, то картина меняется. Некоторые развивающиеся страны имеют для ТНК не меньшее, а подчас и большее значение, чем развитые капиталистические страны.

К выбору в мире развивающихся стран объекта для своих прямых или портфельных инвестиций ТНК подходят весьма селективно. Предпочтение отдается тем, которые в силу своего экономического, политического или географического положения представляют повышенный интерес для транснациональных корпораций.

Следовательно, если в общем деятельность ТНК уг-

Таблица 5

**Чистый вывоз капитала, перевод и реинвестиция
прибылей ТНК Соединенных Штатов Америки
за 1970—1980 гг. по группам стран ***

Группа стран	Новый экспорт капитала, млрд. долл.	Прибыли, млрд. долл.				Доля групп стран в опе- рациях ТНК, %
		общие	переведенные в США		реинве- стиро- ванные на месте	
			сумма	доля в общих, %		
Все	44,0	220,0	122,7	55,8	97,3	100
Развитые капитали- стические	35,3	135,3	63,5	46,9	71,8	80
Развивающиеся	8,0	79,4	56,0	70,5	23,4	18
Необозначенные	0,7	5,3	3,2	60,4	2,1	2

* «Survey of Current Business». U. S. Department of Commerce. Wash., August 1980, с. 24—25; August 1981, с. 21, 25, 27.

лубляет пропасть между «центром» и «периферией» мирового капиталистического хозяйства по уровню развития, то одновременно она способствует дифференциации «периферийных» стран.

Развитие освободившихся стран тормозится и тем, что ТНК, получая здесь прибыли значительно большие, чем на равные капиталовложения в развитых капиталистических странах, вкладывают на «периферии» ресурсов меньше, чем вывозят их в капиталистический «центр» (табл. 5).

Как показывает таблица, из 44 млрд. долл., экспортированных Соединенными Штатами за 1970—1980 гг., лишь 18% было вложено в развивающиеся страны, тогда как на их долю пришлось более 45% переведенных в США за тот же период прибылей американских ТНК. В абсолютных размерах превышение суммы переводимых в США прибылей ТНК над новым экспортом капитала из США составило за это время 48 млрд. долл. Эта сумма является чистым вычетом из средств, необходимых для развития освободившихся стран. Из данных таблицы явствует, что американские ТНК на каждый доллар, вкладываемый в развивающиеся страны, вывозили в 70-х годах более 7 долл. Характерна — и

это подчеркивает, насколько деятельность ТНК способствует увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами,— разница в соотношении между вывозимыми и реинвестируемыми на месте прибылями ТНК для двух групп стран. Если это соотношение для развитых стран выражается как 47 : 53 (вывозимая часть меньше вкладываемой), то для развивающихся стран оно составляет 71 : 29 (вывозимая часть в 2,4 раза превышает вкладываемую).

Можно сделать общий вывод, что через механизм деятельности ТНК (пример ТНК США универсален хотя бы потому, что они составляют преобладающее большинство транснациональных корпораций в мире) империалистические государства во многом финансируют свое экономическое развитие, а также получают средства для новых прибыльных капиталовложений в развивающемся мире.

Во-вторых, экономическая экспансия ТНК в развивающиеся страны содействует сохранению зависимости «периферии» от «центра» мирового капиталистического хозяйства, в том числе в новых формах и на новом уровне. Формирование структуры иностранных инвестиций целиком подчиняется интересам корпораций, обеспечению воспроизводственного процесса, в отношении которого предприятия и целые производственные комплексы ТНК в развивающихся странах выполняют сугубо подчиненную роль. Эти предприятия создаются ТНК, как правило, лишь на «нижних этажах», а «верхние этажи» находятся в пределах империалистического «центра». Так возникает неокOLONиальное разделение труда: капиталистическая «периферия» перестает быть *лишь* аграрно-сырьевым придатком «центра»; одновременно фиксируется *новый* уровень зависимости этой «периферии», теперь уже вследствие специфического характера и специфических форм ее промышленного развития. Место, отводимое неокOLONиализмом освобожденным странам в мировом капиталистическом хозяйстве, в том числе и при помощи ТНК, кардинально не изменяется оттого, что их зависимость, эксплуатация и экономическая отсталость теперь уже зачастую воспроизводятся на современной технической основе.

В-третьих, деятельность ТНК приводит к тому, что развивающиеся страны не полностью реализуют свой су-

веренитет над национальными богатствами. ТНК установили контроль над внешней торговлей товарами, производство которых имеет жизненное значение для многих развивающихся стран: бананами, рисом, каучуком и сырой нефтью — на 70—75%; оловом — на 80; какао, табаком, кофе, чаем, пшеницей, хлопком, джутом, древесиной — на 85—90; железной рудой, бокситами — на 95%. В результате развивающиеся страны-производители получают, как правило, неоправданно малую часть от конечной цены: 53% от цены чая, 48% — пальмового масла, 32% — джута, 20% — бананов, 15% — какао, 14% — кофе, 10% — от цены железной руды и т. д.¹⁹.

Тот факт, что значительная часть торговли идет по каналам ТНК, превращаясь в межцеховые потоки (30—40% мировой торговли на конец 70-х годов), позволяет транснациональным корпорациям маскировать прибыли и тем самым искусственно уменьшать налоги местным правительствам, обходить таможенные преграды, сохранять контроль над передачей технологии.

Таким образом, следует подчеркнуть, что ТНК активизировали неоколониалистскую практику, стали главным механизмом ее осуществления. Однако, сделав этот вывод, нельзя просто остановиться на нем. Картина будет далеко не полной, если не сказать, что сама неоколониалистская линия во второй половине XX в. оказалась ограниченной конкретными пределами. Это наглядно показал, например, ряд поражений неоколониалистской политики в отношении нефтедобывающих стран.

Брешь в неоколониализме или уроки энергетического кризиса

Пожалуй, наиболее концентрированно перемены в отношениях между «центром» и «периферией» мирового капиталистического хозяйства проявились в результате энергетического кризиса в капиталистическом мире, принявшего глубокий, затяжной, структурный характер. Анализ причин, хода развития, социально-экономических и политических последствий энергетического кризиса, сопоставление прогнозов (в том числе относительно сроков разработки новых и альтернативных нефти и газу

источников энергии) с реальной действительностью — всё это помогает лучше понять то новое место, которое уже занимают или могут занять многие освободившиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве, те новые противоречия, которые возникают в результате этого в экономике капиталистического мира, ту новую линию, которую в нынешних условиях проводит монополистический капитал «центра» для удержания освободившихся стран на положении эксплуатируемой «периферии» мирового капитализма.

Сначала — о реальной причине энергетического кризиса. На Западе энергетические трудности — не сразу они были определены как кризис — связывались и преимущественно все еще связываются с проблемой роста производительных сил в «центре» мирового капиталистического хозяйства на фоне более быстрого, чем предполагалось, исчерпания невосполнимых природных ресурсов или со «своенравной» и «иррациональной» политикой «периферийных» нефтедобывающих стран. Между тем — и это главное — энергетический кризис (впрочем, как и другие структурные кризисы капитализма) был порожден не только, да и не столько закономерностями развития производительных сил и тем более «злонамеренностью» той или иной освободившейся страны, сколько противоречиями в сфере производственных отношений на уровне мирового капиталистического хозяйства в целом. Энергетический кризис в капиталистическом мире стал прямым результатом *частномонополистического характера* организации производства и торговли нефтью и нефтепродуктами, равно как и кризиса неокolonизма — той системы эксплуатации, которая с середины нынешнего века определила отношения между капиталистическим «центром» и «периферией».

Прежде всего надо подчеркнуть, что энергетический кризис не является отражением абсолютного исчерпания энергоресурсов развитых капиталистических стран, тем более всего мирового капиталистического хозяйства, в том числе невозобновляемых ресурсов ископаемого топлива. Правда, значительное превышение темпов роста добычи над темпами увеличения запасов нефти в свободном состоянии вело к тому, что выработанность запасов в капиталистическом мире увеличивалась, а их прирост происходил главным образом за счет вновь от-

крываемых месторождений с весьма неблагоприятными экономическими показателями освоения — в первую очередь арктических и морских. Вместе с тем капиталистические страны обладают крупными запасами, например, каменного угля, которых, по оценке ряда западных экспертов, хватило бы для удовлетворения энергетических потребностей всех стран мира на сотни лет. Запасов расщепляющегося топлива в земной коре достаточно для удовлетворения потребности человечества в энергии на протяжении нескольких миллиардов лет. Далеко не исчерпаны возможности использования гидроэнергоресурсов капиталистических стран.

Общие запасы энергоресурсов вообще нельзя рассматривать как величину раз и навсегда данную. Они увеличиваются под влиянием научно-технического прогресса, который по мере накопления и утилизации человеческих знаний позволяет вовлекать в хозяйственный оборот все новые источники энергии, создает условия для более эффективного использования традиционных топливных ресурсов.

Не выдерживает критики стремление ряда западных исследователей представить энергетический кризис в капиталистическом мире и как явление, якобы неизбежно сопутствующее научно-технической революции. Действительно, научно-техническая революция способствовала убыстрению экономического роста в капиталистическом мире, что привело к увеличению потребления энергии. Но в то же время в результате научно-технической революции наблюдается и быстрый прогресс в исследованиях и разработках, имеющих целью увеличить производство и эффективность использования традиционных видов первичных энергоресурсов, открытие и освоение принципиально новых источников энергии.

Лежащая на поверхности причина энергетического кризиса в капиталистическом мире — несоответствие между балансом энергоресурсов и балансом энергопотребления развитых капиталистических стран.

В 50-х годах произошло резкое сокращение доли угля в балансе энергопотребления развитых капиталистических стран вследствие быстрого внедрения нефти, а затем и газа, обладающих гораздо большей теплотворной способностью и значительно лучшими показателями технологического применения. Это стало возможным

благодаря открытию больших запасов фантастически дешевой нефти на Ближнем Востоке. Низкие цены на ближневосточную нефть в результате исключительно благоприятных природных условий ее залегания, потрясающей дешевизны труда на нефтепромыслах в странах региона и относительно небольших концессионных отчислений местным правительствам поставили нефть вне конкуренции со всеми другими доступными к тому времени первичными энергоресурсами. Дальнейшее вытеснение угля нефтью в балансе энергопотребления развитых капиталистических стран в 60-х годах явилось следствием введения законодательства — в ряде государств достаточно жесткого — по борьбе с загрязнением окружающей среды. В итоге в 1972 г., т. е. к началу энергетического кризиса, доля угля в энергопотреблении стран Западной Европы, США и Японии уже составляла соответственно 25,5; 20,2 и 20,0%, а нефти и газа — 71,0; 78,1 и 76,8%²⁰.

Важно подчеркнуть, что этот процесс вытеснения происходил при отсутствии тогда сколько-нибудь значительных национальных нефтяных и газовых ресурсов в Западной Европе и Японии, которые связали свое экономическое развитие с импортом необходимого энергетического сырья. К концу 60-х годов наметилось явное отставание производства национальных первичных энергоресурсов от возрастающего объема общего энергопотребления и в Соединенных Штатах, где также резко возросло значение импорта первичных энергоресурсов в обеспечении расходной части энергоданса страны.

Важно, очевидно, не только констатировать наличие противоречия в развитых капиталистических странах между возможностями энергообеспечения за счет *национальных* ресурсов и растущими потребностями в нефти и газе, но и рассмотреть механизм движения этого противоречия, ту форму, в которой оно получает дальнейшее развитие.

Западная Европа и Япония с середины 50-х годов не просто оказались в полной зависимости от импорта энергоресурсов, но начали получать необходимое им энергетическое сырье из стран, *только что освободившихся или освобождавшихся* от колониального ига. Вместе с тем в условиях, сложившихся в капиталистическом мире после второй мировой войны, западноевро-

пейские государства и Япония оказались не в состоянии самостоятельно обеспечивать поступление необходимого им энергетического сырья. Основными поставщиками этого сырья, покрывающего для Западной Европы ббольшую, а для Японии даже преобладающую часть энергетического баланса, стали *нефтяные монополии США*, к этому времени захватившие доминирующие позиции в добыче ближневосточной, а позже и африканской нефти.

Улавливая в свою прибыль дифференциальную ренту, которая образовывалась при добыче ближневосточной нефти, залегающей в чрезвычайно благоприятных природных и географических условиях, нефтяные монополии США сказочно обогащались*. Западноевропейские государства и Япония довольствовались при этом относительно невысокими ценами на нефть и нефтепродукты (такой уровень цен мог быть установлен только в результате получения нефтяными монополиями США колоссальных прибылей), а также бесперебойного снабжения ближневосточной нефтью. Нефтедобывающие страны получали «плату» за свою нефть в виде концессионных отчислений, которые были значительно меньше прибылей, присваиваемых иностранным нефтяным монополистическим капиталом.

В самих Соединенных Штатах добычу нефти и газа сосредоточили в своих руках крупнейшие монополии, которые одновременно осуществляют широкие операции и за границей, — «Экссон», «Тексако», «Галф-ойл», «Стандард ойл оф Калифорния» и «Мобил ойл». При этом из общего объема нефти, добываемой на предприятиях этих гигантских компаний, на долю промыслов, расположенных на территории США, накануне энергетического кризиса приходилась лишь одна пятая общего производства²².

Путем установления на сырую нефть монопольно-низких цен, не изменявшихся в течение десятилетий**,

* На конец 60-х годов издержки на добычу одного барреля нефти в районе Персидского залива составляли 0,04—0,1 долл., а в США — в среднем 1,51 долл. Разведка нефти на территории США была почти в 35 раз дороже, чем в зоне Персидского залива²¹.

** Этому вопросу посвящен ряд страниц в весьма интересной работе В. В. Рымалова, в которой рассматриваются основные проблемы современного развития мирового капиталистического хозяйства²³.

крупнейшие нефтяные компании получали устойчивые огромные прибыли*.

Именно в результате этого создалась такая структура источников снабжения Соединенных Штатов нефтью и газом, которая базировалась на импорте, несмотря на наличие больших нефтяных и газовых ресурсов в национальных границах США. Ведущие американские нефтяные компании были явно не заинтересованы в больших капиталовложениях в разведку и добычу нефти на территории своей страны. Необходимость значительных расходов на охрану окружающей среды, обусловленная федеральными законами США, нежелание частного капитала решать дорогостоящие проблемы, связанные с созданием инфраструктуры,— все это затормозило разведку и добычу нефти в Соединенных Штатах. В момент наибольшего развертывания деятельности американских нефтяных монополий за рубежом, и особенно в арабских странах, резко уменьшились масштабы разведывательного бурения на территории США. Целый ряд нефтяных и газовых месторождений страны не разрабатывались не потому, что физически иссякли их запасы, а из-за более высокой себестоимости добычи на них по сравнению с существовавшими ценами на импортируемую нефть. В результате всего этого стала быстро расти доля импортируемой нефти в энергобалансе США.

Таким образом, весь комплекс мер по покрытию потребностей энергобаланса в преобладающей степени для Западной Европы и Японии и в нарастающей степе-

* Длительное сохранение монопольно-низких цен на нефть и газ и постоянный рост огромных прибылей монополий — не противоречит ли одно другому, совместимы ли эти два процесса? Не только совместимы, но и взаимозависимы. Низкие цены на сырую нефть и природный газ в условиях, когда нефтяные и газовые монополии представляли собой «вертикальные» объединения, контролирующие весь цикл производства, обеспечивали этим монополиям сверхприбыли. Капиталистическое государство, действуя главным образом в интересах монополистических потребителей, сдерживало рост цен на готовую продукцию из нефти и газа. В создавшейся обстановке нефтяным монополиям было крайне выгодно не поднимать цены на сырье, чтобы, с одной стороны, искусственно занижать отчисления развивающимся странам, на территории которых добывается нефть, а с другой стороны, сохранять таким путем разрыв между ценой на сырую нефть и ценой на нефтепродукты, являвшийся одной из основ увеличения массы их прибылей.

ни для США по тем или иным причинам оказался *практически связанным с развитием неоколониалистских отношений.*

В развитых капиталистических странах существовало мнение, что надежность неоколониалистских связей усиливается в результате втягивания развивающихся государств в общий цикл капиталистического воспроизводства, осуществляемого в рамках мирового капиталистического хозяйства. При этом явно недооценивалось значение «обратной связи», особенно антиимпериалистического политического фактора, действующего в освободившихся странах. Между тем логика антиимпериалистической борьбы вела к серьезным, в том числе и качественным, изменениям в отношениях между империалистическими государствами и освободившимися странами.

В 60-х годах, особенно к концу десятилетия, в результате небывалого усиления влияния стран — экспортеров нефти, объединившихся в ОПЕК, международный нефтяной картель, в котором господствующие позиции занимали пять крупнейших американских нефтяных компаний, потерял возможность, как это было в прошлом, произвольно решать вопросы масштабов добычи, сбыта и установления цен на мировом капиталистическом нефтяном рынке. На рубеже 60—70-х годов ОПЕК, используя, с одной стороны, укрепление позиций мирового социализма, общий подъем национально-освободительного движения и, с другой — обстановку, сложившуюся на рынке энергетического сырья (резкое превышение спроса над предложением), добилась изменения существовавшей концессионной практики. В результате тегеранского, триполийского, багдадского и других соглашений между нефтяными компаниями и странами ОПЕК были резко увеличены налоги на прибыли иностранного монополистического капитала, подняты справочные цены на нефть, предусмотрено их повышение в дальнейшем для компенсации потерь нефтедобывающих стран от инфляции в развитых капиталистических государствах.

Принципиально новое соотношение сил между нефтедобывающими странами и нефтяными монополиями, вынужденными в ряде случаев отступать перед коллективным натиском стран — экспортеров нефти, сложилось в

результате того, что в Алжире, Ливии, Ираке была успешно осуществлена национализация иностранных нефтяных компаний, а в целом ряде стран при поддержке и помощи Советского Союза было создано свое национальное нефтяное хозяйство. Все это не только ослабило позиции империализма в отношении этой группы стран, но и стимулировало радикальность мер, принятых ими против иностранного капитала. В таких условиях усилили свое наступление против иностранных нефтяных монополий и нефтедобывающие страны с консервативными режимами — Саудовская Аравия, Кувейт и др.

Возникшие в нефтедобывающих странах государственные нефтяные компании начали заключать соглашения «о партнерстве» и «о подряде» с некоторыми монополиями, не входившими в мировой нефтяной картель. Эти соглашения значительно отличались от традиционных концессионных договоров с компаниями картеля, в них обуславливалось участие стран-экспортеров в добыче и реализации нефти. Их заключение оказывало косвенное влияние и на концессионные условия соглашений с монополиями — участницами картеля.

В результате всего этого создавалась уникальная обстановка, когда развивающиеся нефтедобывающие страны начали получать значительную долю дифференциальной, а также некоторую часть и монопольной ренты в виде возросших концессионных платежей и отчислений от прибылей иностранных нефтяных компаний, оперирующих в этих странах.

Определенное влияние на процесс ценообразования на мировом капиталистическом рынке нефти оказала реализация развивающимися странами — собственниками нефтяных ресурсов их суверенных прав в форме регулирования нефтедобычи. Уже в 60-х годах в ряде нефтедобывающих стран предпринимались попытки согласовывать годовые объемы добычи нефти с программами национального экономического развития как с точки зрения аккумуляции необходимых валютных резервов, так и с позиций перспективных потребностей собственного хозяйства в жидком топливе. В начале 70-х годов тенденция к регулированию этими странами объемов добычи нефти проявилась особенно сильно, что не могло не ухудшить еще более соотношение между спро-

сом и предложением. (В последующем, однако, империалистические круги подчас различными методами меняли это соотношение в своих интересах.)

Непосредственное участие развивающихся стран в процессе образования мировых цен на собственные сырьевые ресурсы — новый и принципиально важный момент, который, безусловно, отражается на всем комплексе их взаимоотношений с развитыми капиталистическими государствами. Рост цен на нефть способствовал повышению цен на другие сырьевые товары, производимые в освободившихся странах. Особое значение приобрел тот факт, что подъем цен на нефть был обусловлен не односторонними действиями всесильного в прошлом иностранного монополистического капитала, а главным образом политикой группы развивающихся стран, соответствовавшей давно назревшей объективной необходимости. Именно они практически начали определять уровень справочных цен на добытую нефть, находящуюся в их собственности.

Итак, совпадение во времени двух процессов — ставшего характерным для развитых капиталистических стран отставания производства первичных энергоресурсов от их потребления и ликвидации всевластия международного нефтяного картеля — предопределило энергетический кризис в капиталистическом мире. Этот кризис остро проявился в конце 1973 г. вследствие вынужденных мер арабских стран в условиях осложнившегося арабо-израильского конфликта.

Энергетический кризис не только непосредственно привел к укреплению на значительный период позиций группы нефтедобывающих освободившихся стран, но и повлиял на обстановку во всем мировом капиталистическом хозяйстве, способствовал определенному изменению соотношения сил в пользу сырьедобывающей «периферии» в целом.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что энергетический кризис развил и наделил некоторыми новыми чертами многие противоречия, присущие государственно-монополистическому «центру». Он занял заметное место среди новых форм проявления основного противоречия капитализма — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Раньше воздействие этого противоречия на экономиче-

ский рост главным образом в «центре» мирового капиталистического хозяйства осуществлялось практически лишь через механизм цикличности, через кризисы перепроизводства. Торможение экономического роста происходило вследствие неспособности капитализма обеспечить реализацию продукции при ее перепроизводстве; именно это вело к относительному или абсолютному сокращению темпов роста на определенных этапах экономического цикла. Неизбежная при капитализме цикличность производства сохранила все свое значение как тормоз развития производительных сил и ныне. Вместе с тем, как показывает действительность, дезорганизация производства и обращения во всем мировом капиталистическом хозяйстве в самой драматической форме проявляется не только в фазе кризиса и даже не только тогда, когда происходит «перегрев» производства на стадии подъема, но и в то время, когда нет никаких признаков спада и экономика демонстрирует значительный рост производства. В этом в самом непосредственном виде проявляется несоответствие капиталистических производственных отношений характеру производительных сил.

Энергетический кризис, который возник в начале 70-х годов при высоких темпах экономического роста ведущих капиталистических стран, начал сдерживать развитие производства, особенно в основных энергопотребляющих отраслях хозяйства, а также негативно сказываться на бытовой сфере.

В то же время возникла и начала действовать взаимно стимулирующая связь между различными нециклическими, структурными кризисами капитализма. Так, энергетический кризис был усилен воздействием экологического и валютного кризисов. В свою очередь, сам он способствовал дальнейшему развитию валютно-финансовых трудностей, инфляционных процессов, экологических затруднений в капиталистическом мире. По ряду оценок, непосредственным результатом роста цен только на нефть стало инфляционное повышение цен примерно на 1—2%, а кумулятивные последствия этого явления еще больше.

Что касается влияния энергетического кризиса на развитие экологического кризиса, то можно предположить, что проблема ускоренного роста собственного

энергопроизводства в развитых капиталистических странах не найдет своего решения без снижения требований к охране окружающей среды, а следовательно, приведет к дальнейшему нарушению экологического баланса в капиталистическом «центре». В этом направлении на рубеже 70—80-х годов начали развиваться события в США.

Неправильно было бы считать, однако, что развитые капиталистические страны вообще не в состоянии решать задачи, выдвигаемые энергетическим и другими кризисами. Этими странами были приняты различные меры по нейтрализации отрицательных последствий и трудностей, связанных с развитием энергетической ситуации. В некоторых развитых капиталистических странах, например США, пересматривается законодательство в пользу стимулирования производства собственных ресурсов энергоносителей и экономии энергии; предпринимаются значительные усилия для использования достижений научно-технического прогресса с целью активизации альтернативных источников энергии и выхода на принципиально новые.

Но все эти меры, которые, безусловно, в ряде случаев эффективны, не перечеркивают той непреложной истины, что освободившиеся страны, и особенно отдельные их группы, уже стали оказывать значительно большее воздействие, чем в прошлом, на мировое капиталистическое хозяйство.

Если в этой связи говорить о нефтедобывающих развивающихся странах, то есть все основания считать, что их значение для мирового капиталистического хозяйства в обозримый период (например, до конца века) не уменьшится. Несмотря на сокращение реального роста потребления энергии по сравнению с преобладающим большинством докризисных прогнозных оценок, он остается относительно высоким. Это в общем обусловлено увеличением валового внутреннего продукта, а также тем, что коэффициент энергоемкости экономики (количество энергии на единицу ВВП) все еще достаточно велик и со всей очевидностью сохранится таковым до конца века; конечно, интенсивные меры по экономии энергии несколько уменьшили его, но значительная часть производства, транспорт, быт остаются весьма энергоемкими.

Таблица 6

**Структура потребления первичных энергоресурсов
в развитых капиталистических странах ***

Год	Всего, млн. т условного топлива	В том числе, %			
		уголь	нефть	природный газ	прочие
1950	1855,8	56,8	29,0	12,2	2,0
1960	2592,5	39,9	38,5	19,0	2,6
1970	4282,0	25,8	49,1	22,5	2,6
1973	4800,2	22,1	52,5	22,6	2,8
1974	4715,8	22,7	51,2	22,9	3,2
1975	4594,8	23,6	50,2	22,6	3,6
1976	4841,7	23,7	51,3	22,1	3,4
1977	4879,8	23,0	51,8	21,6	3,6
1978	4908,4	22,4	51,7	22,3	3,6
1979	—	23,0	49,6	23,4	4,1

* «World Energy Supplies. 1950—1974». U. N. N. Y., 1976; «World Energy Supplies. 1973—1978». U. N. N. Y., 1979; «Yearbook of World Energy Statistics 1979». U. N. N. Y., 1981.

К этому следует добавить вывод об инерционности баланса энергопотребления, в котором нефть продолжает и после начала энергетического кризиса сохранять ведущую роль (табл. 6).

Очевидно, несмотря на энергетический кризис и вопреки прогнозам, которые делались в самом его начале, серьезной диверсификации баланса энергопотребления в развитых капиталистических странах не произошло и, по-видимому, не произойдет в ближайшем будущем. В результате действия комплексных причин — экономических, политических, экологических — реальные темпы развития атомной энергетики далеко отстали от прогнозных оценок. Естественно, все это — общие выводы по всем развитым капиталистическим странам при серьезных различиях в энергетической ситуации в США, Японии и государствах Западной Европы.

Имеет важное значение еще одно положение: несмотря на увеличение добычи нефти на территории и морском шельфе развитых капиталистических государств, развивающиеся страны продолжают быть основным нефтяным резервуаром капиталистического мира;

они остаются наиболее перспективной сферой и по возможным открытиям новых крупных нефтяных месторождений.

Все вышеуказанное дает представление о том, насколько глубокой оказалась брешь, которую пробил в неокOLONиализме энергетический кризис. Однако этот кризис и его последствия поучительны и в другом плане: капиталистический «центр» не оставляет попыток нейтрализовать негативные для себя результаты новых отношений, сложившихся у него с частью «периферии», и стремится осуществить такую нейтрализацию, прибегая опять-таки главным образом к новейшим методам и приемам*.

Прежде всего нужно отметить, что значительная часть прибыли от добычи нефти, вырванная странами ОПЕК у совокупного иностранного монополистического капитала, вновь поступила к прежним владельцам нефтяных богатств этих стран через каналы внешней торговли. Десятикратное повышение цен на нефть с 1973 по 1981 г. не было полностью реализовано странами ОПЕК в виде адекватного чистого финансового притока из стран — потребителей нефти. В развитых капиталистических государствах были вздуты цены на готовую продукцию, причем, как правило, эти цены повышались опережающими по сравнению с ростом цен на нефть темпами. А так как страны — экспортеры нефти являются крупными потребителями этой готовой продукции, надбавка над ценами на нее стала прямым вычетом из прибылей, образующихся в результате подъема цен на нефть.

Как показывают данные табл. 7, даже в тот период, когда развивающиеся страны как группа улучшили условия торговли, для большинства этих стран они ухудшились.

Следует, очевидно, остановиться и на другой стороне вопроса. Среди буржуазных ученых Запада бытует

* Этому способствует важное обстоятельство, подчеркнутое А. Е. Примаковым: «...успехи стран ОПЕК в экономической деколонизации ввиду обострения глобальной энергетической проблемы совпали по времени даже с относительным усилением позиций нефтяных ТНК в корпорационной иерархии. В итоге нефтепроизводителям ныне противостоит наиболее мощная группировка монополистического капитала»²⁴.

Таблица 7

Условия торговли развивающихся стран *
(1970 г. = 100)

Группа стран	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.
Развитые-капиталистические	99	87	90	89	89	91	87	82
Все развивающиеся	105	172	164	170	170	151	156	175
В том числе нефтяные	123	335	341	362	361	324	380	550
остальные	96	93	87	88	91	86	92	87

* «Handbook of International Trade and Development Statistics». U. N. N. Y., 1979, с. 62; «Monthly Bulletin of Statistics». U. N. N. Y., 1981, vol. XXXV, № 10, с. XXII; «International Financial Statistics». Wash., February 1982, с. 51—52.

представление, будто вихреобразный рост цен на готовую продукцию в развитых капиталистических странах порожден резким подъемом цен на нефть и газ. При такой «логике» ОПЕК считается главным виновником галопирующей инфляции в мировом капиталистическом хозяйстве. Однако эта «логика» ставит все с ног на голову. Безусловно, повышение цен на нефть и другие энергоносители способствовало росту инфляции, но далеко не в той мере, как утверждает ряд буржуазных экономистов. Между тем само это повышение во многом было продиктовано инфляционным подъемом цен на товары и услуги, покупаемые нефтедобывающими развивающимися странами.

Значительно понизило реальные доходы стран ОПЕК от повышения цены на нефть и обесценение в 1976—1980 гг. доллара США, к которому эта цена привязана. Такое обесценение в немалой степени произошло из-за целенаправленных финансовых манипуляций. Обесценение доллара по сравнению с другими западными валютами привело к тому, что нефтедобывающие страны могли купить на долларовую выручку от продажи своей нефти значительно меньше товаров и услуг, чем было бы в «нормальных» условиях.

Существенная часть доходов нефтедобывающих стран от продажи нефти была изъята в виде прибылей ТНК и других иностранных или смешанных компаний, которые резко увеличили свою подрядную активность в зоне стран ОПЕК.

Наконец, развитые капиталистические страны (причем главной силой в этом случае, как и во многих иных, выступили Соединенные Штаты), используя свои связи с правящими кругами отдельных нефтедобывающих стран и совпадение классовых интересов, повели дело к торможению роста цен на нефть, в ряде случаев искусственно сдерживая его в условиях инфляционного подъема цен на другие товары и услуги. Развитым капиталистическим странам подчас помогали в этом правящие круги Саудовской Аравии — страны, на территории которой добывается около 40% нефти, экспортируемой странами ОПЕК. Такое сдерживающее воздействие на рост цен саудовские руководители оказывали не только политическим влиянием на некоторых союзников по ОПЕК, но и экономическими мерами, необоснованно увеличивая добычу в условиях насыщенности нефтью мирового рынка, как это было, например, в 1981 г.

Немалую роль играют и маневры империалистических государств, преследующие цель запугать страны ОПЕК, оказать на них давление, расколоть эту организацию и сделать невозможным коллективное противостояние развивающихся нефтедобывающих стран развитым капиталистическим государствам — потребителям нефти.

В условиях усиливающейся борьбы капиталистического «центра» против экономической эмансипации даже части «периферии» мирового капиталистического хозяйства особое значение приобретает проблема фундаментальной реформы мирохозяйственных связей, установления нового международного экономического порядка.

Борьба за демократизацию международных экономических связей

Объективная потребность кардинальным образом перестроить систему мирохозяйственных связей отчетливо выражается в борьбе против империалистической практики эксплуатации развивающихся стран, а также

дискриминационной политики ряда развитых капиталистических государств в отношении социалистических стран. Конечно, при сохранении империализма нельзя, очевидно, полностью исключить дискриминационные моменты из международных экономических отношений, как и попытки империалистических сил вновь и вновь оживить такую дискриминационную практику. Тем не менее задача демократизации мирохозяйственных связей — это не утопическая мечта, а реальная цель, программа, опирающаяся на изменившееся соотношение сил в мире.

Советское государство с момента своего возникновения повело последовательную борьбу за уничтожение всех видов дискриминации в международных отношениях, в том числе, естественно, и в вопросах экономических связей между государствами. Это борьба долгая и трудная, но она уже привела к большим позитивным результатам:

империализм в целом ряде случаев был вынужден идти на попятную, отказываться от диктата в экономических отношениях с Советским Союзом, другими социалистическими государствами и даже в определенной мере с освободившимися странами;

идея равноправных и демократических экономических связей во всемирном хозяйстве получила широкое распространение, стала весьма популярной, в том числе среди общественности развивающихся стран, и сильно подорвала концепции старого империалистического колониального «правопорядка»;

реальное движение за демократизацию международных экономических отношений неизмеримо расширилось, включив в себя молодые суверенные государства, а также различные круги общественности развитых капиталистических стран. Представляется уместным отметить, что приход новых участников в это движение неизбежно усложнил его, привнес в борьбу новые моменты, нередко не поддающиеся однозначной оценке.

Какова позиция развивающихся стран или, иными словами, какова выдвинутая этими странами программа нового международного экономического порядка (НМЭП)?

Здесь не имеется в виду излагать историю этой программы. Много написано, в том числе и в Советском

Союзе, о «платформе 77»²⁵, VI и VII специальных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, конференциях ЮНИДО, ЮНКТАД и о других международных форумах, на которых рассматривались проблемы НМЭП. Хочется лишь остановиться на некоторых, как представляется, наиболее существенных положениях платформы развивающихся стран. Схематически они могут быть представлены следующим образом:

в области *сырья* — регулирование рынков наиболее важных сырьевых товаров. Цель такого регулирования — стабилизация цен, противодействие тенденции ухудшения условий торговли для развивающихся стран, стимулирование обработки сырья в этих странах и их участия в сбыте своих сырьевых товаров. Стабилизации цен служит созданный за счет взносов импортеров и экспортеров сырья фонд, который будет финансировать накопление крупных буферных запасов сырья;

в области *торговли готовыми изделиями* — расширение доступа на рынки развитых капиталистических стран и с этой целью устранение всевозможных ограничений и барьеров — тарифных и нетарифных, вводимых в капиталистическом «центре»;

в *валютно-финансовой* области — увеличение развитыми странами процента «помощи развитию» до 0,7 своего ВВП, а также повышение доли субсидий в помощи, списание долгов с наименее развитых стран или процентов по этим долгам, улучшение старых и введение новых механизмов и программ финансирования;

в области *промышленного развития* — разработка долгосрочной политики создания производственных мощностей в развивающихся странах, исходя не из меньших издержек производства в последних, а из их потребностей, и доведение к 2000 г. доли развивающихся стран в мировом промышленном производстве до 25%. Этому должны содействовать изменение существующих юридических и других норм, регулирующих передачу научно-технических и технологических знаний из развитых в развивающиеся страны, принятие «кодекса поведения» ТНК по передаче технологии, а также реформа международной патентной системы.

В период возникновения этих требований империалистические государства попытались их игнорировать, а когда стало ясно, что это не удастся, начали интерпретиро-

вать их как проявление разных интересов развитых — вне зависимости от социально-экономического характера — и отсталых стран, стремясь тем самым притупить остроту, выхолостить антиимпериалистическое содержание борьбы бывших колоний и полуколоний за демократизацию международных экономических отношений. Линией конфронтации был провозглашен рубеж, который разделяет мир не по классовым, а по географическим признакам — между «развитым Севером» и «отсталым Югом». Одновременно декларируется «всеобщая ответственность» за отсталость стран Азии, Африки, Латинской Америки, причем эта точка зрения нашла сторонников и среди развивающихся стран.

Между тем такая позиция несостоятельна не только потому, что абсолютно не отражает реальной действительности, но и потому, что не открывает пути для истинной и всеобщей демократизации международных экономических связей.

Во-первых, следует, очевидно, исходить из сложившейся структуры всемирного хозяйства. Двучленность этой структуры определяется тем, что всемирное хозяйство составляют две экономические системы — капиталистическая и социалистическая. Конечно, нет и не может быть автаркии этих двух противоположных экономических систем — связи между ними не только существуют, но и, при возможных колебаниях, расширяются. Однако каждая система возникла в различных условиях и развивается по своим законам.

Мировое капиталистическое хозяйство обязано своим появлением превращению капитализма во всемирную систему угнетения и эксплуатации. Оно родилось в условиях раздела мира на горстку империалистических государств и огромную массу колоний и зависимых стран. Развитые ныне капиталистические государства в своем большинстве были метрополиями и обеспечивали рост своих производительных сил в немалой степени за счет выкачки ресурсов из колоний. Неоколониальная эксплуатация «периферии» мирового капиталистического хозяйства капиталистическим «центром» явилась продолжением и модификацией прежней эксплуатации колоний и полуколоний метрополиями.

Что касается мировой социалистической системы, то она сложилась в результате происшедших в ряде стран

революционных изменений, перечеркнувших зависимое положение некоторых из этих стран в прошлом. Создание мирового социалистического содружества экономически основывается на интеграционных процессах, которые сближают народные хозяйства большинства социалистических стран, делают их взаимопроникающими и не только не предполагают раздела социалистического мира на «богатых» и «бедных», на «центр» и «периферию», но, напротив, служат выравниванию уровней экономического развития всех социалистических государств. Важное средство такого выравнивания — помощь первой страны победившего социализма — Советского Союза и других социалистических государств, более продвинувшихся в своем развитии, менее развитым социалистическим странам.

Таким образом, социалистический мир «генетически» не может нести никакой ответственности за отсталость бывших колоний и полуколоний. Не несет он никакой ответственности, естественно, и за продолжающуюся неокOLONIALISTскую практику развитых капиталистических государств. Нельзя забывать и о том, что внутри мировой социалистической системы усиливаются потоки ресурсов из более развитых в менее развитые страны.

Во-вторых, перестройка международных экономических отношений не будет по-настоящему универсальной и эффективной, если она не охватит все экономические связи во всемирном хозяйстве. Но это значит, что нельзя ограничивать контекст перестройки лишь отношениями, которые существуют в мировом капиталистическом хозяйстве, — между «центром» и «периферией», как бы важна ни была данная проблема. Задача экономической деколонизации требует скорейшего решения. Однако есть и другая проблема, игнорировать которую тоже исторически непозволительно. Это дискриминация, проводимая Соединенными Штатами и рядом других развитых капиталистических стран по отношению к Советскому Союзу и многим другим социалистическим государствам. Эмбарго на поставки различных товаров по заранее подписанным соглашениям, запреты экспорта целого ряда товаров, заносимых в «черные списки», отказы на предоставление кредитов, другие формы дискриминации — все это не только давно присутствует, но на стыке 70-х и 80-х годов заняло еще большее место

в практике торговли США и некоторых других развитых капиталистических стран с Советским Союзом и другими членами социалистического содружества. Важно подчеркнуть, что отказ от такой практики поможет демократизации связей и в мировом капиталистическом хозяйстве, увеличит экономические возможности развивающихся стран.

Следовательно, борьба за подлинную демократизацию международных экономических отношений подразумевает максимальное развертывание международного экономического сотрудничества в интересах всех наций, независимо от уровня их экономического развития или принадлежности к той или иной социально-экономической системе.

В-третьих, реальный путь внедрения идей демократизации мирохозяйственных связей состоит в *одновременной* перестройке, с одной стороны, всей системы таких связей и, с другой — социально-экономической структуры большинства развивающихся стран. Идеи реальной перестройки экономических отношений в мире предполагают нечто большее, чем перераспределение мировых ресурсов в пользу развивающихся государств. Необходимы глубокие структурные реформы в мировом капиталистическом хозяйстве как в размещении производительных сил, так и в формах их общественной организации. Особое значение приобретает установление в развивающихся странах эффективного контроля над деятельностью транснациональных корпораций, а также активное содействие этим странам в создании производственного и научно-технического потенциала.

В-четвертых, невозможно согласиться и с попытками выхолостить политическое содержание борьбы за демократизацию мирохозяйственных отношений, разорвать ее тесную связь с проблемами поддержания международного мира и безопасности, разоружения и разрядки, тем более когда империализм предпринимает новые усилия, чтобы осложнить международную обстановку, оторвать национально-освободительное движение от его естественного союзника — социалистического содружества и воспрепятствовать борьбе развивающихся стран за экономическую независимость и социальный прогресс.

В предыдущей главе уже говорилось о том, как превращение бывших колоний и полуколоний из объекта в субъект истории реализовалось в структурных изменениях мировой экономики. Пожалуй, даже большее значение на современном этапе исторического развития имеет реализация этого сдвига в сфере мировой политики и международных отношений. Во всяком случае, его последствия в этой сфере проявились несравненно быстрее и намного масштабнее, тем более что политическое освобождение колоний и полуколоний предшествовало их длительной, упорной и, очевидно, еще очень далекой от завершения борьбе за экономическую самостоятельность.

Превращение бывших колоний и полуколоний в субъект международных отношений выразилось в том, что, во-первых, освободившиеся страны сами начали играть активную самостоятельную роль на мировой арене и, во-вторых, их позиция в возрастающей степени стала учитываться при выработке всех решений глобального характера.

Какое место развивающиеся страны реально занимают в политике государств двух противоположных мировых систем — социалистической и капиталистической? Каковы интересы этих стран в современной международной обстановке? Наконец, каковы главные и побочные направления активности самих развивающихся стран на мировой арене, их воздействие на мировую политическую обстановку?

Прежде чем попытаться дать ответ на эти вопросы, которые в комплексе определяют роль развивающихся стран в современных международных отношениях, необходимо остановиться на некоторых методологических проблемах.

Вопросы методологии

Научно обоснованная оценка места и роли освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости стран в мире невозможна без подхода к международным отношениям как к ряду качественно различающихся и приходящих на смену одна другой систем, без анализа закономерностей, приводящих к такой смене, без исследования законов и движущих сил развития отдельной системы.

Автор, естественно, не претендует на изложение теории международных отношений. Здесь рассматриваются лишь некоторые вопросы методологии, которые, как представляется, имеют прямое отношение к задаче, сформулированной в названии главы.

1. Становление стран Азии, Африки и Латинской Америки в качестве части мировой системы международных отношений было непосредственно связано с развитием капитализма. До образования мирового капиталистического хозяйства международные отношения никогда не имели подлинно всемирного характера: в политической сфере они существовали в виде двусторонних, реже — многосторонних связей, спорадически образовывавшихся между государствами главным образом в форме военных союзов, а в экономической сфере они выступали в форме нерегулярных торговых связей. Ни по масштабам, ни по интенсивности развития такие отношения до капитализма еще не могли быть *мировой* системой, если предполагается, что она представляет собой не арифметическую сумму внешних политик различных государств, а постоянный всемирный комплекс, развивающийся по присущим ему законам.

Сам механизм образования первой всемирной системы международных отношений predetermined характер вовлеченности в нее стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также специфику того места, которое эти страны заняли в ней. Эта система международных отношений, образовавшаяся при переходе к капитализму во всемирном масштабе, состояла главным образом из частей, представлявших собой «вертикальные» комплексы — капиталистические метрополии и их колониальные и полуколониальные владения. С переходом к высшей стадии капитализма окончательно завершилось об-

разование таких, теперь уже империалистических, колониальных комплексов — естественно, при изменении удельного веса некоторых из них. Основным противоречием этой системы международных отношений было противоречие между капиталистическими, с конца XIX — начала XX в. — империалистическими государствами. Спротивление империалистической политике со стороны народов колоний и зависимых стран в то время ни по силе, ни по размаху не могло идти в сравнение с межимпериалистической конфронтацией и открытой межимпериалистической борьбой, породившей первую мировую войну.

Между тем борьба между империалистическими государствами непосредственно не выводила за пределы капиталистического способа производства. Она была имманентна капитализму, его империалистической стадии развития. Эта борьба непосредственно не выводила и за пределы существовавшей тогда системы международных отношений. Однако рост межимпериалистических противоречий создал международную обстановку, способствующую прорыву цепи империалистического господства.

2. Изменение роли и места стран Азии, Африки и Латинской Америки на международной арене произошло не в связи с эволюцией той всемирной системы международных отношений, в которую они оказались первоначально включенными, а с *ликвидацией* этой системы и приходом ей на смену новой в результате социалистической революции в России и создания первого в мире социалистического государства. Это предопределило изменение характера основного противоречия системы международных отношений — им стало противоречие между социализмом и капитализмом. Структура новой системы международных отношений начала определяться двумя разнотипными компонентами, которые строились уже не по «вертикальному» (империалистическое государство плюс колониальные владения), а по «горизонтальному» принципу: каждая часть этой двучленной структуры включала государства однотипные по характеру господствовавшего в них способа производства и природе власти. Хотя колониальный и полуколониальный мир продолжал находиться в капиталистической части системы международных отношений, прежние колониальные узы, которы-

ми большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки были привязаны к метрополиям, после победы Великого Октября значительно ослабли, и для национально-освободительного движения наступил переломный момент.

3. Превращение стран Азии, Африки и Латинской Америки из объекта в субъект международных отношений происходило в результате процесса изменения соотношения сил между мировым социализмом и мировым капитализмом.

Прежде всего, очевидно, нужно рассмотреть категорию соотношения сил — явно непростую и неоднозначную.

Можно считать, что соотношение сил складывается (естественно, с учетом таких первичных условий, как численность населения, размер территории, географическое положение) из трех главных компонентов, или факторов, — политического, экономического, военного. Все эти факторы относительно самостоятельны, хотя и весьма взаимозависимы.

К *политическому* фактору можно отнести прежде всего широту социальной базы, внутреннюю устойчивость различных режимов, способность государств эффективно использовать людские и экономические ресурсы (так называемую организаторскую способность государства), реальную возможность принятия решений, моральное состояние и мобилизованность населения, степень и характер поддержки населением политики государств. Политический фактор включает в себя и решение проблемы союзников как по государственной линии, так и по линии поддержки политики данного государства или групп государств широкими кругами зарубежной общественности.

В полной мере к политическому фактору соотношения сил относятся чрезвычайно важные вопросы идеологического порядка. Проявляясь в опосредствованном виде через отношение большей части населения к политике различных государств, через способность данной структуры власти, обусловленной господствующей идеологией, к оптимальным формам руководства, мобилизации имеющихся возможностей, идеологические вопросы играют большую роль в процессе складывания определенного соотношения сил на международной арене.

Политический фактор сильно воздействует на экономическую и военную области, во многом предопределяя темпы экономического и военного строительства, равно как и уровень морального состояния армии и тыла.

Экономический фактор соотношения сил также действует многосторонне. В частности, от него в немалой степени зависят величина и содержание военного потенциала государств. В то же время экономический уровень и экономические возможности страны непосредственно сказываются на ее удельном весе в мировой политике, ее влиянии на развитие международных событий. Роль Японии и ФРГ в международных делах резко возросла в 60-е и 70-е годы именно в результате роста их экономического потенциала и возможностей, а не потому, что эти две страны стали перворазрядными в военном отношении.

Наиболее прямо соотношение сил выражается в *военном* факторе. Однако этот фактор исторически еще менее самостоятелен, чем другие.

Во-первых, в долговременном плане военная мощь государства зависит от его экономического развития, накопленного научно-технического потенциала, от внутренних политических условий, отражающихся на моральном состоянии не только людей, непосредственно приводящих в действие военные механизмы, но и основной массы населения, создающей тыл. Даже рывок в военном деле без адекватной экономической или политической основы не может оказать стабильного или длительного воздействия на соотношение сил.

Во-вторых, политические и экономические условия во многом играли и играют определяющую роль при принятии самого решения об использовании военной силы или о прекращении ее использования даже в том случае, если ее применение еще не обеспечило реализации заранее намеченных целей. Решение правительства США, приведшее к прекращению войны во Вьетнаме, является как раз иллюстрацией такого положения. Администрация США вынуждена была пойти на это в условиях военного тупика во Вьетнаме, неспособности США «обычными» средствами подавить героическую освободительную борьбу вьетнамского народа. Одновременно сказалась ситуация в мире, сужение возможностей для внешнеполитического маневрирования США, в том числе

в сфере их отношений с союзниками. Большую роль сыграли широкое недовольство американского народа политикой «грязной войны» во Вьетнаме, невиданный размах антивоенного политического движения в самих Соединенных Штатах.

Вместе с тем в результате широкого внедрения достижений научно-технической революции в военное дело усиливается противоречивость воздействия военного фактора на систему международных отношений. С одной стороны, создается «тупиковая ситуация», при которой значительно сокращается возможность противоборства государств двух систем военными средствами, что относительно уменьшает прямое значение военного фактора, особенно в осуществлении политики на глобальном уровне. С другой стороны, военный фактор соотношения сил при отсутствии всеобщего разоружения, чему препятствует главным образом политика Соединенных Штатов, продолжает играть важнейшую роль в обеспечении и поддержании равной безопасности сторон.

4. Различное соотношение политического, экономического и военного факторов определяет разные уровни равновесия между двумя противоположными системами на международной арене. Именно переход на эти разные уровни и способствует изменению места освободившихся стран в системе международных отношений.

В. И. Ленин подчеркивал: «Люди живут в государстве, а каждое государство живет в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия»¹. История показывает, что такое равновесие может быть более или менее стабильным для данного отрезка времени, больше или меньше подвергаться опасности нарушения, что, естественно, придает ему относительный характер. Вместе с тем оно никогда не остается неподвижным. Само существование современных международных отношений как системы, подчиняющейся определенным закономерностям, а не как хаотического нагромождения случайностей возможно лишь на основе постоянно действующего динамического равновесия двух систем. Это, естественно, не предполагает сохранения социального статус-кво в мире. Марксисты-ленинцы видят будущее человечества в победе во всемирном масштабе более высокого по сравнению с капитализмом социалистического

способа производства. Однако международные отношения не являются основной ареной борьбы за мировую победу социализма.

Первоначальное равновесие между двумя системами, сложившееся вслед за победой Октябрьской революции в России, базировалось, по существу, на одном политическом факторе. Социализм тогда мог располагать лишь серьезными политическими преимуществами перед капитализмом, имманентными новому способу производства и новому строю. Во всем остальном — и по основным экономическим показателям, и по количеству и качеству вооружений — капиталистический мир многократно превосходил первое социалистическое государство. И тем не менее империализм оказался неспособным ликвидировать Советскую власть в России, хотя такая идея им вынашивалась и предпринималась прямая военная интервенция против первого государства рабочих и крестьян.

Политический фактор, который создал основу первоначального равновесия между социализмом и капитализмом, обнаружил себя в целом ряде процессов и явлений. Он сказался в небывалом революционном подъеме в России, внутренней крепости новой, рабоче-крестьянской власти, мобилизовавшей и использовавшей огромные исторические ресурсы и возможности народов России, что было бы не по плечу никакому другому режиму. Одновременно особую роль сыграли межимпериалистические противоречия, ослабившие степень объединенных усилий капиталистического мира в борьбе с только что родившимся социалистическим государством.

Уже первая форма равновесия между социализмом и капитализмом, практически базировавшаяся на одном политическом факторе, оказала позитивное воздействие на колонии и полукolonии. Проявился «демонстрационный эффект» политических преимуществ страны социализма, которую не смогли задуть «всесильные» империалистические государства. Складывались принципиально новые, равноправные отношения Советской России со странами Востока. Стало сказываться — пусть еще не в полную силу — ослабление капитализма, вступившего в свой общий кризис.

Вслед за Октябрьской революцией прокатилась волна революционных выступлений во многих странах ми-

ра, в том числе колониях и полуколониях *, однако первое после Великого Октября столкновение социализма и капитализма завершилось наряду с победой сил социализма в Советском Союзе поражением революционных сил в ряде других стран. Началась частичная неустойчивая и противоречивая стабилизация капитализма. Но она уже не могла означать изменение соотношения сил в пользу мирового капитализма. В «Тезисах о задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ, принятых XIV конференцией РКП(б)» (апрель 1925 г.) подчеркивалось: «Если бы рядом со стабилизацией капиталистического хозяйства мы не имели роста хозяйства в СССР, или если бы рост этого хозяйства в СССР шел слишком уж медленно, или, наконец, если бы при общем подъеме хозяйства в СССР не возрастали в достаточной степени элементы социалистического хозяйства, тогда мы стояли бы перед действительной опасностью нарушения создавшегося ныне временного равновесия в пользу мировой буржуазии»².

Частичная стабилизация капитализма была сорвана глубочайшим кризисом перепроизводства 1929—1933 гг., потрясшим весь капиталистический мир. При этом кризис развивался на фоне экономического подъема в Советском Союзе, где было достигнуто быстрое восстановление дореволюционного уровня производства, а затем осуществлены коренные структурные сдвиги в экономике на базе индустриализации и коллективизации.

Курс на ускоренное экономическое развитие и военное строительство в СССР стал жизненно важным в условиях неотвратимости второй мировой войны, в кото-

* В январе 1918 г. произошли выступления рабочих в Финляндии, в августе 1918 г.—«рисовые бунты» в Японии, в ноябре 1918 г.—революции в Австрии и Германии, в марте 1919 г.—пролетарская революция в Венгрии и восстание в Корее, в апреле 1919 г.—установление советской власти в Баварии, в январе 1920 г.—революция в Турции, в сентябре 1920 г.—рабочие выступления в Италии, в марте 1921 г.—восстание рабочих в Германии, в сентябре 1923 г.—восстание в Болгарии, осенью 1923 г.—революционный кризис в Германии, в декабре 1924 г.—восстание в Эстонии, в апреле 1925 г.—восстание в Марокко, в августе 1925 г.—в Сирии, в мае 1926 г.—всеобщая стачка в Англии, в июле 1927 г.—восстание рабочих в Вене. Тот же период был отмечен восстанием в Индонезии, глубоким брожением в Индии, революцией в Китае, всколыхнувшей всю страну.

рую Советский Союз оказался втянутым в результате гитлеровского нападения в 1941 г. Несмотря на то что СССР не мог сравниться по чисто экономическим и военно-техническим характеристикам не только с капиталистическим миром в целом, но на начальных этапах войны и с гитлеровской Германией, поставившей себе на службу ресурсы всей оккупированной Европы, он выстоял, а затем и выиграл тяжелейшую войну, наголову разгромив наиболее опасные и реакционные отряды мирового империализма — фашистскую Германию и милитаристскую Японию.

После второй мировой войны и создания мировой социалистической системы начался новый этап в изменении соотношения сил между социализмом и капитализмом. В результате революционных сдвигов в странах Восточной Европы Советский Союз решил проблему классовых союзников по государственной линии. Высокая степень единства и сплоченности была продемонстрирована группой социалистических государств, объединенных Варшавским Договором и Советом Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Создалась новая база отсчета и одновременно расширилась экономическая и географическая основа, на которой более полно смогли проявиться преимущества социализма, особенно в темпах роста производительных сил.

Можно считать, очевидно, что с этого времени равновесие сил между двумя системами начало все больше основываться уже не только на политическом, но и на военном и экономическом факторах. Это делало само равновесие более устойчивым и одновременно открывало широкие возможности для активизации роли «периферийных» стран на международной арене. Появились условия, максимально благоприятствующие торжеству национально-освободительной борьбы. В результате исторически быстро произошел распад колониальной системы империализма и на ее развалинах появился целый ряд молодых суверенных государств.

Крах колониальной системы, в свою очередь, оказал значительное воздействие на соотношение сил между мировым социализмом и мировым капитализмом. Колониальные и зависимые страны, обретшие государственный суверенитет, в общем перестали быть резервом империализма. И это относится не только к тем бывшим

колониям и полуколониям, которые сразу вступили на путь социализма или приняли социалистическую ориентацию, но и к тем из них, в которых после завоевания политической независимости началось или было продолжено развитие капитализма в качестве ведущего уклада экономики.

В отношении первой группы стран этот вывод совершенно очевиден, в отношении второй — требует некоторого пояснения. Казалось бы, развитие капитализма в бывших колониях и полуколониях должно дать импульс для укрепления мирового капитализма, расширяя его географические рамки. Но так могло бы произойти в случае, если бы противоречия между молодыми государствами, развивающимися по капиталистическому пути, и империалистическими государствами не выходили за рамки «обычных», «традиционных» противоречий между различными капиталистическими странами (или группами стран), скажем между США и Канадой либо Францией и Люксембургом. На самом же деле развитие ряда бывших колониальных и полуколониальных стран по капиталистическому пути во многих случаях не снимает антиимпериалистической направленности или хотя бы антиимпериалистических тенденций в их политике. Характерный пример в этом плане — антиимпериалистические тенденции в политике Индии.

Особое значение для всей системы международных отношений и, естественно, для изменения места и роли в этой системе развивающихся стран имело установление в 70-х годах военно-стратегического паритета между СССР и США. В ответ на наращивание Соединенными Штатами гонки ракетно-ядерных вооружений Советский Союз создал ракетно-ядерный щит, ограждающий безопасность СССР и его союзников. США вынуждены были признать стратегический паритет с Советским Союзом. Создалась реальная возможность перехода к политике разрядки международной напряженности, к внедрению принципов мирного сосуществования государств двух противоположных систем как главного направления развития международной обстановки в целом.

Это имело принципиальный смысл для освободившихся стран, так как по сравнению с периодом жесткого блокового противостояния давало им гораздо больше возможностей для расширения своего участия в миро-

вых делах, решении общечеловеческих проблем, определении судеб мира. Разрядка международной напряженности создавала также реальные препятствия на пути тех сил, которые в условиях жесткого блокового противостояния, общей международной напряженности использовали ситуацию для экспорта контрреволюции в освободившиеся страны. Наконец, разрядка открывала большие перспективы для тех тенденций и процессов, которые способствуют росту экономического потенциала развивающихся стран, улучшению их положения в системе мирохозяйственных связей и через все это повышению их роли в системе международных отношений.

При этом практика полностью подтвердила, что реализация принципов мирного сосуществования ни в коей мере не блокирует развития социальных процессов, ибо развитие общества, предполагающее кардинальные социально-экономические и политические изменения, немолимо.

Отход от разрядки международной напряженности, происшедший на стыке 70-х и 80-х годов по вине США, явно ухудшил международную обстановку в целом и для развивающихся стран в частности. Однако следует, очевидно, подчеркнуть, что этот отход был вызван именно авантюристической политикой наиболее агрессивных кругов США, а не вытекал из изменения соотношения сил в пользу Соединенных Штатов и что при сохранении военно-стратегического равновесия он не может стать на длительный период *главной* тенденцией развития международной обстановки. Сложившееся равновесие объективно требует возврата на путь разрядки международной напряженности, строительства отношений двух противоположных систем на основе одинаковой безопасности сторон, внедрения практики снижения уровня военно-стратегического баланса при соблюдении и гарантиях такой безопасности. Установившийся паритет военно-стратегических сил, таким образом, является объективной основой для стабилизации мирных форм соревнования между двумя противоположными общественно-политическими системами, а попытки его нарушить в пользу империализма явно противоречат интересам всего человечества, включая и его большую часть — население развивающихся стран. (Все это, естественно, отнюдь не умаляет той реальной угрозы для

дела мира и безопасности народов, которую порождает авантюристическая политика администрации США в начале 80-х годов.)

5. Образование социалистического содружества государств после второй мировой войны и крах колониальных и полуколониальных режимов привели к весьма серьезным *структурным* сдвигам в системе международных отношений, благоприятным для освободившихся стран. Начали меняться отношения между развитыми капиталистическими странами и их бывшими колониальными и полуколониальными владениями, вставшими на путь самостоятельного государственного развития. Расширились и углубились связи бывших колониальных и полуколониальных стран с социалистическими государствами, что нашло отражение в различных областях международной жизни.

В создавшейся ситуации, очевидно, уже неправильно было бы считать структуру *системы международных отношений* по-прежнему двучленной. Освободившиеся страны, выступающие как определенная историческая общность, образовали третью подсистему международных отношений.

Вместе с тем наличие теперь уже трех компонентов системы международных отношений не изменило характера ее основного противоречия — между социализмом и капитализмом. Логика развития этого противоречия в мировом масштабе предопределяет в конечном счете и основные процессы в группе освободившихся стран. Это находит воплощение, в частности, в тех внешнеполитических успехах, которых добиваются эти страны в обеспечении и защите своей независимости, своих национальных интересов, равно как и в размежевании, дифференциации классовых сил в самой группе освободившихся стран. Борьба между социализмом и капитализмом в мировом масштабе была и остается тем стержнем, вокруг которого развиваются события, влияющие на все стороны международной жизни, на весь процесс развития международных отношений.

Полностью не соответствуют реальности схемы и концепции левацких теоретиков, которые провозгласили тезис о «перемещении» после второй мировой войны узлового пункта мировых противоречий в сферу отношений между империализмом, с одной стороны, и угнетен-

ными народами Азии, Африки и Латинской Америки — с другой, а также между самими империалистическими государствами. Слов нет, после второй мировой войны действительно углубились и усилились противоречия между империализмом и национально-освободительными силами, так же как и внутри империалистического лагеря. Но не выдерживает никакой критики попытка на основании этого выводить закономерность, согласно которой в эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе узловой пункт мировых противоречий якобы не имеет отношения к существованию и борьбе мировой социалистической системы — главного завоевания международного рабочего класса.

Такая оценка, во-первых, полностью игнорирует тот факт, что широкое развертывание национально-освободительных движений, их успех в антиимпериалистической борьбе были бы попросту немыслимы без общего изменения соотношения сил двух противоположных общественно-политических систем в пользу социализма и в ущерб капитализму, без прямой и косвенной поддержки национально-освободительных движений социалистическими государствами.

Во-вторых, эта оценка односторонне трактует положение в капиталистическом мире. Конечно, антиимпериалистические противоречия сохраняют свое значение: их обострение, в основе которого лежит действие закона неравномерности развития капитализма, порождало и порождает конфликты между капиталистическими странами. Однако международные отношения внутри капиталистической их подсистемы обуславливаются развитием не только этой одной тенденции — на разъединение, конфликты, но и второй — на объединение всех ресурсов и возможностей капиталистических стран прежде всего для борьбы с мировым социализмом. «...В целом сегодня, в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма, происходит известное перемещение центра тяжести стратегии империализма на мировой арене. Политика империализма все в большей мере определяется классовыми целями общей борьбы против мирового социализма, национально-освободительных революций и рабочего движения»³, — подчеркивал Л. И. Брежнев.

Отказ от классовой оценки основного противоречия эпохи привел Мао Цзэдуна и его последователей к ан-

тимарксистскому толкованию структуры современной системы международных отношений, согласно которому один из компонентов этой структуры якобы составляют две «сверхдержавы» — СССР и США; другой — все остальные развитые страны (и социалистические и капиталистические вперемежку); третий — все слаборазвитые страны (к их числу отнесены и некоторые социалистические государства).

Такая концепция не отличается или мало отличается от схем и моделей, предлагаемых многими западными буржуазными учеными. Их модели разных систем международных отношений тоже, как правило, игнорируют социально-экономические характеристики государств, взаимодействующих на мировой арене.

Это полностью относится и к западным теориям «биполярного» и «многополярного» миров.

Существование (включая различные формы конфронтации и сотрудничества) двух сильнейших в экономическом и военном отношении держав мира — Советского Союза и Соединенных Штатов — послужило основанием для ряда западных авторов провозгласить биполярность мира, которая рассматривается ими на чисто государственно-национальном уровне. Между тем такая биполярность является вторичной по своему содержанию, лишь отражающей поляризацию современного мира на две противоположные общественно-политические системы.

На таком же чисто государственно-национальном уровне преподносится и явление полицентризма. Действительно, в конце 60-х — 70-х годах в капиталистической подсистеме международных отношений намного четче, чем прежде, обозначились различные «центры силы». Это было одним из выражений действия закона неравномерности развития капитализма. Если в 1950 г. объем промышленной продукции США более чем в 2 раза превышал суммарную промышленную продукцию стран Западной Европы и Японии, то к началу 80-х годов доля США в капиталистическом промышленном производстве упала до 28,8%, тогда как доля стран Западной Европы и Японии составила 47,1%⁴. Однако рост экономического потенциала Западной Европы и Японии не сопровождался утратой США своих доминирующих в капиталистическом мире позиций в военно-политической

области, что позволяет им сохранять положение гегемона в капиталистической подсистеме международных отношений, как правило, навязывать свои решения по принципиальным вопросам другим капиталистическим государствам.

Это важно подчеркнуть и как аргумент в пользу того, что тенденция к полицентризму в капиталистическом мире создает мало реальных возможностей для политического маневрирования развивающихся стран с целью защиты своих национальных интересов. Данный вывод подкрепляется также тем, что тенденция полицентризма нашла выражение и в создании «мини-центров силы» в мире развивающихся стран, своеобразных «субимпериалистических очагов», о которых подробно уже говорилось. При сохранении противоречий с развитыми капиталистическими государствами такие «мини-центры» сами нередко превращаются в опорные пункты политики империалистических держав.

В 60—70-х годах в связи с резко обозначившейся гегемонистской направленностью внешней политики Китая на Западе стали распространяться утверждение о еще одном «самостоятельном политическом центре» в системе международных отношений. При этом образование «китайского центра» выводилось из действия якобы универсального для всего мира полицентризма, развивающегося вне зависимости от социально-политических структур подсистем международных отношений. Между тем отход Китая от общей линии социалистического сотрудничества, основанной на идеологическом и политическом единстве, был порожден не закономерностями развития мировой системы социализма, а субъективным фактором — политикой пекинского руководства, пришедшей в противоречие именно с объективными требованиями развития мировой системы социализма, мирового революционного процесса. В Китае явно обозначилось несоответствие между объективными процессами, обусловленными господством общественной собственности на средства производства, и волюнтаристским, авантюристическим, гегемонистским курсом руководства страны. Это противоречие в своем движении может привести и неизбежно приведет либо к перерождению общественно-политического строя, социально-экономического характера государства, либо к ломке того поли-

тического курса, который не соответствует объективным потребностям развития социализма в Китае.

Совершенно естественно, что отход КНР от общей линии социалистических государств не отвечает коренным интересам борьбы против империализма и поэтому ослабляет позиции освободившихся стран. Такой отход ведет к смыканию политики КНР с империалистическим курсом, усиливает тенденцию к распространению конфликтных ситуаций на Востоке.

Освободившиеся страны в контексте отношений двух противоположных систем

Процесс превращения освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости стран в субъект международных отношений происходил и продолжается в контексте отношений двух противоположных общественно-политических систем на международной арене. Освободившиеся страны, естественно, не могли быть отгорожены и не отгорожены от противоборства и сотрудничества социалистической и капиталистической систем, что, безусловно, сказывалось и сказывается на месте этих стран в международных отношениях.

Представляется, что наиболее негативное воздействие на международное положение освободившихся стран оказывают два деструктивных процесса — инспирируемая США гонка вооружений, порождающая угрозу термоядерной войны, и межгосударственные региональные конфликты, тяготеющие к перерастанию в вооруженные столкновения в глобальном масштабе.

Эти два процесса развиваются на разных уровнях и имеют в значительной степени несовпадающие причины.

Гонка вооружений, как известно, была порождена стремлением империализма «отбросить», задушить мировой социализм, затормозить процесс социального освобождения народов. Региональные конфликты имеют значительно более широкий спектр причин. Некоторые такие конфликты вызваны тем, что границы колоний искусственно разделили отдельные племена, народности, а возникшие на их территориях молодые государства унаследовали эту тяжелую проблему колониального периода; другие — связаны с разной обеспеченностью

сырьевыми, природными богатствами или с необходимостью транспортировки сырья по территории соседних стран; третьи — порождены захватнической политикой расистских или диктаторских режимов отдельных государств, находящихся в союзе с империализмом; четвертые — провоцируются гегемонистскими притязаниями Китая.

В гонке вооружений участвуют в первую очередь великие державы, а в региональных конфликтах — различные, в том числе и небольшие, государства. Гонка вооружений, во всяком случае по наиболее сложным видам и системам оружия, разворачивается на глобальном уровне, а региональные конфликты, особенно в начальной фазе, — как правило, на узком межгосударственном уровне.

Вместе с тем, несмотря на все эти различия, два процесса — гонка вооружений и региональные конфликты — тесно связаны между собой, взаимозависимы, оказывают друг на друга все возрастающее влияние.

Гонка вооружений создает общую обстановку, органически способствующую расширению региональных конфликтов в условиях все большего вовлечения в них великих держав. Она объективно ведет к опасному развитию региональных конфликтов, резкому усилению их угрозы всеобщему миру.

Динамика гонки вооружений вызывает соответствующие изменения в политической международной атмосфере: усиление гонки вооружений тормозит процесс политической разрядки международной напряженности; в то же время даже небольшое сокращение гонки вооружений способно привести к смягчению напряженности, снижению накала региональных конфликтов.

Как показывает развитие событий после второй мировой войны, гонка вооружений непосредственно связана с изменением концептуального подхода Соединенных Штатов к международной обстановке, порождающим тенденцию использования ими региональных конфликтов против освободившихся стран. В этом плане представляет несомненный интерес рассмотрение «цепочки»: гонка вооружений — эволюция военной стратегии США — изменение места межгосударственных региональных конфликтов в общей американской стратегии.

В 50-х годах основу военной политики США состав-

ляла стратегия «массированного возмездия». Она ориентировалась на крайние формы реализации военной силы Соединенных Штатов и их союзников в международных отношениях. Правящие круги США однозначно исходили тогда из концепции подготовки всеобщей ядерной войны против Советского Союза и других социалистических стран, что вылилось в попытки окружить Советский Союз системой военных блоков. Создание СЕНТО, СЕАТО, шаги, направленные на вовлечение развивающихся стран в эти блоки, были связаны с американским представлением о регионах, прилегающих к советской территории, как о будущих театрах военных действий против СССР.

Чтобы не допустить нейтрализма развивающихся стран, расположенных в этих регионах, в конфронтации США с Советским Союзом и тем более налаживания ими дружественных отношений с СССР, Соединенные Штаты искусственно разжигали межгосударственные противоречия. В районе Ближнего Востока США делали ставку на использование не только арабо-израильского конфликта (полностью поддерживая экспансионистскую, агрессивную политику Израиля), но и ряд других конфликтов. Так, с помощью сирийско-турецкого конфликта США пытались сбросить антиимпериалистический режим в Дамаске; гражданской войны в Ливане — сдержать распространение насеровского антиимпериалистического опыта; египетско-иракского конфликта — не допустить сплочения двух государств; египетско-сирийских противоречий — ликвидировать объединенное государство. Многие из этих конфликтов использовались США и как предлог для наращивания американского военного присутствия в районе.

К концу 50-х — началу 60-х годов Советский Союз создал сильный ракетно-ядерный потенциал, защитивший безопасность социалистического содружества и лишивший США былой неуязвимости. В создавшихся условиях в 1961 г. в Вашингтоне было объявлено о принятии военной стратегии «гибкого реагирования», которая допускала в отличие от предыдущей ступенчатость в развитии конфронтации с СССР и другими социалистическими странами — от переговоров «с позиции силы» до подхода к «критическому порогу», за которым начинается мировая ядерная война.

Признавая ядерную войну угрозой для существования всего человечества, в том числе, естественно, и капиталистического мира, авторы доктрины «гибкого реагирования» делали акцент на ведение ограниченных, или локальных, войн. Стратегия «гибкого реагирования» позже была дополнена положениями так называемой гуамской доктрины, или «доктрины Никсона», предусматривающей активизацию в этих локальных, ограниченных войнах зависимых от Вашингтона или просто марионеточных режимов.

При прямом участии США были развязаны войны во Вьетнаме, Лаосе, Кампучии. США поставили перед собой задачу с помощью этих войн задушить революционные силы в Индокитае, исключить возможность создания социалистического государства на территории всего Вьетнама. Преследуя эту цель, США не остановились перед бомбардировками с воздуха и моря территории Демократической Республики Вьетнам — оплота антиимпериалистических сил в регионе.

На Ближнем Востоке США сделали основную ставку на безудержное вооружение Израиля и нанесение с его помощью ударов по антиимпериалистическим арабским режимам. Постоянно действующий фактор угрозы со стороны Израиля и периодическая реализация этой угрозы рассматривались Соединенными Штатами как важнейшее средство, призванное обеспечить развитие арабских стран под американским контролем, исключаящим укрепление их отношений с Советским Союзом.

Когда к началу 70-х годов Вашингтон был вынужден признать значительно возросший оборонный потенциал Советского Союза, президент Соединенных Штатов в своем послании конгрессу в 1971 г. провозгласил еще одну модификацию американской стратегии — новую доктрину «сдерживания», или «устрашения». Подчеркивалось, что наряду с конфронтацией одним из элементов стратегии являются переговоры, но «с позиции силы», при оказании давления на другую сторону посредством гонки вооружений.

Вместе с тем в начале 70-х годов стали давать себя знать и реалистические ростки в политике ряда западноевропейских стран и США, обусловленные качественно новым соотношением сил двух противоположных общественно-политических систем. Это создало условия

для отхода от «холодной войны» и внедрения в отношения между государствами противоположных систем принципов мирного сосуществования. Были сделаны позитивные шаги, ведущие к разрядке международной напряженности, некоторому сокращению гонки вооружений.

В таких противоречивых условиях появились новые моменты, связанные с использованием региональных конфликтов американской политикой.

Согласно распространенной в США теории, различаются две фазы американского подхода к региональным межгосударственным столкновениям: первая — «контроль», «управление» (controlling, management), включающая кризисную дипломатию; вторая — «урегулирование» (solution). Есть основания считать, что в 60-х годах американская политика особое внимание обращала на фазу контроля. При этом фактически ставилась задача не только воспрепятствовать перерастанию конфликта в глобальное термоядерное столкновение, но и обеспечить такое его развитие, которое способствовало бы укреплению позиций США и недопущению роста влияния СССР в регионе. Одним из важных средств для реализации этой второй части задачи стали поставки американского оружия прозападным или просто марионеточным режимам, участвующим в межгосударственных конфликтах. Другим средством была многосторонняя политическая и дипломатическая активность в поддержку этих режимов, а нередко и стимулирование их агрессивных действий против соседних государств. Видные американские специалисты по контролю конфликтных ситуаций не исключали даже того, что США в своих интересах должны «интенсифицировать» подобные конфликты при отсутствии «высокой степени риска» столкновения с Советским Союзом⁵.

В 70-е годы США сохранили функции политики контроля конфликтов, упомянутые выше. Так, они целенаправленно провоцировали перевод конфликта между Анголой и некоторыми ее соседями в кризисную стадию. Соединенные Штаты и другие империалистические государства пытались погреть руки и на разжигании конфликта на Африканском Роге — между Сомали и Эфиопией. В этом случае, как и во многих других, крайне негативную роль сыграли либо санкционированные, либо

инспирируемые через третьи страны, либо тайно осуществляемые поставки американского оружия в конфликтную зону.

Одновременно с таким контролем конфликтных ситуаций или управлением ими Соединенные Штаты в 70-е годы, особенно с переходом к стратегии «реалистического сдерживания», предусматривающей, в частности, и переговоры «с позиции силы», стали уделять гораздо большее, чем раньше, внимание обеспечению выгодного для себя урегулирования конфликтов. Дипломатия США предприняла серию мер для воздействия на процесс урегулирования на Ближнем Востоке с целью укрепления американских позиций. Суть этих мер — недопущение комплексного решения, которое предполагает участие всех заинтересованных сторон и учет их интересов. Именно такую задачу США решали с помощью частичных шагов, сепаратного израильско-египетского договора, подготовленного американской дипломатией. С самого начала кэмп-дэвидский процесс был направлен в русло, которое не вело к всеобъемлющему урегулированию. Он был призван вывести Египет из борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 г. и тем самым ослабить позиции арабов, облегчить Израилю осуществление аннексионистской политики. После подписания соглашения с Египтом правительство Бегина провозгласило свой категорический отказ пойти на создание независимого палестинского государства, объявило «вечной» столицей Израиля весь Иерусалим, включая захваченную в 1967 г. его восточную часть, повело дело к безудержному росту числа израильских поселений на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы, а в дальнейшем перешло и к таким акциям, как аннексия Голанских высот — неотъемлемой части территории Сирии.

На рубеже 70—80-х годов Соединенные Штаты перешли к подрыву разрядки международной напряженности. Их усилиями подстегнута гонка вооружений. Развилась тенденция милитаризации политики США. Все это отразилось и на их подходе к конфликтам, который в еще большей степени диктуется военно-политическими соображениями самых реакционных кругов США и часто непосредственно служит увеличению американского военного присутствия в конфликтной зоне.

Если говорить о дополнительных функциях, которые приобрели для США региональные конфликты в этой обстановке, то, очевидно, следует сказать и о возросшем стремлении американской администрации «увязывать» в своих интересах различные по характеру и результатам ситуации в мире. В лексиконе американских политиков утвердился термин linkage (увязывание). Так, США прекратили в одностороннем порядке переговоры с Советским Союзом об отказе от создания военных баз в зоне Индийского океана, связывая свое решение с неблагоприятными для них переменами в Африке. Администрация США использовала ввод ограниченного военного контингента СССР в Афганистан по просьбе афганского правительства и на основе советско-афганского договора как повод для замораживания ратификации соглашения ОСВ-2 в конгрессе.

Особое место, которое в американской стратегии отводится региональным конфликтам, вытекает также из типичного для США подхода к проблеме стабилизирующих и дестабилизирующих международную обстановку факторов. К первым в США, как правило, относится все то, что служит укреплению американских позиций и влияния, а в разряд деструктивных, дестабилизирующих явлений и процессов зачисляется все то, что не служит этому или не будет служить в будущем.

Характерен пример с реакцией США на свержение иранского шаха. Оно было объявлено событием, дестабилизирующим общую обстановку в районе, а затем последовало возрождение «комплекса», который во время войны во Вьетнаме выражался в разглагольствованиях о некоем «домино»: стоит США, дескать, проиграть в одной стране, как на очереди будет их поражение в другой. По аналогии события в Иране стали искусственно сцепляться, причем не только в статьях американских журналистов, но и в речах официальных представителей администрации США, с событиями в Анголе, Эфиопии, Афганистане, выстраиваться в единую «кризисную дугу», или «дугу нестабильности». Эта «теория», созданная помощником президента Картера по вопросам национальной безопасности З. Бжезинским, была положена в основу военной активизации Соединенных Штатов в мире, прежде всего в районе Красного моря, Персидского залива, Ближнего Востока.

Можно считать, что при администрации Рейгана закончился процесс «излечения» США от «вьетнамского синдрома». В Вашингтоне получили «гражданство» следующие концептуальные положения:

«сдерживание» на глобальном уровне недостаточно для обеспечения национальных интересов США;

в число средств, которые могут быть использованы Соединенными Штатами, должна включаться «ограниченная ядерная война»;

необходимо создание потенциала для ведения двух — двух с половиной войн одновременно, включая «полную войну» на Ближнем и Среднем Востоке (такую военную доктрину провозгласил рейгановский министр обороны Уайнбергер).

Обобщая, можно сказать, что администрация Рейгана сделала крен в сторону конфронтации с Советским Союзом одновременно на глобальном и на региональном уровнях. Ужесточение американского курса отражало также стремление наиболее реакционных кругов США через отход от процессов разрядки остановить опасные для Вашингтона сдвиги в социально-политическом развитии большой группы стран Азии, Африки и Латинской Америки.

При администрации Рейгана получила свое дальнейшее развитие линия на создание коалиционных антисоветских связей — дополнительно к натовским. Особое место в этом плане заняла политика сближения США с Китаем при снятии ограничений на поставки американского оружия в КНР. Все более четко обозначаются шаги, направленные на использование в конфронтации с СССР Японии, причем ряд американских политиков явно делает ставку на создание антисоветского коалиционного «треугольника» в составе США, Японии и Китая.

Процесс нормализации отношений США с КНР, начавшийся при Никсоне и продолженный последующими администрациями США, был явно подчинен американским военно-политическим интересам. Не случайно, что в связи с ним США получили возможность увеличить свое военное присутствие в Азии, от чего они вынуждены были отказаться после поражения в «грязной войне» во Вьетнаме. Известно, например, что США провозгласили было решение о выводе значительной части своих

вооруженных сил с территории Южной Кореи и подготовка к этому действительно началась. Но затем, вслед за нормализацией отношений Вашингтона с Пекином, она была остановлена. Аналогичный пример с американскими базами на Филиппинах, вопрос о сохранении которых оставался открытым после провала военной авантюры США во Вьетнаме. Вслед за нормализацией американо-китайских отношений начались интенсивные переговоры США с Филиппинами, и в результате появилось соглашение о новой аренде Соединенными Штатами на 5 лет базы Кларк-Филд и военно-морского комплекса в бухте Субик-Бей, где, кстати, базировалось авианосное соединение, переброшенное в Персидский залив во время кризиса 1980 г., связанного с американскими заложниками в Иране.

Администрация Рейгана раздула гонку вооружений, включая производство нейтронного и химического оружия, крылатых ракет, усовершенствование всех систем доставки ядерного оружия. Особое внимание стало уделяться обычным вооружениям с целью оснащения сил, предназначенных для «быстрого развертывания» в условиях тех или иных конфликтных ситуаций.

Параллельно в США заговорили о втором издании стратегии «гибкого реагирования». Однако было бы, очевидно, неправильным считать это просто возвращением к прежней доктрине. В начале 60-х годов еще не было разрядки международной напряженности, как таковой, лишь складывался стратегический паритет между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В конце же 70-х — начале 80-х годов, т. е. в последние годы нахождения у власти Картера и при Рейгане, США активизировали линию на военно-политическую вовлеченность в региональные конфликты, усиление военного присутствия в различных частях света уже в условиях совершаемого ими отхода от политики разрядки на глобальном уровне, попыток нарушить военно-стратегический баланс с Советским Союзом. Таким образом, опасности, связанные с внешнеполитическим курсом США, неизмеримо возросли. Об этом свидетельствуют хотя бы утверждения американских стратегов о якобы имеющейся возможности вести «ограниченную» ядерную войну, иными словами, построить непреодолимую стену между такой «локализованной» и тотальной ядерной войной.

Министр обороны США К. Уайнбергер назвал новую американскую стратегию «прямым противоборством» с СССР, подчеркнув, что оно должно осуществляться одновременно в глобальном и региональном масштабе. Эта стратегия, проявившаяся на новом витке гонки вооружений и на новом этапе отношений с СССР, предполагает основной упор на резкую активизацию американской политики в различных регионах. С учетом этого перво-степенное значение для США приобретает их постоянное военное присутствие в соответствующих зонах, а также создание условий на месте для «быстрого развертывания» американских воинских контингентов.

По мере модификации стратегии США и в связи с переходом к курсу «прямого противоборства» с СССР усиливалась и усиливается взаимосвязь и взаимозависимость между американскими действиями по подготовке конфронтации на глобальном уровне и активизацией региональных военно-политических акций. Это нашло отражение в возрастающем стремлении Вашингтона использовать международные конфликты в своих стратегических интересах.

Примечателен подход США к региону Ближнего Востока и Персидского залива. Весь этот район был объявлен «третьей стратегической зоной» США наряду с европейской и тихоокеанской. В расчете на открытое вмешательство США был провозглашен план создания специальных сил в этой «третьей зоне» в составе трех армейских дивизий, четырех авиационных полков по 72 самолета в каждом, двух авианосных десантных групп и 50 тыс. морских пехотинцев⁶. Для обеспечения развертывания на месте этих сил, а также предоставления соответствующих возможностей ВМФ Соединенных Штатов Вашингтон в начале 80-х годов стал усиленно добиваться баз в Омане, Сомали, Кении, Египте. Была увеличена американская военная помощь не только Израилю, но и ряду арабских консервативных режимов. В связи с кэмп-дэвидской сделкой США впервые добились постоянного военного присутствия в районе, составив из своих солдат костяк так называемых «многонациональных сил», призванных контролировать египетско-израильскую границу на Синае.

Новые военные акценты в американской политике отразились и на отношении США к проблеме урегулиро-

вания ближневосточного конфликта. Основной стала линия на сближение Израиля с консервативными арабскими режимами, и, в частности, с этой целью американские политики взяли курс на создание на Ближнем Востоке обстановки «ни большой войны, ни всеобщего мира».

Таким образом, сами стратегические концепции США, базирующиеся на гонке вооружений, способствуют искусственному возникновению или разжиганию межгосударственных региональных конфликтов. Существует и обратная связь: конфликтные ситуации, нередко стимулируемые или непосредственно создаваемые США на региональном уровне, используются для усиления гонки вооружений.

Одним из каналов, по которым обеспечивается взаимопровоцирующее влияние гонки вооружений и региональных конфликтов, является империалистическая торговля оружием.

Во-первых, модернизация вооружений и переход к новым системам оружия постоянно высвобождают морально устаревшие образцы и порождают стремление к их продаже за рубеж для получения дополнительных финансовых средств, которые, в свою очередь, используются также для продолжения гонки вооружений (образуется замкнутый круг).

Во-вторых, гонка вооружений вызывает искушение испытать новые образцы и типы оружия, так сказать, в полевых условиях, что стимулирует их поставки странам-«клиентам», вовлеченным в межгосударственные конфликты. В частности, и с этим были связаны поставки американского вооружения Южному Вьетнаму во время «грязной войны» в Индокитае. Этот мотив играет определенную роль в поставках американского оружия и Израилю.

В-третьих, гонка вооружений стимулирует создание арсеналов оружия в различных районах мира с целью их задействования при «ситуации X», которая может возникнуть в условиях конфронтации США и их союзников с СССР и другими странами социалистического содружества. Создание таких арсеналов осуществляется тоже посредством торговли оружием. В американской печати публиковались комментарии, в которых утверждалось, что продажа Соединенными Штатами оружия

шахскому Ирану была альтернативой трудной в военных условиях переброске вооружений к границам СССР: легче, дескать, перебросить только живую силу.

В-четвертых, гонка вооружений способствует созданию военной промышленности в странах — «клиентах» США и ряда государств Западной Европы в Азии, Африке, Латинской Америке и превращению некоторых из этих стран, в свою очередь, в экспортеров оружия. Характерно, что в тех случаях, когда из-за резкой оппозиции общественного мнения сами США не решаются поставлять вооружение тем или иным реакционным режимам, вовлеченным в конфликт со своими соседями, эту функцию нередко выполняют именно страны, в которых с западной помощью был создан военно-промышленный потенциал, например Израиль.

Следует особо подчеркнуть, что гонка вооружений на глобальном уровне стимулирует не только количественную, но и качественную гонку вооружений на региональном уровне, прежде всего в странах, расположенных в «горячих точках». Ракеты «земля — земля» и «воздух — земля» производятся, например, в Израиле, ЮАР, Пакистане, на Тайване. В случае продолжения гонки вооружений на глобальном уровне, при отсутствии шагов по ее ограничению речь может уже идти и о производстве крылатых ракет во многих странах, имеющих авиационную промышленность. Это привносит новый элемент, еще больше усиливающий опасность региональных конфликтов.

Продолжающаяся гонка вооружений породила и развивает тенденцию распространения ядерного оружия, приобщения к нему ряда государств и режимов, главным образом тех, которые участвуют в региональных конфликтах. Среди них в первую очередь следует назвать Израиль, Пакистан, ЮАР, Южную Корею, Тайвань.

Расползание ядерного оружия всегда расценивалось как обстоятельство, чреватое усилением региональной напряженности, осложнениями для прогресса в области разоружения и обеспечения мира, риском возникновения ядерной войны. В свое время это побудило большинство государств к согласованным действиям, результатом которых явился Договор о нераспространении ядерного оружия.

Однако в условиях продолжающейся гонки вооруже-

ний не обеспечены ни универсализм, ни неукоснительность в соблюдении режима нераспространения. Опасность для дела мира в этой связи со временем не уменьшается, а нарастает, так как по мере промышленного и научно-технического прогресса все ниже становятся когда-то считавшиеся непреодолимыми экономические и технические барьеры на пути распространения ядерного оружия.

Положение усугубилось с обострением энергетического кризиса, когда усилилось внимание к освоению ядерных источников энергии. Одновременно с прогрессом мирной атомной энергетики (переход к реакторам на быстрых нейтронах, к новым, более экономичным способам обогащения урана и т. п.), с ростом мировой торговли ядерными материалами и оборудованием, увеличением масштабов применения ядерной энергии возрастают возможности накопления расщепляющихся материалов, создания производственных мощностей, необходимых для изготовления ядерного оружия.

Приходится констатировать рост потенциальной угрозы переключения атомной энергетики на производство ядерного оружия, особенно в тех странах, где активно действуют милитаристские силы и существуют реальные политические условия для развертывания военных приготовлений в ядерной области. «Появление нескольких „малых ядерных держав“, — писал в этой связи американский эксперт по международным отношениям, бывший сотрудник Совета национальной безопасности США М. Гахин, обязательно породит: 1) осложнения в осуществлении международного или регионального ограничения ядерного оружия; 2) нечто не изведенное до сих пор — возможную передачу ядерных способностей другим странам или группам стран; 3) определенный риск, включая увеличение возможности технических происшествий, несанкционированного использования „превентивно-хирургических“ военных действий и провокационной атаки, осуществляемой третьей страной»⁷.

В связи с реальной перспективой опасного расползания ядерного оружия еще большее значение приобретает борьба за принятие на национальном и международном уровнях самых серьезных мер, направленных на укрепление роли Договора о нераспространении ядерного оружия, повышение его эффективности, максималь-

ное расширение числа государств-участников. В условиях бурного развития атомной энергетики настоятельно необходимым становится применение предусмотренной этим договором системы контроля, назначение которой состоит в том, чтобы не допустить переключения расщепляющихся материалов из мирной сферы на создание ядерного оружия. Отсутствием должного контроля пользуются те страны, которые начинают втайне производить ядерное оружие, например Израиль, отклонивший инспекцию МАГАТЭ своих реакторов*. Соединенные Штаты косвенно поощряют такую позицию, ибо не применяют к Израилю (эта же линия была принята в начале 80-х годов и в отношении Пакистана) американские законы, не разрешающие США оказывать помощь странам, которые отказываются подчиняться международным регламентациям, препятствующим распространению ядерного оружия.

Итак, в начале 80-х годов резко возросла активность реакционных, милитаристских сил, пытающихся ликвидировать положительные результаты, накопленные с таким трудом человечеством за десятилетие разрядки международной напряженности.

Диаметрально противоположна линии Соединенных Штатов политика Советского Союза. К моменту обретения политической независимости рядом колоний и полукolonий Советский Союз уже был одним из сильнейших в военном отношении государств и, естественно, от его позиций и политики во многом зависела реальная международная обстановка. Одержав победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, СССР последовательно ориентировался на две главные внешнеполитические цели, находящиеся в диалектическом единстве: первую — упрочение мира и безопасности народов и вторую — поддержка национально-освободительных и революционных движений и процессов. Свои отношения с развитыми капиталистическими странами Советский Союз стремился строить на основе принципов мирного сосуществования, предполагающих отказ от решения спорных вопросов между государствами с по-

* Вместе с тем Израиль полностью игнорировал результаты проведенной МАГАТЭ инспекции реактора, расположенного вблизи иракской столицы (свидетельствовавшие о его использовании в мирных целях), и нанес по нему в 1981 г. удар с воздуха.

мощью применения военной силы, а также позитивные меры по развитию экономических и культурных связей между странами, принадлежащими к двум противоположным общественно-политическим системам.

В результате действий империалистических кругов по подстегиванию гонки вооружений для «отбрасывания» социалистического мира, а также для ликвидации завоеваний антиколониальной борьбы в мире освободившихся стран Советский Союз вынужден был в целях собственной обороны и обороны своих союзников и друзей количественно увеличивать и качественно совершенствовать свое вооружение. При этом СССР осуществлял именно *вынужденные* меры, не будучи ни в одном случае инициатором перехода к новым системам оружия массового уничтожения или средств его доставки.

Когда был установлен советско-американский военно-стратегический паритет, СССР отчетливо и осознанно повел дело к снижению его уровня при обеспечении одинаковой безопасности сторон. Это было и остается единственной альтернативой взвинчиванию спирали гонки вооружений.

Что касается международных конфликтов, то Советский Союз всегда исходил из необходимости их урегулирования на справедливой основе, не подчиняя свою позицию задачам глобального противоборства с Соединенными Штатами. На XXVI съезде КПСС было еще раз подчеркнуто, что Советский Союз решительно исключает возможность экспортировать революцию. Против экспорта революции в свое время выступал В. И. Ленин, подчеркивавший, что без зрелых внутренних условий в той или иной стране революция победить не может. В то же время Советский Союз выступает самым решительным образом против экспорта контрреволюции, считая, что каждый народ имеет право на решение своей судьбы, на самоопределение и ему не должны в этом мешать внешние силы.

Советский Союз, как известно, выступает за сокращение, а затем и прекращение гонки вооружений между СССР и США, странами Варшавского Договора и НАТО, т. е. в первую очередь за нормализацию положения на глобальном уровне. Вместе с тем стабилизация положения в мире, обеспечению мира и безопасности народов может служить ряд региональных инициатив.

Одним из важных шагов в этом направлении могло бы быть внедрение мер доверия в Азии, особенно на Дальнем Востоке, о чем говорилось в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС. Реализация этих мер, очевидно, возможна как на коллективной основе с участием всех заинтересованных сторон в виде, например, конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана, так и на двусторонней основе.

К мерам, которые предлагал Советский Союз, относится ряд акций, нацеленных на укрепление стабильности военно-политического положения, ослабление и впоследствии ликвидацию военного противостояния различных государств, упразднение подозрительности в отношении их военной деятельности.

Меры доверия, подчеркивали в Советском Союзе, могли бы охватить конкретные согласованные действия (не только, естественно, советско-американские, хотя они, очевидно, способны сыграть чрезвычайно важную роль) в таких областях, как:

- предотвращение случайного или несанкционированного применения ядерного оружия;

- нераспространение ядерного оружия;

- «профилактика» вооруженных конфликтов;

- отказ от попыток одностороннего «управления» конфликтными ситуациями при осуществлении согласованных действий по их урегулированию;

- осуществление целого комплекса процедур по заблаговременному взаимному оповещению о проведении военных маневров, учений и передвижений войск, обмен военными наблюдателями и делегациями, сокращение масштабов маневров и учений;

- договоренность о превращении отдельных районов — уже или потенциально опасных — в зоны мира. Этому, в частности, способствовала бы нормализация отношений между тремя странами Индокитая и пятью странами АСЕАН. Можно было бы скрепить её двусторонними договорами о мирном сосуществовании стран Индокитая с КНР, а также разработать систему международных гарантий с участием постоянных членов Совета Безопасности ООН, что не исключает возможности и общего договора о мире и стабильности между странами региона;

договоренность о военной нейтрализации ряда районов, где происходит наращивание вооруженных сил и вооружений. Такими районами являются, в частности, зоны Индийского океана, Персидского залива и Средиземного моря.

В 1977—1978 гг., как известно, велись советско-американские переговоры об ограничении и последующем сокращении военной деятельности в Индийском океане. К сожалению, именно тогда, когда наметился реальный прогресс на переговорах, в феврале 1978 г., правительство США заявило об отказе от их продолжения и приступило к крупномасштабному наращиванию в зоне Индийского океана своего военного присутствия и военной деятельности.

Что касается района Персидского залива, то меры по обеспечению мира и безопасности в этом районе, предложенные Л. И. Брежневым в выступлении в Дели 10 декабря 1980 г., включают в себя взаимные обязательства:

не создавать иностранных военных баз в районе Персидского залива и на прилегающих островах; не размещать там ядерного или какого-либо другого оружия массового уничтожения;

не применять и не угрожать применением силы против стран района Персидского залива, не вмешиваться в их внутренние дела;

уважать статус неприсоединения, избранный государствами района Персидского залива; не вовлекать их в военные группировки с участием ядерных держав;

уважать суверенное право государств этого района на их природные ресурсы;

не создавать каких-либо препятствий или угроз нормальному торговому обмену и использованию морских коммуникаций, связывающих государства этого района с другими странами мира⁸.

Такую договоренность предлагалось оформить не только на советско-американском уровне, но и с полноправным участием самих государств данного района, Китая, Японии, стран Западной Европы, всех государств, которые проявляют к этому интерес.

Известно, что, идя навстречу настроениям на Западе, Советский Союз согласился обсуждать все эти меры по зоне Персидского залива в увязке с вопросами, свя-

занными с Афганистаном. Однако и такая конструктивная линия не нашла положительного ответа.

СССР предлагал также рассмотреть вопрос о мерах военной разрядки в районе Средиземного моря, которая предусматривала бы согласованное сокращение вооруженных сил, вывод из Средиземного моря кораблей — носителей ядерного оружия, отказ от размещения ядерного оружия на территории средиземноморских неядерных стран, принятие ядерными державами обязательств не применять ядерного оружия против любых средиземноморских стран, не допускающих размещения у себя такого оружия.

Советский Союз выступил с предложением о взаимном ограничении действий военно-морских флотов СССР и США, распространении мер доверия на акватории морей и океанов, особенно на те районы, где пролегают наиболее оживленные морские пути, вообще о проявлении максимальной сдержанности обеих противостоящих блоков государств в их военной деятельности.

Естественно, что успешная реализация этих мер или даже части из них содействовала бы последующему продвижению мирового сообщества в направлении стабилизации обстановки в различных регионах мира.

Ясно, что все изложенное имеет большое значение для освободившихся стран, для их статуса в системе современных международных отношений. Если линия империализма чрезвычайно осложнила период превращения этих стран в субъект мировой политики и противодействует их становлению в качестве активного фактора развития международных отношений, то политика Советского Союза, других социалистических стран создавала и создает принципиально иные условия, способствующие активизации роли освободившихся стран на международной арене.

Неприсоединение — политика позитивного воздействия на международные отношения

Роль освободившихся стран в международных отношениях наиболее полно проявилась в проводимой ими политике неприсоединения. История возникновения и развития этой политики достаточно освещена во многих

работах советских и зарубежных авторов⁹. Мы ставим своей задачей рассмотреть суть этого явления, его роль и место в современных международных отношениях, а также некоторые противоречивые моменты того реального смысла, который вкладывают в политику неприсоединения различные государства.

Бывшие колониальные и полуколониальные страны оказались вписанными в мир, разделенный не только на противоположные системы, но и на противостоящие друг другу военные блоки — НАТО и Варшавский Договор. При этом если в социально-политическом плане для молодых государств был открыт путь в сторону социализма, минуя развитое капиталистическое общество, в ходе либо социалистической, либо национально-демократической революции, то это отнюдь не означало их механического включения в Варшавский Договор; аналогично не означало согласия на участие в НАТО или в связанных с этим блоком военных союзах типа СЕАТО и СЕНТО тех освободившихся стран, которые пошли по капиталистическому пути развития. Блоковое противостояние, против которого неоднократно выступал Советский Союз, связывающий существование Варшавского Договора лишь с продолжающейся деятельностью НАТО, естественно, с самого начала отнюдь не было лучшим средством сохранения мира и безопасности народов, в том числе, конечно, и развивающихся стран.

В создавшейся сложной обстановке развивающиеся страны приступили к поискам своего группового курса с целью внести конструктивный вклад в стабилизацию международного положения, создать наиболее благоприятные внешние условия для укрепления и защиты завоеванного ими в тяжелой борьбе национального суверенитета, развить свои производительные силы, повысить уровень жизни населения, обеспечить свой общий прогресс. Так родилась политика неприсоединения. Каковы ее основные параметры?

Во-первых, главной задачей движения неприсоединения с момента его возникновения объективно стала борьба за недопущение войны, против силовых приемов, используемых империалистическими государствами, за обеспечение прочного и справедливого мира. Это не абстрактная общегуманная задача. Для освободившихся стран она диктуется жизненными интересами.

Прежде всего, бывшие колонии и полуколонии вступили в мир, в котором уже было создано качественно новое оружие массового уничтожения, способное в случае войны с его применением поставить под угрозу существование всей земной цивилизации. Освободившиеся страны никак, ни при каких обстоятельствах не могут рассчитывать выжить в такой войне. Другая сторона международной обстановки, в которую оказались включенными освободившиеся страны, состоит в том, что и без всеобщей войны, но в условиях напряженности и военного противостояния, в процессе гонки вооружений, они все больше становились и становятся объектом военно-стратегических воцелений империализма.

Во-вторых, движение неприсоединения в общем нацелено (конечно, здесь проявлялись и другие тенденции, но они не были доминирующими) не на аморфный пацифизм, а на внедрение в жизнь позитивных, конструктивных принципов мирного сосуществования между государствами двух противоположных общественно-политических систем. Такая нацеленность тоже объективно отражает расширяющуюся сумму задач, вставших перед бывшими колониями и полуколониями, связанных уже не только с выживанием и укреплением политического суверенитета, но и с борьбой за экономическую независимость.

Реализация принципов мирного сосуществования, предусматривающих, в частности, координацию усилий государств двух систем по решению общечеловеческих проблем, стала необходимой странам Азии, Африки и Латинской Америки прежде всего для преодоления их экономической отсталости. В этом плане приобрела огромное значение проблема высвобождения средств, расходовемых великими державами на военные нужды, с перспективой их использования и в интересах экономического развития бывших колоний и полуколоний*. Не случайно, что с сокращением вооружений развивающиеся страны связывают рост внешней финансовой, экономической и научно-технической помощи им. Разрушение, как известно, не только высвобождает огромные средства, но и может значительно увеличить граж-

* По данным Стокгольмского международного института мира (СИПРИ), в 1980 г. общемировые расходы на вооружение достигли 500 млрд. долл., а к 2000 г., если сохранятся нынешние темпы, вероятно, составят 820 млрд. долл. в год¹⁰.

данский научно-технический потенциал во всем мире благодаря переключению на мирные цели военных исследовательских расходов и рассекретиванию разработок, уже накопленных в военных центрах.

Перспектива ослабления, а затем и прекращения гонки вооружений чрезвычайно важна для группы освободившихся стран еще и потому, что это способно оказать сдерживающее, тормозящее воздействие на «мини-гонки» вооружений, отвлекающие огромные средства от вложений в их экономику. Развивающиеся страны как наиболее слабая сторона в международном разделении труда несут непропорционально большую долю бремени общемировых военных расходов. За период с 1965 по 1980 г., т. е. именно за то время, когда освободившиеся страны стали играть более заметную, активную роль в международных делах, их доля в мировых расходах на вооружение возросла с 6,3¹¹ до 16%¹². При этом в 70-е годы военные расходы стран Азии, Африки и Латинской Америки росли быстрее, чем их валовой национальный продукт. По отдельным регионам цифры военных расходов особенно внушительны. В 1977 г. военные расходы на душу населения на Ближнем Востоке составили 250 долл., что равно аналогичному показателю для развитых капиталистических стран¹³.

На вооружения непроизводительно расходуются громадные валютные средства, которые могли бы быть вложены в экономику, в закупку передовой технологии, столь необходимой для развивающихся стран. По подсчетам ЮНКТАД, расходы освободившихся стран на приобретение патентов и лицензий составляли в конце 70-х годов 9 млрд. долл. в год. В то же время на военные приготовления они тратили ежегодно более 60 млрд. долл., т. е. сумму, в 7 раз превышающую стоимость импорта технологии¹⁴. При этом создание центров национальной военной промышленности в развивающихся странах, носящих, как, например, в Египте, анклавный характер, в целом оказывает незначительное влияние на их научно-технический и экономический прогресс.

Есть еще одна серьезная сторона проблемы — влияние гонки вооружений на рост дефицита квалифицированных национальных кадров в развивающихся странах. В целом ряде случаев наиболее подготовленные кадры, да к тому же в условиях их крайней нехватки, отвле-

каются из гражданской сферы в военную. Ввиду того что общее число занятых в сфере производства лишь в несколько раз превышает численность вооруженных сил (например, в Турции в конце 70-х годов наемных работников, занятых в промышленности и строительстве, насчитывалось немногим более 1,5 млн. при численности армии в 500 тыс. человек¹⁵), такое отвлечение людских ресурсов значительно влияет на темпы экономического роста.

Конечно, не все военные расходы освободившихся стран необоснованны. В значительной части они порождены реальными угрозами для безопасности этих стран. Мы лишь хотим подчеркнуть, что гонка вооружений на глобальном уровне, с одной стороны, объективно способствует усилению таких угроз со стороны империалистических и гегемонистских кругов, а с другой — во многом инспирирует те «мини-гонки» вооружений в развивающемся мире, которые ведутся по мотивам, не имеющим ничего общего с интересами безопасности освободившихся стран.

Внедрение принципов мирного сосуществования в качестве нормы международной жизни способно облегчить реализацию новой роли освободившихся стран в мирохозяйственных связях. В атмосфере «холодной войны» отодвигаются на задний план как проблемы развития экономического, научно-технического потенциала освободившихся стран, так и проблемы передачи им научно-технического опыта*. Между тем общее оздоровление

* Общеизвестна ключевая роль науки и техники в акселерации экономического и социально-культурного развития. Общеизвестен и крайне низкий уровень развития научно-технического потенциала в подавляющем большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки. При 70%-ной доле мирового населения на эти страны приходилось в середине 70-х годов лишь 4% мировых расходов на науку и технику, 2% всего мирового научно-технического потенциала. Соотношение между объемом научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на душу населения в группах развитых капиталистических и развивающихся стран составляло в указанный период 140 : 1¹⁶. Очевидно, что развивающиеся страны не в состоянии существенно сократить этот разрыв, опираясь лишь на собственные силы. Заимствование научно-технического опыта из развитых стран представляет собой важный ускоритель их экономического и социально-культурного развития. Этот процесс позволяет странам Азии, Африки и Латинской Америки в известной мере «перешагивать» через промежуточные, уже пройденные промышленными странами этапы развития производительных сил.

международного климата способствует широкому обсуждению объективно назревших изменений в условиях торгово-экономических и научно-технических отношений между бывшими колониями и метрополиями.

Так, в 1973—1974 гг. развивающиеся страны бросили настоящий вызов сложившейся системе торгово-экономических отношений. На четвертой встрече глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Алжире в сентябре 1973 г. была принята резолюция о новом международном экономическом порядке. Организация стран — экспортеров нефти через месяц впервые по настоящему продемонстрировала, что развивающиеся страны, контролирующие основную часть важнейших видов сырья, обладают мощным средством экономического воздействия на развитые капиталистические страны. Именно в условиях разрядки на VI и VII специальных и XXIX очередной сессиях Генеральной Ассамблеи ООН были приняты известные основополагающие документы: «Декларация» и «Программа действий по установлению нового международного экономического порядка», «Хартия экономических прав и обязанностей государств», «Развитие и международное экономическое сотрудничество», — которые закладывали основы новых по своему типу торгово-экономических и научно-технических связей развитых государств с развивающимися странами.

Начавшееся во второй половине 70-х годов ухудшение международной обстановки, вызванное изменением внешнеполитического курса Вашингтона, незамедлительно сказалось на отношении США и некоторых других развитых капиталистических государств к проблеме экономических связей с развивающимися странами. В ходе дискуссий о демократизации мирохозяйственных связей позиции развитых капиталистических стран заметно ужесточились. Это со всей очевидностью проявилось уже на V сессии ЮНКТАД в Маниле, которая ознаменовалась открытым противодействием промышленно развитых капиталистических стран принятию решений, которые позволили бы продвинуться вперед в перестройке международных экономических отношений на справедливой и демократической основе.

В осложнившейся обстановке проходила и XI специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по экономическим вопросам, созванная по инициативе развиваю-

щихся стран. Определенное разочарование в среде общест-венности вызвала также работа сессии Конференции ООН по науке и технике в целях развития (ЮНКСТАД) в Вене летом 1979 г.

Совершенно понятно, что развернувшаяся на рубеже 70—80-х годов борьба за предотвращение сползания к новой «холодной войне», за продолжение разрядки на-пряженности в отношениях между государствами двух систем приобрела для развивающихся стран особое зна-чение. В создавшихся в этот период условиях еще на-гляднее, чем прежде, проявилась взаимосвязь, взаимо-зависимость между задачами борьбы за мир, междуна-родную безопасность, с одной стороны, за националь-ное и социальное освобождение народов — с другой.

В-третьих, движение неприсоединения с самого свое-го возникновения не могло быть и не стало нейтраль-ным, хотя некоторые тенденции к нейтрализму в нем су-ществовали и существуют.

Нейтральность в традиционном ее понимании, нейтра-лизм практически означали «превентивный» отказ стра-ны от участия в военных действиях и от поддержки в любой форме государств, вовлеченных в конфликт, ча-стичную и в ряде случаев полную демилитаризацию сво-ей территории, а также ряд других норм, которые соот-ветствовали бы этой линии. Такая политика укладыва-лась в рамки непротиводействия силам, готовящим вой-ну, или, во всяком случае, представляла собой отказ от активного им сопротивления.

Неприсоединение с самого начала родилось как по-литика *активной* борьбы против сил, ущемляющих на-циональные интересы освободившихся стран — и гонкой вооружений, и подготовкой глобальной войны, и прове-дением ряда локальных военных операций, направлен-ных на лишение независимости освободившихся стран, и консервацией той международной системы экономиче-ских отношений, которая обеспечивает эксплуатацию развивающегося мира. Уже вследствие существования всех этих явлений движение неприсоединения не могло оказаться в русле традиционного нейтрализма. Более того, сама конкретная расстановка сил в мире объектив-но сделала движение неприсоединения уже с первых его шагов антиимпериалистическим. Сталкиваясь с реаль-ной действительностью, неприсоединившиеся государства

придавали явно антиимпериалистический характер своей политике, вырабатываемой как на индивидуальной, так и на коллективной основе.

Конечно, такой антиимпериализм не был универсален для всех участников движения неприсоединения. Были и остаются отдельные развивающиеся страны, которые руководствуются соображениями другого порядка, в частности те, кто, образно говоря, проповедует: «чума на оба ваши дома». На базе такого отношения к двум системам не только появляются теории «равноудаленности» от СССР и США, но и строится политика трансформации движения неприсоединения в некую «третью силу», противостоящую в одинаковой степени и НАТО, и Варшавскому Договору.

Иногда «равноудаленность» оправдывается стремлением к самостоятельности, к независимой роли освободившихся стран в международных делах. Однако такая самостоятельность обеспечивается отнюдь не в результате одинакового «дистанцирования» от мира социализма и мира капитализма. Известно, что со стороны этих двух миров проявляется противоположный подход к движению неприсоединения. Если Советский Союз, другие социалистические страны относились и относятся к этому движению как к важному, позитивному, самостоятельному фактору международной жизни, то Соединенные Штаты и их союзники видят в нем, по существу, негативный фактор. Наиболее полно это выразилось в характеристике, которую в 50-х годах дал движению, провозгласившему своей целью неучастие в военных блоках, тогдашний государственный секретарь США Джон Фостер Даллес. Он назвал его аморальным. В дальнейшем, в условиях роста авторитета и возможностей движения неприсоединения, повышения его веса в международных делах, лидеры империалистических государств предпочитали воздерживаться от публичных заявлений такого рода. Однако их резко отрицательное отношение к политике неприсоединения, к участникам движения, вообще к перспективе повышения роли освободившихся стран в мировой политике проявилось и проявляется во многих политических и пропагандистских акциях.

Важно подчеркнуть и другое: «равноудаленность» приходит в противоречие с объективной заинтересован-

ностью освободившихся стран в союзе с другими антиимпериалистическими силами и, конечно, с самой главной из них — социалистическим содружеством.

Понятно, что на решение вопроса о естественных союзниках и противниках движения неприсоединения оказало воздействие изменение состава его участников. Оно произошло не только в результате того, что ряд участников (Вьетнам, Куба и др.) избрали путь социалистического развития, а другие вступили на путь социалистической ориентации. Эти страны являются главными объектами подрывной деятельности, осуществляемой империализмом и реакцией в Азии, Африке и Латинской Америке, и их активное участие в движении не могло не укрепить его антиимпериалистический потенциал. Вместе с тем, как уже говорилось, в мире развивающихся стран в результате усиления процессов их дифференциации, размежевания возникли «субимпериалистические очаги». Это нашло выражение в том числе и в проявлении отдельных антидемократических тенденций в движении неприсоединения. Однако они не превалируют над его магистральным, антиимпериалистическим направлением. Можно считать, что решительный антиимпериализм был и остается кредо этого движения.

Есть все основания полагать, что антиимпериалистическая направленность движения неприсоединения сохранится в качестве основной, преобладающей тенденции и в будущем. Этот вывод проистекает также из того факта, что в задачах движения все больший удельный вес приобретают экономические вопросы, проблемы борьбы за демократизацию международной экономической системы, используемой развитыми капиталистическими государствами для эксплуатации развивающихся стран. Здесь проявляется широкое поле общих интересов участников движения неприсоединения, включая интересы и тех стран, которые по ряду политических проблем идут в фарватере империалистической политики.

В целом движение неприсоединения — это положительное явление современности, оказывающее все большее влияние на мировую политику. В этом движении в основном проявляется та конструктивная, хотя и неоднолинейная роль, которую играют освободившиеся страны в международной жизни.

Когда была закончена эта книга, ее автор, хотя он с самого начала и ставил перед собой ограниченные задачи, особенно остро почувствовал, что ряд важных для развития современного Востока проблем не нашел в ней отражения, а некоторые вопросы лишь намечены. Конечно, существуют и объективные оправдания этому.

Сегодняшний Восток — это самый сложный организм, развитие которого определяется спецификой воспроизводственного процесса, и закономерностями мирохозяйственных и международных политических связей, и диалектическим взаимодействием традиций и современности, и своеобразием революционной ситуации, движущих сил революции. В то же время за всю историю Востока, по-видимому, не было периода, сравнимого с тем, который обозначился после завоевания политической независимости бывшими колониями и зависимыми странами, по быстроте, масштабности, глубине происходящих социально-экономических и общественно-политических изменений. Часто события на современном Востоке смотрятся как в калейдоскопе, принимая различные и подчас неожиданные очертания.

Сегодня вместе с тем уже мало просто сказать, что Восток стал далеко не таким, каким он был раньше. Недостаточно говорить и о тех переменах, которые на наших глазах происходят на Востоке. Сегодня, очевидно, можно с большей степенью вероятности, чем когда бы то ни было раньше, прогнозировать пути развития Востока и в краткосрочном и в долгосрочном плане. При этом если долгосрочная перспектива не вызывает сомнений, она безусловно видится как движение в сторону будущего всего человечества — социализма, то на ближайшую перспективу можно утверждать, что Восток все еще останется пестрым, разным по уровню развития, по государственному устройству, по избранной ориентации.

Но даже если значительная часть бывшего колониального и зависимого мира все еще развивается на путях капитализма, это отнюдь не означает укрепления мировой капиталистической системы. Если некоторая часть этого мира представляет опорные пункты империализма, то это также не означает торжества неокolonизаторов. Общая тенденция развития, а она является определяющей, такова, что события на Востоке в целом работают на подрыв мирового империализма и в конечном счете служат торжеству идей социализма во всемирном масштабе.

Это — главный вывод книги, в которой автор пытался показать не только своеобразие, но и большую сложность процессов, развивающихся на Востоке после краха колониальной системы.

Предисловие

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 11.

Глава I

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 45.

² См.: Зарубежный Восток и современность. Т. 1. М., 1980, с. 25—27.

³ См. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 20—24.

⁴ С. И. Тюльпанов. Очерки политической экономии. Развивающиеся страны. М., 1969, с. 7.

⁵ В. Шейнис. Социально-экономическая дифференциация и проблемы типологии развивающихся стран.—«Мировая экономика и международные отношения». 1978, № 8, с. 97—103.

⁶ Там же, с. 101.

⁷ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 13.

⁸ См.: Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы, с. 45—50, 74—75 и др.

⁹ А. И. Левковский. Социальная структура развивающихся стран. М., 1978, с. 10.

¹⁰ См.: В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 359.

¹¹ Р. А. Ульяновский. Общие закономерности социально-экономического развития и проблема специфики стран Востока.—«Новая и новейшая история». 1978, № 3, с. 51.

¹² См.: Экономика Индии: отраслевой анализ. М., 1980, с. 9—10; Г. К. Широков. Межукладное взаимодействие в развивающихся странах Востока.—«Народы Азии и Африки». 1979, № 4, с. 115.

¹³ Типология несоциалистических стран (Опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств). М., 1976.

¹⁴ «Monthly Energy Review». US Department of Energy. Wash., February 1981, с. 83.

Глава II

¹ См., например: Г. Ф. Ким. Национально-освободительное движение на современном этапе.—«Международная жизнь». 1981, № 3.

* Ссылки на труды В. И. Ленина даются по Полному собранию сочинений.

- ² В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Т. 30, с. 112.
- ³ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Т. 27, с. 394.
- ⁴ Там же, с. 395.
- ⁵ Здесь и ниже за 1950—1977 гг. см.: «Мировая экономика и международные отношения» (далее — МЭМО). 1978, № 8, с. 154; за 1978—1980 гг. — предварительные оценки ОЭСР и региональных экономических комиссий ООН, приведенные в различных источниках.
- ⁶ См.: МЭМО. 1972, № 3, с. 148—157; «Yearbook of National Accounts Statistics 1979». Vol. II. U. N. N. Y., 1980, с. 3.
- ⁷ Эти цифры взяты из рекомендаций ООН для Второго десятилетия развития (International Development Strategy: Action Programme of the General Assembly for the Second United Nations Development Decade. U. N. N. Y., 1970, с. 4—5). Они были подтверждены и в резолюции VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1975 г.
- ⁸ W. Leontief. The Future of the World Economy. U. N. N. Y., 1977, с. 3.
- ⁹ Подробнее см.: Неравномерность экономического развития капитализма (1950—1976 гг.) — МЭМО. 1979, № 5, с. 144—146.
- ¹⁰ Рассчитано по: «Petroleum Economist». L., June 1981, с. 232; Р. Андреасян, А. Казюков. ОПЕК в мире нефти. М., 1978, с. 178.
- ¹¹ «Petroleum Economist». June 1981, с. 232.
- ¹² Саудовская Аравия. М., 1980, с. 118.
- ¹³ См.: «Le Monde», 23—24.I.1977.
- ¹⁴ «Middle East Economic Digest» (далее — MEED). L., 1980, vol. 24, № 45, с. 7.
- ¹⁵ «First Chicago World Report». Chicago, May—June 1980, с. 2.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Т. 27, с. 362, 398.
- ¹⁸ MEED. 1981, vol. 25, № 4, с. 10.
- ¹⁹ Рассчитано по: «Development Co-operation». P., 1979, с. 67, 226; 1981, с. 196.
- ²⁰ The Role of Transnational Companies (Direct Private Investment). N. Y., 1979, с. 23.
- ²¹ Рассчитано по: «Development Co-operation», 1979, с. 226; 1981, с. 196.
- ²² «Азия и Африка сегодня». 1981, № 8, с. 20.
- ²³ The Role of Transnational Companies (Direct Private Investment), с. 20.
- ²⁴ Рассчитано по: «Monthly Bulletin of Statistics». U. N. N. Y., 1981, vol. XXXV, № 1, с. XXIV—XXXI.
- ²⁵ См.: МЭМО. 1980, № 12, с. 34.
- ²⁶ Рассчитано по: «Handbook of International Trade and Development Statistics, 1979». U. N. N. Y., с. 433—434; «World Bank. Annual Report». Wash., 1980, с. 146—147.
- ²⁷ World Bank. World Development Report. Wash., 1980, с. 100.
- ²⁸ «Development Co-operation», 1978, с. 40—41.
- ²⁹ Подробнее см., например: W. Leontief. The Future of the World Economy.

³⁰ См.: Типология несоциалистических стран (Опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств). М., 1976, с. 125—128.

³¹ См.: МЭиМО. 1977, № 9.

³² Программа и устав Коммунистического Интернационала. М., 1936, с. 108.

³³ Рассчитано по: MEED. 1977, vol. 23, № 6; 1981, vol. 25, № 3.

³⁴ MEED Special Report, February 1980, с. 7.

³⁵ MEED Special Report, March 1981, с. 36.

³⁶ MEED. 1981, vol. 25, № 3, с. 16—22.

³⁷ Там же.

³⁸ J. Lesgaw. Intra-Asian Direct Investment: Theory and Evidence from the ASEAN Region.— «UMBC Economic Review». Kuala Lumpur, 1980, vol. XVI, № 2, с. 20.

³⁹ Там же, с. 23.

⁴⁰ U. S. Military Sales to Iran. A Staff Report to the Subcommittee on Foreign Assistance of the Committee on Foreign Relations. United States Senate, July 1976. Wash., 1976, с. VII.

Глава III

¹ В. И. Ленин. Маевка революционного пролетариата.— Т. 23, с. 301.

² См.: К. И. Зародов. Три революции в России и наше время. М., 1977.

³ В. И. Ленин. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова).— Т. 45, с. 381.

⁴ См.: Н. А. Симония. Современный этап освободительной борьбы.— «Азия и Африка сегодня». 1981, № 5.

⁵ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41, с. 77.

⁶ Рассчитано по: Directory of Foreign Collaboration. New Delhi, 1974, vol. II.

⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 13.

⁸ G. S. Vadeau. Islam and the Modern Middle East.— «Foreign Affairs». 1959, vol. XXXVIII, № 1, с. 61 (Дж. Бадо в 50-е годы был директором Института Среднего Востока Колумбийского университета).

⁹ D. E. Smith. Religion and Political Development. Princeton, 1970, с. 124.

¹⁰ W. E. Griffith. Islam on the March!— «Reader's Digest». 1979, vol. 114, № 686, с. 81.

¹¹ Muslim Peoples. A World Ethnographic Survey. L., 1979, с. 499, 527; World Population Trends and Prospects by Country, 1950—2000. N. Y., 1979, с. 15—18.

¹² «Kuwait Annual Statistical Abstract». Kuwait, 1979, с. 116; «The Middle East Yearbook». L., 1979, с. 130.

¹³ См., например: Зарубежный Восток и современность. Т. 3. М., 1981; М. Т. Степанянц. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока. Очерки. М., 1965; Религия и общественная мысль стран Востока. М., 1974; Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. М., 1978; Религия в странах Азии и Африки.— «Народы Азии и Африки». 1980, № 1; Л. Р. Полонская, А. И. Ионова. Концепция «исламской эконо-

мики»: социальная сущность и политическая направленность.— «Мировая экономика и международные отношения». 1981, № 3.

¹⁴ «Monde diplomatique». 26.IV.1979, с. 7.

¹⁵ См.: «Pakistan Times», 13.II.1979; Fouad al-Farsi. Saudi Arabia. A Case Study in Development. L., 1978, с. 32.

¹⁶ «Dawn». 14.VIII.1979.

¹⁷ См.: В. И. Ленин. Пробуждение Азии.— Т. 23, с. 145.

¹⁸ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение.— Т. 25, с. 275—276.

¹⁹ В. И. Ленин. К вопросу о рабочих депутатах в Думе и их декларации.— Т. 22, с. 203.

²⁰ «Times of India», 4.IV.1981.

²¹ «US News and World Report». 1979, vol. 87, № 24, с. 21.

²² «Business Week». 1980, February 4, с. 51; «US News and World Report». 1980, vol. 88, № 15, с. 31.

²³ В. И. Ленин. Ответ на вопросы американского журналиста.— Т. 39, с. 114, 489.

²⁴ См.: Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 129—130.

²⁵ В. И. Ленин. Телеграмма Г. К. Орджоникидзе и записка Л. Д. Троцкому.— Т. 51, с. 175.

²⁶ В. И. Ленин. Социализм и религия.— Т. 12, с. 146.

Глава IV

¹ См.: Ф. Энгельс. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России».— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 445—446.

² В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала. 3. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля.— Т. 41, с. 245—246.

³ См.: П. М. Шастичко. Ленинская теория национально-колониального вопроса. М., 1979, с. 204.

⁴ См.: Ю. Цеденбал. Избранные статьи и речи. 1962—1973 гг. М., 1974, с. 246—247.

⁵ См.: В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала. 3. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля, с. 246.

⁶ В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала. 1. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля.— Т. 41, с. 234.

⁷ В. И. Ленин. Материалы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. 6. Замечания на доклад А. Султан-заде о перспективах социальной революции на Востоке.— Т. 41, с. 457.

⁸ В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала. 3. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля, с. 243.

⁹ В. И. Ленин. Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики.— Т. 44, с. 232—233.

¹⁰ Пути развития стран, завоевавших национальную независимость, и мировой социализм. Прага, 1964, с. 437.

¹¹ Там же, с. 439.

¹² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 12.

¹³ См.: И. П. Беляев, Е. М. Примаков. Египет: время президента Насера. М., 1974, с. 169.

¹⁴ «Statistical Handbook 1952—1966». Cairo, June 1967, с. 42, 46.

¹⁵ В. И. Ленин. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности.— Т. 36, с. 298—299.

¹⁶ Там же, с. 295—296.

¹⁷ В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться.— Т. 34, с. 191.

¹⁸ В. И. Ленин. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г.— Т. 43, с. 159.

¹⁹ См.: В. И. Ленин. О продовольственном налоге.— Т. 43, с. 222—227.

²⁰ Там же, с. 229.

²¹ См.: В. И. Ленин. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, с. 295, 299, 300, 302 и др.

²² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 513, примеч. 82.

²³ См.: Зарубежный Восток и современность. Т. 1. М., 1980, с. 302.

²⁴ Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. 1. М., 1967, с. 39.

²⁵ К. Н. Брутенц. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 64. Об особенностях идеологической эволюции революционной демократии см. также: К. Н. Брутенц. Современные национально-освободительные революции. М., 1974.

²⁶ См.: В. И. Ленин. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г.— Т. 41, с. 406—407.

²⁷ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41, с. 14.

²⁸ См. там же, с. 89; В. И. Ленин. Основной тезис против эсеров.— Т. 7, с. 51—53.

²⁹ «Аль-Ахрам», 9.V.1966.

Глава V

¹ «Ecologist». Wade Bridge, 1979, vol. 9, № 3, с. 81.

² «Financial Times». L., 21.I.1981, с. 17.

³ Development Cooperation: Efforts and Politics of the Members of the Development Assistance Comm. 1979 Review/P., Rep. by Lewis J. P. OECD. P., 1979, с. 78, 80.

⁴ «Правда», 20.VI.1981.

⁵ R. St. John. The Boss. L., 1960, с. 243.

⁶ Рассчитано по: «Statistical Yearbook». U. N. N. Y., 1979; «Statistical Abstract of United States». N. Y., 1978. 1979; «International Defence Business». L., 1978.

⁷ «Washington Post», 31.I.1981.

⁸ Partners in Development. Report of the Commission on International Development. Chairman L. B. Pearson. N. Y., 1969.

⁹ См., например: Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, разд. 3, гл. III.

¹⁰ См.: Е. Брагина. Международная стратегия развития на 80-е годы.— «Мировая экономика и международные отношения». 1981, № 6, с. 119.

¹¹ H. Grundmann. The Effects of Development Aid on Exports.— «Interconomics». Hamburg, 1978, vol. 13, № 9/10, с. 242.

¹² G. R. Franco. Economic and Political Aspects of U. S. Multilateral Aid.— В кн.: The Politics of Aid, Trade and Investment. Ed. by Raichur S., Liske C. N. Y. etc., 1976, с. 133, 156.

¹³ Рассчитано по: World Bank. World Development Report. Wash., 1980, с. 98—99.

¹⁴ «Международная жизнь». 1981, № 2, с. 113.

¹⁵ Partners in Development. Report of the Commission on International Development, с. 157.

¹⁶ «Financial Times», 25.VII.1980, с. 16.

¹⁷ «Newsweek». N. Y., 1980, November 24, с. 64.

¹⁸ Transnational Corporation in World Development. A Re-Examination. U. N. N. Y., 1978, с. 236—237; «Survey of Current Business». U. S. Department of Commerce. Wash., August 1980, с. 24.

¹⁹ G. Martner. Producers—Exporters Associations of Developing Countries. Geneva, 1979, с. 7—15.

²⁰ «World Energy Supplies. 1973—1978». U. N. N. Y., 1979; с. 3—5, 104, 158, 228.

²¹ См.: Л. М. Томашпольский. Нефть и газ в мировом энергетическом балансе (1900—2000 гг.). М., 1968, с. 48—49.

²² Энергетический кризис в капиталистическом мире. М., 1975, с. 172.

²³ В. В. Рымалов. Структурные изменения в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1978.

²⁴ А. Е. Примakov. Нефтяные ТНК и нефтедобывающие страны: эволюция отношений.— «США — экономика, политика, идеология». 1981, № 11, с. 21—22.

²⁵ См., например, Э. Е. Обминский. Группа 77: Многосторонняя экономическая дипломатия развивающихся стран. М., 1981.

Глава VI

¹ В. И. Ленин. Собрание актива московской организации РКП(б). 1. Доклад о концессиях.— Т. 42, с. 59.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1970, с. 209—210.

³ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. М., 1969, с. 45.

⁴ «Yearbook of National Accounts Statistics 1979». Vol. II. U. N. N. Y., 1980, с. 3, 5, 7.

⁵ См., например: L. Bloomfield, A. Leiss. Controlling Small Wars: A Strategy for 1970's. N. Y., 1969.

⁶ «Newsweek». N. Y., 1981, June 8, с. 15.

⁷ M. A. Guhin. Nuclear Paradox. Security Risks of the Peaceful Atom. Wash., 1976, с. 3.

⁸ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 8. М., 1981, с. 557—558.

⁹ Н. А. С и м о н и я. Движение неприсоединения — важный фактор международной политики. М., 1978; Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1979; P. Willets. The Non-Aligned Movement. L., 1978; V. P. Dutt. Non-Alignment in Changing World. Delhi, 1981; T. N. Kaul. Non-Alignment Retrospect and Perspective. Delhi, 1981, и др.

¹⁰ «World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook» (далее — SIPRI). L., 1981, с. 147, 150.

¹¹ SIPRI, 1980, с. XVIII.

¹² SIPRI, 1981, с. XIX.

¹³ Там же, с. 156.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Рассчитано по: «The Middle East Yearbook». L., 1979; «Yearbook of Labour Statistics». Geneva, 1980.

¹⁶ Рассчитано по: «UNESCO Statistical Yearbook 1980». P., 1980.

SUMMARY

In the book «The East after Collapse of Colonial System», Academician E. M. Primakov makes a try at presenting a concise analyses of a complicated situation obtaining in the post-colonial East. Having thrown off the shackles of political dependence, it has acquired sovereignty over its national wealth and out of an object the East' turned into a subject of history taking a place far from adequate either in the world economy and in the world policy or in the international relations.

The first of the six main chapters of the book analyses a set of criteria for determining common features in the group of developing countries. In this set the author emphasizes the following:

either one-sided dependence on the world capitalist «centers» or their asymmetrical interdependence on such «centers»;

multistructural character of economy;

a relatively low level of development of productive forces;

incompatibility of national interests with imperialist interests and politics of advanced capitalist states.

The second chapter reveals peculiarities of the differentiation process between the liberated countries now intensified in the economic, political, socio-class and ideological spheres. One can observe it not only in different ways of development, chosen by the countries, but also in their political courses: either independent or pro-imperialistic.

The zigzagging or non-homogeneous development of liberated countries is largely predetermined by the law of uneven development of capitalism in the era of imperialism, formulated by V. I. Lenin. Along with preserving a wide economic gap between capitalist and developing countries, this unevenness results in a distinct separation of a number of developing countries which have surpassed

the entire group as far the growth rates of the national income, capital investments and, in some instances, labour productivity are concerned. The intensification of economic differentiation of these countries is also stimulated by transnational corporations which see in economically advanced developing countries an important sphere for their activity.

Uneven development in the 1960s and, especially, in the 1970s culminated in the emergence of separate local «centers of force», a sort of «sub-imperialist seats» in the world of developing countries, which, being part of that world of common features, displayed at the same time certain imperialist traits in their economy and policy. In this context, the author refers to the problem of relations between the local «centers of force» in the developing world and the developed capitalist states as well as the use of «sub-imperialist seats» by the latter to achieve their own aims.

The law of uneven development has a direct impact on the character of revolutionary process in the community of developing states. The peculiarities of the process are examined in the third chapter of the book. As a national-liberation struggle in the post-colonial period, the revolutionary process is distinguished by an increase in the socio-class element, expressed, in the author's opinion, as follows:

national-liberation revolutions develop into national-democratic ones;

socio-economic and political transformations are implemented more consistently in the states of socialist orientation with revolutionary parties of a vanguard type in power;

in the countries that follow the capitalist road of development, social differentiation, anti-imperialist elements in politics and class demands are intensified and a revolutionary situation is developing.

At the same time the book shows that in some developing countries the revolutionary movement has suffered an «ebb».

The revolutionary process in vast areas of the foreign East is greatly influenced by the Islamic factor. Accordingly, the book analyses the causes for this increase in influence, the impact of Islam on revolutions, its compli-

cated role in the socio-political movements in the countries of the region.

The fourth chapter deals with specific features of a non-capitalist transition to socialism. The author dwells on the criterion problem for the countries of socialist orientation in the economic, social political and ideological spheres. In the author's view, the main contradictions of a non-capitalist transition can be outlined and grouped as follows:

between policy and economy;

between social and economic aspects of development;

between the policy of the ruling groups, serving mainly the interests of broad sections of the working people, and their insufficient efforts in stimulating the people's activity to effect decisions, provided by this policy;

between the requirement for a new state mechanism and a tendency to a bourgeois regeneration of some part of the new state apparatus;

between various economic structures;

between the interests of national renaissance and progress, on the one hand, and the exploitative nature of the capitalist international division of labour, on the other.

The fifth chapter covers the factors contributing to the growth of the developing countries' role in the world economy, the dynamics of relations between the «center» and the «periphery» of the world capitalist economy.

In the conditions of collapse of the colonial system, the strategic task of neocolonialism now is to retain the liberated countries within the orbit of capitalism. In this light, the chapter analyses the principal neocolonialist practices of imperialism: aid via the state channels, transnational corporations' activities via the lines of private enterprises. At the same time a number of setbacks for neocolonialism are indicated. This was most vividly manifested in connection with the energy crisis that exerted a considerable impact on changes in relations between the oil-producing developing countries and the imperialist states. In the prevailing situation the developing countries have put forward a platform of a new international economic order. The author cites the most essential of its points. The importance of the struggle for the democratization of international economic relations is noted, with an emphasis on the insolvency of attempts to emasculate the anti-

imperialist essence of that struggle, and also on the need to impart a genuinely, universal character to it in the interests of all states, irrespective of their levels of economic development and belonging to one or another socio-economic system.

The sixth chapter examines the process of transformation of the former colonies and semi-colonies from an object into a subject in the international relations, the influence of developing countries on the world policy, the interests of these countries in the modern world. The drawing of developing countries into the system of international relations and their specific role in it are analysed, with an emphasis on a methodological aspect and with the ratio between the world socialism and the world capitalism forces being changed. The chapter treats the basic differences in the USSR and USA foreign policies as well as the place taken by liberated countries in the context of confrontation and cooperation of the two opposing systems. It exposes the causes and interrelations of the development of such destructive processes as the arms race inspired by the USA and interstate regional conflicts which greatly affect the position of developing countries in the world. The non-aligned movement is qualified as an important factor in the international policy: this movement, the author believes, fully embodies a constructive, if not unilinear role of developing countries in the international affairs.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I	
Освободившиеся страны: общность или конгломерат?	7
Глава II	
Закон неравномерности развития и дифференциация освободившихся стран	28
Некоторые методологические замечания	28
Экономическая дифференциация	32
«Субимпериалистические очаги»	46
Глава III	
Особенности революционного процесса на Востоке	54
Неравномерность вызревания условий социальной революции	54
Воздействие традиционных факторов: революция и ислам	68
Глава IV	
Страны социалистической ориентации: трудный, но реальный переход к социализму	88
Историческая эволюция понятия некапиталистического перехода	88
Критерии стран социалистической ориентации	95
Противоречия процесса некапиталистического перехода	108
Глава V	
Место в мировой экономике	116
Возражения против крайних оценок	116
Сущность неокOLONиализма	120
Брешь в неокOLONиализме или уроки энергетического кризиса	134
Борьба за демократизацию международных экономических связей	148
Глава VI	
Освободившиеся страны в международных отношениях	154
Вопросы методологии	155
Освободившиеся страны в контексте отношений двух противоположных систем	169
Неприсоединение — политика позитивного воздействия на международные отношения	186
Заключение	195
Примечания	197
Summary	204

УКОН.

Е. М. ТРИШАКОВ